

Ю.Г. Юровский

**ХРОНИКА
ПИКИРУЮЩЕГО НИИ**
(воспоминания научного сотрудника)

**Симферополь
2014**

Ю.Г. Юровский

Посвящается Виктору Юдину

**ХРОНИКА
ПИКИРУЮЩЕГО НИИ**

(воспоминания научного сотрудника)

**Симферополь
2014**

УДК 82 -82

ББК 94.3
Ю 78

Юровский Ю.Г.

Ю 78 Хроника пикирующего НИИ (воспоминания научного сотрудника) / Ю.Г. Юровский, Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2014. – 190 с.

Конец XX и начало XXI века ознаменовался бурными общественно-политическими событиями, изменившими судьбы многих людей живших на территории когда-то единого государства - Советского Союза. В равной мере эти изменения коснулись отдельных научных учреждений и работавших в них ученых. В книге, на примере одного Научно-исследовательского института (НИИ), показана история, взлет, расцвет и падение, в том ракурсе, каким ее увидел автор, проработавший в этом учреждении 30 лет. Специфика научных исследований, чисто личные успехи и поражения на работе и в быту описываются исключительно с точки зрения автора, его личных взглядов, опыта, переживаний и сомнений.

УДК 82 -82
ББК 94.3

© Юровский Ю.Г., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. История возникновения НИИ.....	8
2. Первые впечатления. 1981 год.....	12
3. Полет нормальный. Лето 1982 год.....	20
4. Бухта Ласпи. 1982 год.....	26
5. Лето 1983 года	35
6. Балаклава.....	39
7. Лето 1984 года	50
8. Осень 1984 года. «Леонид Кобзарь»	53
9. Донузлав.....	56
10. Болтанка. 1985 год.....	61
11. Чернобыль. 1986 год.....	65
12. Лето Крым -1986	73
13. Форсаж	80
14. Конец форсажа.....	106
15. Снижение. Полет в тумане.....	110
16. Донбасс.....	119
17. Потеря курса	126
18. Дальнейшее снижение	134
19. Болтанка. Опять потеря высоты.	150
20. Переход в пикирование	160
21. Год испытаний-2002. Маленькое отступление.....	174
22. Неуправляемый полет. 2005 г.....	177
23. Конец полета	186
Итоги.....	188

К ЧИТАТЕЛЮ

Признаться, я с трудом могу представить людей, которые никогда и нигде не работали. Тем ни менее такие субъекты есть и их с каждым годом становится все больше. Допускаю, что эти люди живут в другом измерении. Или как-то иначе устроены. Или это некая мутация. Чем они заполняют свою жизнь мне не понятно. При этом они не больные и не инвалиды. Они ценят свою свободу, порой яростно ее отстаивают. Декларируют права человека. Права человека свободного от общества, которое, тем не менее, их кормит и одевает, дает кров и даже защищает. Очевидно одно – эта повесть будет им совершенно не интересна.

Полагаю, что именно работа, труд создали нашу, увы, не совершенную цивилизацию. Цивилизацию полную противоречий и несправедливости. Но, все же, цивилизацию. В ней поровну намешено и добро и зло. Но хочется верить, что добра в ней все-таки чуть больше. И работа это вовсе не привилегия бедняков. Как хрестоматийный пример можно привести такой эпизод. К Джону Рокфеллеру пришел десятилетний внук и сказал:

- Дедушка! Дай мне денег. Я хочу велосипед.

- Если хочешь, иди и заработай.- невозмутимо ответил дед.

Мальчик все летние каникулы работал, продавая мороженое. И купил таки велосипед, но на собственные деньги. Мораль тут проста. Мутантов плодим мы сами – родители. Если с детства ребенка не приучит к труду, он не далеко уйдет от своего древнего прародителя – обезьяны. Обезьянам не нужна цивилизация. Они полностью свободны. И в любом обществе, у каждого родителя есть выбор: хочет он вырастить из своего ребенка человека или обезьяну.

Эта повесть, так же покажется скучной, людям никогда профессионально не занимавшимся наукой, не работавшим в научно исследовательских институтах. А в ней идет речь именно о специфике этих учреждений. Поэтому, автор заранее предполагает очень узкий круг читателей, коллег – ученых геологов, гидрологов, океанологов и геохимиков. Повесть написана для них, с чисто субъективным взглядом автора на проблемы и события.

ВВЕДЕНИЕ

Существование любого научно-исследовательского института (НИИ) можно сравнить с жизнью самолета. Сначала его проектируют, создают, потом испытывают, потом подбирают экипаж, дальше начинается эксплуатация. Новая машина ведет себя нормально – взлет, маршрут в своем эшелоне, посадка. Потом машина стареет. Её продают и перепродают. Другие хозяева пытаются выжать из машины все что можно и что нельзя. Это и перевозка несвойственных ей грузов и чартерные рейсы, черт знает какое обслуживание и какой экипаж. В конечном итоге машину доводят до такого состояния, что в полете она срывается в последнее пике. Экипаж, уже ничего не может сделать. Приходят ликвидаторы. По воле хозяев ученые выполняют свой последний рейс, зачастую зная конец, но надеясь на авось.

Похожую жизнь прожило и то НИИ о котором здесь пойдет речь. Как и экипажу самолета, руководству института было глубоко наплевать на груз. Главное удержать самолет в воздухе. Или, как говорят моряки – удержать судно на плаву. Причем удержать так, чтобы не потерять свое кресло. Кресло капитана судна (директора), кресло второго пилота (зам директора), кресло борт-инженера (зам директора по АХЧ), кресло штурмана (зам директора по науке), кресло радиста (главного стукача). Весьма важно было сохранить и основные кресла обслуживающего персонала. Сопровождающих груз – руководителей отделов (ибо без них нет груза, а гонять пустой самолет никто не будет). Ну, и конечно кресло хоть одной стюардессы (секретарши), - надо же кому-то подавать кофе, собирать сплетни и отфутболивать бумажки. А сам груз (научные проблемы, которые должны решать сотрудники) – дело второстепенное. Для экипажа это сплошная головная боль: надо следить, чтобы вовремя принять на борт (оформить проект или Техническое задание, заправиться горючим – обеспечить финансирование), проследить, чтоб не испортился в пути (сотрудники, должны хоть что-то написать в отчете), вовремя совершить посадку (сдать отчет Заказчику, списать израсходованное горючее). В принципе, для экипажа проще гонять пустой самолет и получать зарплату, но ведь пра-

вила игры не они устанавливают, А те, кто устанавливают (хозяева), имеют свой интерес в виде откатов. Им тоже надо удерживать свои кресла, директоров авиакомпании (министерства), директоров главков для чего приходится изображать бурную бумаготворческую деятельность. Писать циркуляры, устраивать проверки, вызывать на ковер и т. д.

При всем притом, хозяева эти тоже номинальные. Истинные хозяева – политики, мастера интриг и кроме этого занятия ничего не знающие и не понимающие. Их дело рулить еще более крупным лайнером – государством. К сожалению и этот лайнер тоже периодически входит в пике. Попадает в воздушные ямы – дефолты, а порой и вовсе разваливается в воздухе, превращаясь в маленькие свои подобия, но, с теми же проблемами и недостатками. Кто-то при таких катаклизмах теряет кресло, а кто-то и голову. Но абсолютное большинство начальствующих лиц (или, как их еще называют начальники), имеет страшную устойчивость, выживаемость и приспособляемость в любых ситуациях. Как и всякое дерьмо, они всегда плавают на самом верху, а уж если и выходят из игры, то самые скромные получают невероятных размеров пенсии, а самые ушлые - солидные капиталы и недвижимостью за бугром и продолжают жить припеваючи. Но это уже совсем другая история.

А вот подлинную историю возникновения разных НИИ в Отечестве историкам еще предстоит написать. Причем отметить все их многообразие. Существовали НИИ секретные (закрытые), так называемые ящики, у которых и названия не было, а только номер. Существовали при Сталине НИИ – «шарашки», где трудились заключенные. Существовали НИИ Всесоюзные, республиканские и отраслевые. Все они делились на категории, от которых зависела зарплата сотрудников. За исключением немногих они работали на госбюджетные средства. Так же, за редким исключением, вся научная продукция не достигала производства и накапливалась в виде пухлых томов отчетов в архивах. То есть, учреждения работали вхолостую, в лучшем случае представляя в отчете абстрактные акты внедрения научных разработок в производство. Я знаю только одно исключение - Геологический институт Академии наук СССР, где можно было отчитаться за проделанную работу статьями и монографиями. Общим для лю-

бых НИИ было наличие первых отделов и парткомов, которые бдительно следили за тем, чтобы диссидентствующие ученые мужи не скатились в болото буржуазного идеализма или лженауки. Не дай Бог тиснули какую-нибудь статейку за бугром, не спросив на это разрешения. Отклонения от генеральной линии партии сурово каралось.

В художественной литературе можно найти немало романов, повестей и рассказов о героических подвигах советских ученых – энтузиастов. Они смело побеждают примазавшихся к науке бюрократов, карьеристов и прочую нечисть, делая гениальные открытия под чутким руководством партии. Как правило, все эти гении - выходцы их простого народа, дети рабочих и крестьян, посрамившие гнилую интеллигенцию трудовыми и научными подвигами. Ярким пятном на фоне этих идейно правильных опусов выделяются два фантастических романа А. и Б. Стругацких. Первый из них «Понедельник начинается в субботу» написан с большим юмором, несмотря на полную идейную выдержанность. Многие перлы и высказывания героев романа разошлись на цитаты. В целом, это добрая сказка о научных работниках в несуществующем НИИ чародейства и волшебства, чем-то напоминающая роман Клиффорда Саймака «Заповедник гоблинов». Другой их роман оказался куда более зубастым и сатиричным (вторая часть романа «Улитка на склоне») с беспощадным высмеиванием работы некоего НИИ (Управления). Каким-то чудом эту вещь напечатали в журнале «Байкал», но читали ее в основном в самиздате. В Ленинграде, в Публичной библиотеке мне удалось получить номера этого журнала по большому благу и под залог читательского билета. Кто знает порядки в Питерской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, сразу поймет, что это неслыханно. Ну, а чуть позже эти номера журнала и вовсе изъяли из обращения и поместили в спецхран.

В этой своей, мало интересной для читателя не геолога, повести, я только попробую привести некоторые образы из их талантливых произведений и рассказать про свою жизнь и работу в этом НИИ.

1. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НИИ

При всем идейном догматизме, советские чиновники понимали, что без развития науки государству просто не прожить. Загнивающий и насквозь буржуазный Запад, своими научными и технологическими новинками делиться с Союзом никак не желал. Поэтому, свою советскую науку приходилось холить и лелеять.

Ярким примером тому служит организация филиала Академии Наук СССР в одном небольшом южном городе Эנסке в 1948 году. Надо понимать чего это стоило. Ведь только три года, как закончилась война, и большая часть страны лежала в руинах. Тем ни менее для филиала построили роскошное здание в центре Энска. Оно было в «Сталинском» стиле, с колоннами на фасаде, парадным входом, вестибюлем и лестницей, с паркетными полами в коридорах и кабинетах. До этого филиал академии занимал небольшой особняк в самом центре города. Это была своеобразная модель большого лайнера. По стечению обстоятельств ныне в этом здании регистрируют гражданские браки крымчан, что весьма символично...

Как только Никита Кукурузник подарил Крым Украине, филиал был немедленно передан Украинской Академии Наук (1956 год). Однако Украинская Академия наук, видимо, не смогла проглотить такой щедрый подарок, и в 1963 году филиал был реорганизован в НИИ, и передан Министерству геологии Украины. Так филиал АН был превращен в заурядное, к тому же отраслевое НИИ. Первым его директором стал доктор г.-м.н., профессор, Ю.Ю. (ибо его имя, фамилия и отчество начиналось на букву ю). Это был взлет нашего лайнера. В годы директорства Ю.Ю. в институте работало 670 человек, в том числе 380 научных сотрудников из которых 107 были кандидатами и 7 - докторами наук. При нем было защищено 50 кандидатских и шесть докторских диссертаций. Очень неплохой показатель для провинциального института.

Через год после смерти Ю.Ю., с 1973 года директорам института стал кандидат геолого-минералогических наук С.К. Поговаривали, что не без помощи мохнатой киевской лапы. Само-

лет двигался на автопилоте, с набором высоты. Численность сотрудников увеличилась почти вдвое - до 1128 человек, было защищено около 30 кандидатских и семь докторских диссертаций. Однако начался сказываться так называемый «синдром кандидата». Почти в каждую печатную работу, написанную сотрудниками института, директор добавлял свою фамилию в качестве соавтора. К концу жизни у С.К. набралось более 180 публикаций и почти все в соавторстве. Попасть в его кабинет на прием было проблематично даже зав. отделам. Зато он бдительно следил за трудовой дисциплиной, лично стоял у проходной, лично отлавливая опоздавших, хотя бы на одну минуту. Опоздавшим грозили выговоры, лишение премий и прочие неприятности. По его мнению, сотрудник за одну минуту до начала работы, уже должен был сидеть на рабочем месте, полностью готовый к трудовым подвигам. «Синдром кандидата» сказался и на том, что из института уволились практически все доктора наук. Большинство из них устраивались на работу в ВУЗы, где и зарплата была выше, отпуск два месяца, и более или менее свободное расписание. Осталось три или четыре доктора солидного возраста, которым некуда было идти. Один из них даже умер по пути на работу прямо на улице.

В общем, С.К. был типичным руководителем конца Брежневской эпохи, которую называли эпохой застоя и запоя. Крайне осторожный (как бы чего не вышло), консервативный по взглядах и вечно молодящийся. К примеру, он красил волосы в черный цвет, но седые корни все равно через несколько дней вылезали. С особым рвением им выполнялись указы о повышении трудовой дисциплины в период правления Ю.В. Андропова. При нем появилось требование ко всем мелким начальникам сидеть на местах и никуда не отлучаться. Если он звонил зав. отделом и тот не оказывался на месте (мало ли пошел в туалет) - следовал скандал. Являться пред его очи следовало в галстук, что в летнюю жару было сущим проклятием.

Нелепые требования внешнего антуража доходили до смешного. Однажды он потребовал, чтобы весь Ученый совет явился на работу в темных костюмах, белых рубашках и галстуках. Причина – в институт приедет министр геологии СССР. А был разгар лета. Все сотрудники обливались потом. Министр же

явился в светлой рубашке – распашонке с короткими рукавами. Народ в душном переполненном актовом зале аж застонал. Самые несознательные тут же стали снимать галстуки – удавки. А министр между тем приехал с дельной идеей – создать в Крыму действующую геодинамическую модель. И построить для нее специальное здание. Замечательную эту идею загубили на корню. Здание на Южном берегу, конечно, построили. Но вот чем начинять его не знали. Никто не имел представление о моделировании вообще и о действующей геодинамической модели тем более. Приглашать варягов – теоретиков сразу отказались. Имелось в виду, что премии и ордена получают сами. А кончилось все тем же пшиком – в роскошном здании развесили геологические карты (явно устаревшие), положили несколько образцов пород. Получилась копия филиала Изнакурнож НИИ ЧАВО. Между тем, подобная модель Крымского полуострова (не имеющая аналогов в Мире) могла быть создана творческим коллективом ученых, собранных из крупных академических институтов (геологов, тектонистов, математиков, программистов и т.д.). Это мое личное мнение, которое никому не было интересно. Все потому, что НИИ то было отраслевым. А руководство отраслью требовала в первую очередь чисто практических разработок, новых методических рекомендаций, способов обогащения сырья и прочих околонучных творений. Этим конкретным задач вполне хватало, чтобы институт превратился в некоего монстра, имея в своей структуре 15 подразделений: отделов, секторов, лабораторий и даже собственную опытно-методическую партию, располагавшуюся в пригороде. Естественно, при таких масштабах Институт работал не только по территории Украины, но вел тематические работы в Сибири, на Урале, в Казахстане и других регионах необъятного Союза.

В 1986 году третьим директором был назначен кандидат наук Ю.Б. Тут уж точно не обошлось без мохнатой лапы. Ибо как иначе начальник геологической партии из провинциального Артемовска (к тому же не пользующийся там авторитетом) мог сразу вырасти до директора НИИ. Новый директор был озабочен двумя проблемами: как бы побыстрее защитить докторскую диссертацию и как бы побольше поездить по заграничным командировкам. Тут сразу вспоминаются бессмертные Одесские рас-

сказы Бабеля: «А папа Бени Крика был биндюжник. И было у него всего два желания: аб выпить водки и аб дать кому-нибудь по морде». В отличие от папы Бени Крика эти свои проблемы Ю.Б. решил вполне успешно. Количество стран на всех континентах, которые он ухитрился посетить, не поддается исчислению. Однако ни разу цель служебных командировок не была достигнута: ни одного приличного контракта за бугром он так и не заключил. Успешно добился он другой цели. Обладая менталитетом начальника геологической партии, еще в самом начале своего директорства, он сетовал: ну зачем мне такой большой институт. Мне бы хватило человек 50 (опять синдром кандидата). При общем снижении финансирования Ю.Б. воспользовался моментом. В 1990 году численность сотрудников сократилась до 337 человек, а в 2005 составляла 173 человека. Учитывая то, что большинство из них работало не на полную ставку, искомая численность сотрудников была успешно достигнута. То есть самолет НИИ совершал плавное снижение не дотягивая до посадочной полосы.

Следующему директору И.П., за глаза прозванному ликвидатором, удалось перевести самолет в неуправляемое пикирование. Госзаказов практически не стало, да он их особенно и не добивался. Зато каждый Ученый совет начинался «плачем Ярославны» - мол, денег нет, и не предвидится. Сам он держался за штурвал до последнего. И выпрыгнул в последнюю минуту с парашютом в виде директорской пенсии в 2011 году. Все хлопоты по утилизации обломков переложил на бортинженера (зам. директора по АХЧ). Великолепное здание уже два года не отапливалось. Ни один туалет не работал. Все что можно было продать – продано. Сотрудники получили обходные листы. Как тут не вспомнить песню «Я Як истребитель» Володи Высоцкого: «Выходит и я напоследок спел – Мир вашему дому...».

Такова в общих чертах хронология Пикирующего НИИ. Но ведь мы сказали только о директорском корпусе. А все остальные люди, работающие в НИИ годами и десятилетиями? А как и чем жил этот мирок в славном городе Энске? Об этом в следующих главах.

2. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. 1981 ГОД.

Согласно приказу я ступил на борт лайнера 8 июня 1981 года, то есть был зачислен старшим научным сотрудником в лабораторию гидрогеодинамических исследований. Примерно через месяц состоялось окончательное зачисление, как прошедшего по конкурсу. Первые недели никаких конкретных заданий не было – мол, присматривайся, обживайся. Как и затюканный герой Стругацких Перец из романа «Улитке на склоне», я никак не мог понять, чем же конкретно НИИ занимается? Контора произвела на меня, прямо скажу, тягостное впечатление. Комната, в которой мне выделили рабочее место (старый письменный стол и скрипучий стул) была явно перенаселена, как в прочем и весь институт. Столы стояли вплотную друг к другу, проходить к ним надо было боком. За столами сидело человек десять и все непрерывно болтали. У женщин рот вообще не закрывался. Завлаб, дабы дамы не бездельничали, загружал их по самое немогу на мой взгляд совершенно бесполезной работой – копированием старых карт, графиков и т.д. И это для выпускниц МГРИ, Горного института была работа чисто механическая – вот они и болтали. Сам завлаб, надо сказать, строчил какую-то свою нетленку несколько не обращая внимания на гвалт. Однако при этом оставался в курсе всех разговоров. Потрясающая способность.

Меня же этот убийственный бедлам начисто лишал возможности работать. Попытки уйти в читальный зал, тоже кончились ничем – там постоянно толклись люди. Контраст с Питерскими условиями был разительный. Там на кафедре никто не работал. Отчитал свои лекции, отсидел на заседаниях – и домой. Я тоже работал дома, за удобным письменным столом. Иногда шел в Публичку, где в научных залах стояла благоговеющая тишина.

Как сказочное видение представлялся Эстонский институт гидродинамики. Для него в пригороде Таллина было выстроено специальное здание, но совершенно по другому принципу. Каждый научный сотрудник имел там хоть и крошечный, но свой кабинет. Мог закрыть дверь, думать и творить в тишине. Дискуссии проходили в широченном коридоре, где висели доски, лежал мел и стояли удобные кресла. Сотрудники института, в

основном теоретики, семинары и ученые советы проводили в уютном кафе в полуподвале, который сами любовно оборудовали креслами, удобными низкими столиками, даже барной стойкой и неизменной доской. Во время научных споров не возбранялось выпить чашечку кофе. Задавали тон три доктора физико-математических наук; Пааль, Вельнер и Айтсам, убежденные, что говорить о женщинах, погоде и спорте можно где угодно, но только не в стенах института.

Первое свое рабочее задание – написать статью в местную газету о минеральных водах пришлось выполнять дома. Статью напечатали и, начальство решило, что я вполне готов к самостоятельной работе.

Второе, что меня удивило в НИИ – замкнутость сотрудников во всем, что касалось работы. В Питере я привык откровенно обсуждать научные проблемы и на своей кафедре и на кафедрах Горного института и во ВСЕГЕИ, и ЛГИ и в ГГИ. Причем обсуждения не чурались маститые специалисты, руководители подразделений, заведующие кафедрами, профессора. Никто не боялся, что у них «украдут идею» или выставят их в неверном свете. Это были крупные профессионалы, не пытающиеся переспорить коллегу, а пытавшиеся найти рациональное решение проблемы, узнать что-то новое. Мне это общение очень многое давало и в смысле расширения кругозора и в смысле возникновения новых идей.

Здесь же ситуация в корне отличалась от Питерской. Каждый замыкался в своей раковине, как улитка. Никто не знал и тем более не обсуждал, чем занимается сосед за рядом стоящим столом. Тем более что творится в соседнем кабинете. Еще более страшной тайной была работа в соседней лаборатории или отделе. Ситуация напоминала перенаселенное общежитие, где жильцы делают вид, что не знакомы друг с другом. Между тем в курилках, коридорах и прочих кулуарах всюду обсуждались бытовые вопросы: кто что приобрел, кто с кем спит, у кого нелады в семье и прочее. Сплетни и пересуды просто переполняли коллектив. Так, без всяких усилий удалось узнать, что ни одно даже мелкое повышение не обходится без одобрения жены директора, работавшей в этом же НИИ. То же касалось профсоюзных путевок, интересных командировок, размеров премий, да и самих

зарплат. Даму эту побаивались, и подхалимы кланялись ей за сто метров. Также быстро выяснилось, что институт переполнен родственниками, блатными сотрудниками местного и городского начальства. Каждое неосторожное сказанное слово или мнение, анекдот или просто шутка немедленно доносились до ушей начальства. Меня сразу предупредили, что в присутствии той-то дамы или сотрудника лучше всего промолчать. В общем, это был еще тот гадюшник с типичным провинциальным и я бы сказал местечковым налетом. И одним из самых опасных мест для неосторожных высказываний была бухгалтерия. Там работало не менее десятка дам самого разного возраста, отчего мой приятель называл этот курятник бюстгалтерией. Каждая из дам занималась исключительно своим делом – кто проверкой командировок, кто материальной отчетностью, кто начислением зарплаты и т.д. И к каждой надо было найти свой подход, иначе твоя бумажка могла пылиться там неделями. Эти дамы знали все и про всех. И попасться на язык им было смерти подобно. Ибо по совершенству способов получения информации и запуску в коллектив дезинформации эти дамы давали сто очков вперед любой разведке мира.

Третьей особенностью института была научная всеядность. Занимались абсолютно всем, лишь бы тематика финансировалась. Приведу краткое и далеко не полный перечень направлений (отделов, лабораторий, групп): черные и цветные металлы, редкие металлы, благородные металлы, ртуть, сера, алмазы, стройматериалы, геохимия и минералогия, гидрогеология, эндогенная геодинамика, экзогенные процессы: карст, оползни, сели, абразия морских берегов и т.д. Существовал даже отдел экономических исследований. Как бы особняком стоял крупный отдел обогащения сырья. Но, как я потом не раз убеждался, самым страшным для меня был плановый отдел. Возглавлял его довольно добродушный с виду, слегка простоватый гражданин. Но добродушный - только с виду.

К любой вновь открываемой теме, хоть госбюджетной, хоть договорной надо было приложить смету. В документе должны были быть подробно рассчитаны трудозатраты. Кто и за какое время должен был решить свою научную задачу с обозначенными выводами. Уже само по себе это было идиотизмом. Причем

нормативы нужно было брать от производственных организаций. Добывать их из разных справочников по геологической съемке, бурению и т.д. О том, как решать научную задачу, исходя из производственных нормативов, никто не объяснял, время на обдумывания решения надо было сопоставить с нормой проходки скважины. И так на каждого сотрудника, учитывая его оклад. Кроме того, надо предусмотреть все командировки (в какой город, на сколько человеко-дней) и не дай бог не включить какой-то вдруг понадобившейся. Заранее определить продолжительность полевых работ и состав отряда. И так все, вплоть до канцелярских принадлежностей, приобретения приборов, спецодежды и прочая. Для меня это была кошмарная головоломка, со многими неизвестными. Ибо предусмотреть все было просто невозможно. Сметы приходилось переделывать по много раз и тратить на них уйму времени. Когда я доходил до полного отчаяния и впадал в ярость, довольный зав. отделом за полчаса составлял смету, снисходительно на меня поглядывая. Позже, я научился для упрощения подсылать к нему «нужных людей», с которыми он втихую пьянствовал. Но чувство унижения все равно оставалось.

Маленькая вставка 1. В далекие шестидесятые годы я случайно встретил на Невском проспекте старого друга нашей семьи - художника. Он был старше моей мамы лет на десять, и познакомились они на почве совместной работы по книжной графике. Разговаривая о пустяках, мы дошли до Дома Книги. Это огромное серое здание было знакомо каждому ленинградцу, который хоть в малой степени интересовался книгами. На первых двух его этажах располагался роскошный книжный магазин. А на верхних - несколько весьма престижных издательств. Художнику надо было получить гонорар за очередную оформленную им книгу. Из любопытства я решил сопроводить его.

Издательство занимало почти целый этаж. Длиннющий, кажущийся бесконечным, коридор. По обе его стороны множество дверей с табличками типа – отдел главного редактора, плановый отдел, отдел снабжения, бухгалтерия и т.д. В самом конце коридора помещалась дверь с надписью «Касса». Около этой двери стояла длинная очередь, но старика вежливые ле-

нинградцы пропустили вперед. Буквально через десять минут мы уже сидели в ближайшем кафе. За рюмкой коньяка (обмыть гонорар святое дело) он спросил меня: видел, сколько отделов в издательстве? Я ответил, что не считал, но судя по длине коридора не меньше двадцати. Так вот, сказал старый художник, прежде чем попасть в кассу я прошел их все. А как было раньше? Вот в годы НЭПа я приносил свои рисунки в частное издательство (были и такие). Навстречу посетителю из-за стола вставал всего один человек – хозяин. Он смотрел мои рисунки и сразу говорил – эту работу я беру, эту – нет. После открывал ящик стола и отсчитывал мне гонорар. Все! Ни каких плановых и прочих отделов. Даже кассира не держал. То, что мы сейчас называем накладными расходами – он просто не мог себе позволить. Все это битком набитое сотрудниками издательство заменял один человек. И все успевал. И книги выходили исправно. Поверь старику, бюрократы и чиновники, в конце концов, погубят наше государство. Какие бы правильные и идейные слова при этом не говорились.

В организации работы нашего НИИ были, конечно, и положительные стороны о которых стоит упомянуть. Так, любая бумажка, которую надо было напечатать на машинке, немедленно в рукописном варианте отдавалась в машбюро (компьютеров тогда в помине не было) где стоял непрерывный треск пишущих машинок. Причем это касалось и научных статей, и отчетов, официальных писем, запросов и т. д. Написанные даже самым корявым почерком черновики печаталось надо сказать быстро и качественно. Научные журналы, в том числе реферативные, старшие научные сотрудники могли выписывать без ограничений за казенный счет. И доставлялись они тебе прямо на рабочий стол. Иностранные статьи без промедления переводились в бюро переводов (правда, оно при мне просуществовало чуть больше года). Для вычерчивания карт, графиков, диаграмм существовал обширный отдел оформления. Там почеркушки и кроки вычерчивались набело профессиональными чертежницами. А для размножения чертежей в подвале находилась копировальная установка (синька). Там же в подвале была и своя переплетная. Все фотопленки проявлялись и печатались в фотолабо-

ратории. В институте существовала вполне приличная механическая мастерская с фрезерными, токарными и сверлильными станками. Была небольшая столярная мастерская и целый лабораторный корпус для выполнения разного рода химических анализов. Выше всяких похвал была техническая библиотека и по объему и по содержанию и по квалификации библиотекарей. Кроме того, имелся отдел научно технической информации, геологические фонды и конечно первый отдел. В просторном дворе помещался свой небольшой автопарк из десятка автомашин (грузовики и пара уазиков типа «козел»), рембаза и конечно склад с полевым барахлом (как правило, старыми палатками, ватными спальными мешками, складными столами, стульями, раскладушками, кухонной посудой, геологическими молотками и шанцевым инструментом).

Винегрет тематики научных исследований НИИ, был хорош тем, что в него можно было добавить любой ингредиент. То есть, нужно было отыскать свою собственную нишу и доказать ее нужность в общей тематике отдела. Мне для этого необходимо было, прежде всего, в этом Вавилоне найти человека, занимающегося подводным спортом (или, как теперь модно называть дайвингом) и договориться с ним о сотрудничестве. Удалось такового найти сразу. Им оказался обогатитель Валентин Павкин (ныне, увы, покойный). У Валентина было много друзей аквалангистов – любителей, аппараты и даже самодельный компрессор. Идея о том, что можно совместить спуски с полезными научными наблюдениями ему чрезвычайно понравилась. Просто так нырять без всякой цели ему было неинтересно. Договорились мы с ним мгновенно. Он обеспечивает водолазные спуски. А я ставлю конкретную задачу, чем заниматься под водой и обеспечиваю транспорт.

Уже в августе мы организовали первый выезд. В нашей лаборатории заканчивалась тема по подземным водам карстовых областей юга Украины. О субмаринной (подводной) разгрузке этих вод авторы отчета не могли сказать ничего. А это важный показатель уравнивания водного баланса. Под это дело сразу нашлась машина – бортовой ГАЗон и командировочные.

Уже поздно ночью мы прибыли на побережье Тарханкута и стали в балке у бухты Очеретай. Утром, продрав глаза, я обна-

ружил, что нахожусь на берегу прелестной небольшой бухты с обрывистыми бортами, сложенными сарматскими известняками. Море было тихим – стоял полный штиль. А вокруг до горизонта простиралась нетронутая Крымская степь. В тыловой части бухты мы нашли небольшой колодец с пресной водой и немедленно разбитии рядом с ним лагерь. Проблема пресной воды в этом безводном районе была решена.

Колодец с пресной водой в 10 м от уреза наводил на мысль, что далее эта водичка должна разгружаться в бухте в виде субмаринных источников, У Валентина в эту поездку было всего несколько стареньких забитых воздухом аппаратов АВМ-1м и одна «Украина». Поэтому, разбив бухту по квадратам, мы прочесывали ее в комплектах №1. Субмаринных источников так и не нашли. Зато обнаружили в центре бухты площадь в виде овальной воронки с активным выделением спонтанного газа. Её мы детально облазили уже с аквалангами, хотя глубина была небольшая – всего 6-7 метров. Ухитрились отобрать даже пару проб газа. В дальнейшем оказалось, что это метан с незначительными примесями тяжелых углеводородов. Это наводило на размышления. Решено было в следующие сезоны подробно обследовать не только Очеретай, но и другие Тарханкутские бухты.

Среди бытовых неурядиц в полевых работах, одним из самых неприятных и сложных было обеспечение сотрудников нормальным и своевременно приготовленным питанием. Особенно четко сию аксиому я понял еще в Сахалинских экспедициях, где без домашней пищи приходилось обходиться по полгода. Выход во всех крымских экспедициях нашелся совершенно неожиданно. Поехать со мной в поле постоянно стремилась моя дочь Алиса. Брать с собой 12-летнюю девочку было опасно, ведь порой мы на целый день уходили из лагеря. Пришлось рискнуть, поставив ей ряд условий: беспрекословное послушание и отличная учеба. И то и другое она выполняла безукоризненно. Более того, она почти сразу научилась готовить нехитрую полевую пищу – борщи, супы, каши. И у неё это здорово получалось, что, как известно всем полевикам, удавалось далеко не всем, даже опытным дамам.

Повариха – одно из главных действующих лиц в любой экспедиции. Попробуй оставить голодными уставших за целый день геологов. Мало не покажется. Это, прямо скажем, нелегкая для маленькой девочки работа, сразу повысила её статус и вызвала прямое уважение моих коллег. Далее она начала помогать мне и в кое-каких наблюдениях, причем сама, без всякого принуждения. Я очень ценил эту помощь, хотя и был скуп на похвалы из чисто педагогических соображений. Она полюбила море, пряный аромат крымских степных трав, вкус экспедиционной романтики. объездила со мной почти весь Крым. Думаю, для нее это была неплохая жизненная школа

Итак, начало морским подводным исследованиям было положено уже в первый сезон. Появился объект исследований и цель. Валентин показал себя отличным подводником, очень исполнительным и даже дотошным исследователем. На зиму было запланировано конструирование и изготовление надежных газовых ловушек, отладка компрессора и комплектование команды из любителей погружений. Все эти хлопоты Валентин добровольно взвалил на себя. Освобожденный от хозяйственных дел, я взялся помогать коллегам дописывать отчет по карстовым водам юга Украины. Однако в авторы монографии по этой теме не попал - ее успели сдать в типографию до моего приезда.

3. ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ. ЛЕТО 1982 ГОД .

НИИ имел два источника финансирования: госбюджет и договорные работы. Львиную долю госбюджетных денег забирала алмазная тематика, немалые суммы выделялись на поиски месторождений золота, редких и цветных металлов. Руководству Украины очень хотелось иметь свои алмазы и золоторудные месторождения. Ну, просто очень хотелось, хотя бы для престижа. И денег на эти исследования не жалели. Естественно и дирекция и руководители отделов заверяли киевское начальство, что в недрах Украины этого добра полно, надо только как следует поискать. В доказательство приносили несколько мелких алмазиков в том числе импактных, рапортовали об открытии кимберлитовых трубок, дразнили зернышками золота, якобы из перспективных пластов, россыпей. Однако на поверку оказывалось, что и кимберлитовые трубки, и россыпи имели столь низкие концентрации искомого продукта, что даже мечтать о промышленной добыче не приходилось. В принципе, ничего удивительного в этом не было. Так, в Якутии к 1966 году было открыто более 180 кимберлитовых трубок, из которых промышленное содержание алмазов имели только три (Мир, Айхал и Удачная). Но щирые украинские власти все равно очень хотели (и до сих пор хотят) иметь свои месторождения и деньги госбюджетные улетали в черную дыру. Это была алмазно-золотая дыра.

Помнится, как на одном Ученом совете института мастиный карстолог предлагал интереснейший проект по изучению карста, в том числе техногенного, но проект задробили. Сколько на это потребуется денег? Спросил С.К. Миллион – ответил карстолог. Это что же, миллион в дырку? - издевательски спросили из зала алмазники. И все. Проект даже не рассматривали. Вскоре с карстом мы столкнулись на площадке Ровенской АЭС, поимели массу проблем в Закарпатье на серных рудниках, где государство понесло убытков на многие десятки миллионов.

Гидрогеологи и экзогенщики «кормились» за счет небольших договоров с производственными организациями. В то время производственники еще имели приличные финансовые возможности. Вот и наша лаборатория путем личных контактов заклю-

чила такой договор с местным геологическим объединением сроком на три года. Ни в процессе согласования геолзадания, ни в написании программы работ я не участвовал. Она составлялась не «под меня». Тема имела длинное и идиотское название, но позволяла регулярно получать зарплату пяти сотрудникам, в том числе и мне. Три года можно было работать спокойно.

В этом же 1982 году довелось принять участие в двух крупных научных совещаниях. Одно из них: Всесоюзное карсто-во-спелеологическое, состоялось в Алуште. Причем организатором был наш институт, что прямо свидетельствовало о престиже наших карстологов. По просьбе зав. отделом, мне изрядно пришлось попотеть с массой присланных тезисов. С такой работой я столкнулся впервые и был потрясен безграмотностью большинства авторов. Моя бы воля, я бы и половину не допустил к печати. Но добряк зав. отделом все переделал сам. Не могу не отметить незаурядную эрудицию этого человека. Борис Николаевич Иванов являлся куратором Министерства геологии Украины по карсту, прекрасно знал несколько славянских языков (польский, сербский, болгарский), много раз бывал в восточно-европейских странах и в области карбонатного карста был непререкаемым авторитетом. Он же осуществлял научное сопровождение при проектировании и строительстве Ялтинского гидротоннеля. В беседах с ним невольно вспоминалось древнеримское изречение «Нет провинции – есть провинциалы». В научных вопросах он был принципиален объективен. Например, публично и показательно «выпорол» на предзащите кандидатской диссертации тогда еще молодого нашего сотрудника Леню Борисенко.

В забитой курортниками Алуште он сначала разместил приезжих издалека участников, а уж потом нашел мне местечко в многоместном номере. Да и то это было по страшному блату. Самым приятным событием на этом форуме было то, что на совещание приехал мой питерский друг Алексей Коротков. Мы с ним отвели душу в разговорах, естественно с неограниченным употреблением крымских вин. Игнорируя секционные заседания, сидели либо в уютном кафе, либо прямо на пляже. Поговорить нам было о чем. И о друзьях, и о работе и о Египте, из которого он только что вернулся. Так в полном кайфе мы провели три дня.

На четвертый день выяснилось, что в разгар курортного сезона билетов нет ни на какой транспорт. Свободно уезжали те, кто, предвидя ситуацию, взял билеты туда и обратно. Алик, по своей профессорской рассеянности не взял. Пришлось звонить своей подруге и умолять о помощи. Помощь была оказана в виде обкомовской брони. Алексея мы доставили в аэропорт на черной обкомовской волге и даже ухитрились усадить в кресло в переполненном зале ожидания. Обозленная подруга обругала нас, что напрягли ее в самый последний момент, а могли бы предупредить заранее. Вручила Алику билет и сказала: вон по тому динамику через десять минут тетя объявит посадку. Не вздумай никуда уходить! В качестве сувенира вот тебе бутылка крымского муската. И чао! Машину я не могу держать долго, нам еще домой поспеть надо. Слегка ошалевший от стремительного перемещения (почти телепортации), Алексей потом рассказал по телефону, что застрявшие в Алуште коллеги почти неделю добирались до дома на перекладных, через Москву и Харьков.

Другая конференция прошла в Ялте. По всему было видно, что выездную сессию Академия наук СССР устроила здесь с одной целью - на халяву отдохнуть недельку в Крыму от научных забот. Организация совещания была сделана по первому разряду – курировал мероприятие первый секретарь обкома. Сессия проходила в тогда еще новенькой интуристовской гостинице «Ялта». Для открытия и пленарных заседаний использовали конференц-зал на 23 этаже. Всем участникам выдали роскошные папки с тезисами и билетами на культурные мероприятия. Говорливых академиков нагло прерывали под предлогом кофе брейка или второго завтрака – мол, договорите в кулуарах.

На второй день компанию уже в 12 часов потащили на дегустацию крымских вин. На дегустации я присутствовал впервые, и мне все было очень интересно. В специальном зале были накрыты столики на четверых. В центре стола красовалась ваза с роскошным виноградом, а перед каждым участником стояли выстроенные в строгую линию двенадцать уже наполненных разными винами небольших рюмок. Специалист из «Массандры» прочла краткую лекцию о предприятии и культуре винопития. С чего надо начинать, как определять вкус. А закусывать полага-

лось только виноградом определенного сорта. Таковы, мол, правила дегустации и ее ритуал.

Вводную лекцию я прослушал внимательно как студент-отличник. Но вот дальше, когда начали описывать достоинства и особенности того или иного напитка мало, что понял и запомнил. Дело в том, что меня угораздило сесть за столик с тремя весьма пожилыми академиками. Все они спиртного не употребляли вообще, толи из принципа, толи из-за разных возрастных болячек. При этом на мусульман они явно были не похожи. На вопрос, зачем они вообще приперлись на дегустацию – отвечали что-то невнятное. Странные люди эти академики – любопытные как дети. Неужели и я когда-нибудь впаду в подобное академическое детство? Но не оставлять же на столе наполненные лучшими коллекционными винами рюмки. Такого мне не позволяла моя пролетарская совесть. Пришлось употреблять по двенадцать рюмок каждого шедевра виноделия, объясняя коллегам-академикам, что при этом чувствую. Итого 48 рюмок, хоть и не больших по размеру, но в сумме они составили страшный коктейль. К концу дегустации язык у меня начал заплетаться, но вроде бы экзамен выдержал с честью.

Далее всю ученую компанию повели в другой ресторан на обед, естественно с возлияниями. Обед продолжался часа два, после чего всем предложили часика три отдохнуть и собраться в 7 вечера на дружеские посиделки уже в третьем ресторане.

Возвращаться в свой номер не хотелось. Если бы там я завалился на кровать, то сразу бы заснул. И проспал бы до утра, пропустив массу интересного. Поэтому и решил, что самое время немного протрезветь и сделать это надо в бассейне. Гостиница славилась своим огромным бассейном с подогретой морской водой. Голубое зеркало этого водоема давно притягивала меня, как магнитом. Изрядно подогретый дегустацией, я все-таки спустился на первый этаж. Там запутался в коридорах и вход в бассейн и его раздевалку не нашел. Зато обнаружил какое-то открытое окно и вылез через него прямо на парапет бассейна. Презрев условности, стащил с себя костюм и плюхнулся в чистейшую теплую морскую воду.

К семи часам был уже свеж как огурчик и готов продолжать участвовать во всех намеченных мероприятиях. Поднялся

на десятый этаж, где нас кормили обедом и обнаружил, что он абсолютно пуст. Официант объяснил мне, что академики собираются совсем в другом зале и подсказал как туда добраться. Это оказался зал с концертной эстрадой, на которой пели и плясали местные театральные звезды. Все столики были уже заняты. Хорошо, что мои коллеги из института «забили» мне место. На удивление, столик был сервирован довольно скромно. Пара бутылок сухого вина, фрукты и немного жареного миндаля в вазочках. Тут я обратил внимание на столик первого секретаря обкома. Чего там только не было: и коньяк и батарея винных бутылок и изобилие разных фруктов, и тот же миндаль в здоровенных вазах. Причем мы сидели за столиком впятером, а он - вдвоем с какой-то молодящейся дико накрашенной дамой.

После концерта объявили танцы. Оркестр гремел во всю мощь. Секретарь подхватил свою даму и увел ее в центр зала. Тут мне в голову пришла гениальная идея: пригласил свою коллегу на медленный танец и быстро объяснил ей диспозицию. Танцуя, мы приблизились в секретарскому столику, с которого я, прикрываясь дамой, реквизировал бутылку марочного коньяка и набил карманы миндалем. Партнерша моя страшно трусила. Пришлось уже за столиком объяснить ей, что вся эта выставка на столе секретаря поставлена только для антуража. Выпить и съесть такое количество вдвоем просто невозможно. Да ты обрати внимание – они ведь не пьют и не едят. У них это официальное мероприятие. Вот они еще раз станцуют и свалят в какое-нибудь уютное гнездышко, где этого добра вообще немеряно. А то, что выставлено на их столике в момент разметут официанты. Так все и случилось. Как только парочка ушла, стол мигом опустел.

Мы же еще посидели, пока коньяк не кончился. Он и в самом деле был изумительный, да только одной бутылки на пятерых человек маловато. Укладываясь спать в своем номере, я подумал, что академикам и первым секретарям в этой гостинице с массой кафе и ресторанов живется вполне комфортно. А вот с нашей зарплатой и командировочными, при здешних интуристовских ценах не разгуляться. Ведь никто из моих коллег в этом кабаке не то, что бутылку – рюмку дополнительно не посмел заказать. Потому и пришлось таскать коньяк с барского стола. И

не вижу в этом большого греха, ибо тех оставшихся десятков бутылок официантам и за глаза хватит.

Утром, мой коллега предложил мне такой вариант отъезда. Мой папа на проректорской волге сюда заедет и сразу обратно в Энск. В машине есть свободное место – поедешь? Я согласился. Представительный папа пожелал нас угостить (мудрое решение, для поправки здоровья). Мы вышли из гостиницы почему-то не через центральный вход, а через тоннель прямо на пляж. У клифа был оборудован бар, чтобы иностранцам не ходить далеко за выпивкой. Пляж был пустой, зато в баре сидело десятка полтора немцев. Кто в шортах, кто в плавках. Проректор в элегантном костюме и в галстучке явно привлек их внимание. Мы выпили по папе рюмок, а третью Проректор решил обставить красивым жестом. Ставлю всем водку! - объявил он на весь бар. Немцы обрадовано загалдели, а потом проводили нас аплодисментами. Так закончилась для меня выездная сессия АН СССР. Впереди ждали трудовые будни.

4. БУХТА ЛАСПИ. 1982 ГОД

Бухта Ласпи расположена между двумя мысами: Сарыч и Айя. В глубине ее имеется еще одна маленькая, резко вдающаяся в сушу бухта – Батилиман, что с греческого переводится как Глубокая бухта. Берег её с одной стороны занят пионерлагерем, а второй крутой, обрывистый. Так что базу нашей экспедиции пришлось расположить в стороне, на вершине крутого холма поросшего кустами можжевельника. Спуск к морю с этого холма явно не подарок, но другого подходящего места просто не было. У подножья холма проходила асфальтированная дорога к санаторию, располагавшемуся в восточной части б. Ласпи. Ниже, между огромных валунами шумело море, и был крошечный галечный пляж. К пляжу вела крутая тропинка. Немудреное экспедиционное барахло на холм мы перетаскали с шофером, сложили кучкой и все. Машина уехала, и я остался один.

Такого начала экспедиции у меня еще в жизни не было. За годы работы в Ленинграде я привык приезжать в заранее подготовленный лагерь. Его обустроивала «стартовая команда» загодя, до приезда основной группы. Но уже почти год я работал в Энском НИИ и порядки здесь были совсем другими. Удивляла многое. Например, притом, что институт до отказа был набит сотрудниками, на проведение полевых работ людей катастрофически не хватало. Всею виной было «мелкотемье» - недостаток финансирования заставлял каждое подразделение института заключать множество договоров, и каждый сотрудник работал сразу по нескольким направлениям. Причем, договорные темы, как правило, никак не связаны между собой тематически. Другая беда – две трети сотрудников были женщинами, обремененными детьми и в поле они ездить не могли. Вся эта масса прочно сидела на камеральных работах и давно забыла не то, что поле – простые командировки. Третья беда – в институте отчаянно не хватало элементарного оборудования и полевого снаряжения, приобрести которое по безналичному расчету было практически невозможно. Как в каменном веке, полностью отсутствовала радиосвязь между отрядами и институтом. Похоже, в этой конторе даже не подозревали, что существуют портативные рации. При

такой организации работ мелкие неполадки в Ленинградском Гидромете казались сущим пустяком. Да, провинция – она и есть провинция.

На следующий день с утра приехал Валентин с радостной вестью, что удалось договориться с арендой катера и подвесного мотора. Занятный мужик был этот Валентин. Сам он чистый обогатитель, сотрудник нашего института, не имеющий к геологии никакого отношения. Но с замечательным хобби – подводным погружениям с аквалангом. Самостоятельно он не мог организовать спуски в тех местах, где было интересно погружаться. Для этого надо было получить разрешение от пограничников. Путем официального письма с подтверждением производственной необходимости таких работ. Такое письмо я организовал. Подписывая его, директор института долго ворчал. Мол, утопните, а мне отвечать. О приобретении аквалангов, ласт водолазных костюмов, компрессора вообще не было речи. Так вот, Валентин по собственной инициативе обеспечивал меня аквалангами, компрессором и даже плавсредствами. Ему же, что бы «макнуть» приходилось брать отпуск очередной или за свой счет, зато проводил со мной весь полевой сезон. Валентин не пил, не курил не бегал за девицами и страстно любил только одно – поплавать с аквалангом. Более того, он привлекал в экспедицию еще кучу любителей, готовых на все ради акваланга. Водолазное дело знал не хуже меня, хотя и не имел профессиональных прав, в чем мне немного завидовал. Забегая вперед, скажу, что и в дальнейшем он обеспечивал все мои подводные работы. Руки у него были золотые. Он и вытачивал на станке в институтской мастерской мне разные нужные детали, и собирал довольно сложные приборные схемы, и управлялся с компрессором и много еще чего другого. Неким шедевром можно назвать его гибрид аппарата АВМ-1М и «Украина» Причем все это бескорыстно, в кратчайшие сроки и с отменным качеством. Можно сказать, что этого Валентина мне Бог послал.

За катером пришлось ехать мне. Валентин остался караулить палатку и экспедиционное барахло. Поездку эту я век не забуду. Ехать надо было на КРАЗе, причем за двести с лишним километров. В кабине было невыносимо жарко. Поэтому боковые стекла были опущены до предела. В результате я серьезно

простудился. Водитель - веселый молодой парень, поведал мне, что этот КРАЗ в гараже называют «крокодилом». Поинтересовался: Это почему? Да потому, что больше месяца на нем никто не работает – он всех сжирает. Вот тебя сегодня отвезу и тоже уволюсь. Справедливость его слов стала понятна только вечером. После того, как мы доставили катер и сгрузили его с помощью Валентина и они вместе уехали, мне стало совсем худо. Температура подскочила до сорока. Меня, то трясло в ознобе, то бросало в жар. Наглотавшись аспирина из походной аптечки, свалился на спальник в палатке в полу бредовом состоянии. Единственно, что успел - поставить рядом фляжку и кружку с водой. В таком состоянии я провалялся два дня, без еды и с остатками воды во фляге. Скверные это были дни. В голову приходили мрачные мысли. Особенно было обидно сознавать свою полную беспомощность.

На четвертый день приехал Валентин – ему, наконец то, дали отпуск. На следующий день прибыла студентка из Киева Ирина на производственную практику. Поскольку отец ее был зав. отделом геофизики в Министерстве геологии, девушку определили поближе к морю, вроде как на курорт. Увидев наш жалкий лагерь, девица села на камешек и горько заплакала. Ну, точь в точь «Аленушка» с картины Васнецова. А еще через день народ повалил в мой лагерь валом. Приехали из Симферополя друзья Валентина: Валерий и Анатолий, ребята из Москвы, которых почему то все звали чайники. Все эти люди, как и Валентин, были чистыми альтруистами. Приехали в отпуск и пахали в лагере «за бесплатно». Катер спустили на воду. Причем определили и место хранения – на спасательной станции пионерлагеря. С подвесным мотором пришлось изрядно повозиться. Эта марка «Москва 30» вообще капризная штучка. А тут, вдобавок, и карбюратор был испорчен. Иглу для него из простой швейной иглки сумел тут же выточить народный умелец Анатолий. Все вроде бы налаживалось. Беспokoил только компрессор - дикий самодельный гибрид никак не желал работать. С утра до ночи с ним колдовали народные умельцы. Наконец и он, хоть чихая и кашляя, но запустился.

К этому моменту появился ответственный исполнитель проекта Володя М. Мало того, что он палец о палец не ударил

при подготовке к полевым работам, так ещё и сходу преподнес мне «подлянку». Небрежно сообщил, что увольняется, и теперь я отвечаю за весь проект, то есть становлюсь ответственным исполнителем. Надо сказать, что когда он готовил программу работ, мы четко распределили роли. Я брал на себя морскую часть – субмаринную разгрузку, а он - работы на суше: обследование скважин, элементы гидрогеологической съемки и т.д. Это меня устраивало, так как Володя до этого много лет работал в Крыму, хорошо знал разрез, да и сам участвовал в бурении многих скважин в этом районе, знал о них не понаслышке. Мне же, работы на суше, при таком раскладе, придется начинать с нуля: с изучения фондовых материалов, литературы, и затем уже, детально знакомиться с геологическим строением на местности. Все это требовало много времени, которого и так было в обрез. Скажи он о своих планах заранее, я скорей всего отказался бы от участия в проекте. Но ведь не сказал, а теперь ставил перед фактом. А сейчас, на всем готовом, он решил недельку поплавать в теплом море – устроить себе отдых. Такова была первая «подлянка» с его стороны, а дальше они посыпались как из рога изобилия. Словом, в жизни не встречал более завистливого и просто непорядочного человека.

Жизнь в лагере текла своим чередом. Не обходилось без мелких происшествий. Однажды вечером мы стояли и разговаривали с Валентином у обрыва, рядом с которым располагался лагерь. Смотрим - внизу какая-то масса шевелится. Потом она поползла вверх в нашем направлении. Через несколько минут толпа полупьяных подростков пронеслась через лагерь, как стадо буйволов. Оказывается, в пионерлагере кончилась первая смена, и старшеклассники вырвались на волю. Валентин называл их бандерлогами. А дежуривший на спасательной станции мужик величал их не иначе как юными гамадрилами. Похоже, он их сильно недолюбливал. Он нам говорил: «Вот эти гайки я затягиваю ключом и с немалым усилием. А гамадрилы их пальчиками (голыми пальчиками!) по ночам откручивают. Представляете? Это не дети, а чума и стихийное бедствие».

В другой раз, неподалеку от лагеря расположилась компания молодых людей из Севастополя. К ночи они перепились и оставили не потушенным громадный костер. Лето было сухое и

жаркое. Вспыхнула трава, потом огонь стал побираться к кустам можжевельника. Смолистый можжевельник горит как порох. Сгорела бы вся пьяная компания, полностью «вырубленная», а заодно и наш лагерь. К счастью, что кто-то из наших заметил, поднял тревогу, и мы часа два тушили пожар. А эти пьяные паразиты даже не проснулись.

В лагере жизнь бьет ключом. Лесник, посетивший нас при очередном обходе своего участка, говорит мне: Ты же мне сказал, что будет 5-6 человек базироваться, а сейчас здесь целый цыганский табор. Ладно, отвечаю, зато этот табор спас лес от пожара – видел кострище? То-то. Порядок у нас железный, ни мусора, ни костров. Тебе же спокойнее.

По вечерам в «штабной» палатке намечался план работ на следующий день. Рассказываю ребятам особенности изучения субмаринных источников, заодно всякие занятные случаи. Потом звенит гитара. Молодым ребята не повредит чуток романтики. Киевская студентка, не то что оттаяла, а просто цветет как майская роза. Ей все интересно, все внове. Вернувшись домой, она заявит отцу, что отныне она буде заниматься только морской гидрогеологией. Отец был в шоке. Он готовил дочери совсем другое поприще, надеясь использовать свои министерские каналы. Но, дочку, что называется, заклинило. И диплом ей помогал писать, и даже кандидатская диссертация по субмаринам защитила - не без моей помощи. С отцом ее познакомился позже в министерстве. Мы даже подружились. И с удовольствием общались вплоть до самой его смерти. Человек он был самобытный – увлекался всякими домашними настойками на травах. Интересные были настойки, только голова от них на следующий день трещала немилосердно.

Выходить в море удавалось не каждый день. Иногда мешали волнение или крупная зыбь. Но чаще всего отбой работам давали пограничники. Каждый выход в море надо было с ними согласовывать. Для этой цели нам была выдана специальная телефонная трубка. Она подключалась к потайной розетке, замаскированной так, что если бы ее нам не показали, мы бы ее средю не нашли. И все-таки трубка эта избавляла нас от ежедневных поездок на погранзаставу, располагавшуюся довольно далеко от лагеря. О выходе, составе команды на катере, о сроках начала и

окончания работ докладывалось обязательно. Пограничники изрядно нервничали, когда наш катер уходил за мыс и они не могли следить за нами в свою великолепную оптику. За мысом же была зона ответственности другой заставы, так что им приходилось постоянно созваниваться. Советская власть держала границу на замке, и пограничная служба при ней была отлажена как швейцарские часы. Патрули проходили мимо нашего лагеря не то, что по минутам – по секундам. Документы у нас не проверяли только потому, что все было согласовано с ними заранее и пофамильные списки отряда лежали у начальника заставы на столе. Вообще любые работы, в том числе геологические, в погранзоне – сплошная головная боль. С этим неизбежным злом приходилось мириться.

Постепенно геологические условия мыса Айя стали проясняться. Сам мыс представляет шестисотметровый обрыв, отвесно обрывающийся в море. Боковые части его постепенно снижаются по высоте, но все равно остаются отвесными. Слагающие низы клифа известняки верхнеюрского возраста изрезаны многочисленными трещинами. На уровне уреза и ниже расположены многочисленные гроты и пещеры. Каждое из этих образований надо было тщательно исследовать на предмет выходов пресных вод. Таковые были обнаружены лишь ближе к Балаклаве, за небольшим мысом Пелекетто. Целая серия затопленных и полузатопленных морем пещер и гротов оказалась очагами субмаринной разгрузки.

Таким образом, объект детальных исследований был определен. Нам предстояло сделать крупномасштабную полуинструментальную геодезическую съемку участка разгрузки с помощью горного компаса и рулетки, нанести на нее все карстовые полости с их детальными планами и разрезами. Обозначить каждый выход подземных вод и только потом попытаться оценить их дебит химический состав вод и ареалы распреснения. Кропотливая эта работа осложнялась погодными условиями – работать у кромки обрыва и в полостях можно было только при полном штиле.

Для начала все карстовые полости на береговом контуре я обозначил арабскими цифрами, то есть присвоил им порядковые номера. Насчитал их около сорока. По началу, все они между

нами именовались гротами. Позже, известный карстолог Виктор Николаевич Дублянский посоветовал мне разделить их на гроты и пещеры. В карстологии принято считать, что если входное отверстие полости меньше глубины (длины) полости – то это пещера. Если линейные размеры входного отверстия полости больше глубины, то это грот. Дабы в дальнейшем не путаться с терминологией все дырки и углубления в основании клифа решил просто именовать их полостями. Некоторые полости имели весьма необычное строение. Так в одной из них вход находился метра на три ниже уреза, и обнаружили мы её чисто случайно. Подойдя к клифу во время волнения, увидели, что в одном месте после отката волны из-под воды с резким шипением вырывается столб брызг и пены высотой метров в шесть, напоминающий вулканический гейзер. Дождавшись штилевой погоды, я с аквалангом обследовал этот участок и обнаружил следующее. Довольно узкий вход в подводную пещеру прикрывал каменный козырек, и попасть внутрь пещеры можно было, только поднырнув под него, протискиваясь затем в довольно узкую щель. Метра через четыре от входа пещера резко расширялась, образуя небольшой зал. У потолка зала, сложенного монолитной плитой мраморизованных известняков сохранилась воздушная подушка толщиной около метра. Там можно было дышать без акваланга. Подводный фонарь высветил многочисленные трещины в стенах зала, но слишком узких, чтобы в них мог протиснуться человек. Из них в пещеру попадала пресная вода. Так я обнаружил еще один оригинальный очаг субмариной разгрузки подземных вод в пещере, где видимо еще никогда не бывал ни один человек.

Странное ощущение чувствовать себя первооткрывателем. Мне и раньше приходилось на побережье Абхазии открывать никем не описанные ранее субмаринные источники. Но, то Абхазия, а здесь детально изученный тысячами геологов и карстологов Крым. Повезло в том, что акваланги в то время еще были редкостью, а специалистов использовавших их в исследованиях прибрежной зоны моря было еще меньше. Да и район около Балаклавы был на особом не только пограничном, но и в военном режиме. Сверхсекретная база подводных лодок в Балаклаве делала весь Балаклавский район практически недоступным для любых гражданских исследований. При въезде в город требо-

вался особый пропуск, получить который было намного сложнее, чем в Севастополь. А уж получить разрешение на подводные работы – считалось чистой фантастикой. Кто видел Балаклавскую бухту тех времен, может подтвердить, что она была под завязку забита военными кораблями, а подводные лодки теснились у пирсов как кильки в банке. Позже узнал, что в этой небольшой бухте базировалась дивизия подводных лодок, плюс суда обеспечения, охраны и прочие и прочая.

Самым сложным в работе оказалось измерение расхода вытекающих под уровень моря подземных вод. Или, как говорят гидрогеологи, дебита субмариной разгрузки подземных вод. Концентрированного выхода, образующего в толще морской воды так называемый факел здесь не было. Замерять расход из каждой трещины, коих было великое множество – просто нереально. Нужно было придумать какой-то другой метод для условий разгрузки в карстовых полостях. Месяц ломал над этой проблемой голову, пока не закончил детальные исследования в самой большой пещере. Выяснилось, что пресная вода, слегка разбавленная морской, ввиду меньшей плотности собирается на поверхности и вытекает из пещеры как бы небольшой рекой. В водной толще пещеры образовывалось три четко отличимых друг от друга слоя. Самый верхний наиболее распресненный слой толщиной около 40 см. Ниже, примерно такой же слой, но сильно турбулизированный, в котором опресненная вода смешивалась с морской. И, наконец, самый нижний, имеющий на выходе из пещеры толщину восемь метров, который представлял собой чистую морскую воду. Получалось, что мы имеем дело с системой разноплотностных потоков. И в каждом из слоев нужно было измерить средние величины скорости движения, среднюю температуру и соленость на выходе из пещеры. Ввиду малой толщины верхних слоев измерения нужно было провести с ювелирной точностью.

Температуру воды в слоях и пульсации температуры мы измеряли шлейфовым осциллографом, прибором страшно капризным и ненадежным. В качестве датчиком использовались термисторы с низкой инерционностью. Потом запись пульсаций температуры пересчитывали на пульсации скорости по формуле Богуславского. Пробы воды на определение солености отбира-

лись специальной сконструированной индивидуально изготовленным пробоотборником (вы не поверите, но в нашем НИИ был даже свой стеклодув). А для общей картины распределения скоростей использовали запуски красителей, прохождение каждой порции которых фиксировалось на фоне масштабной сетки кинокамерой в подводном боксе. Для надежности данных каждая операция повторялась десятки раз. И эта однообразная работа страшно изматывала.

До сих пор не могу понять, что произошло в один из последних дней измерений. Снимая прохождение очередной порции красителя, в объективе кинокамеры я вдруг увидел четкую эпюру скоростей течения, выделенную светлой полосой. Турбулентные вихри второго слоя выстроились, а четкой иерархии размеров и на мгновение замерли. Все в полной тишине. Картинка была необыкновенно четкой и стабильной несколько секунд. Весь механизм потоков отпечатался в мозгу как фотография. Потом снова все смешалось. Послышалось жужжание кинокамеры, плеск волн и голоса коллег. На проявленной пленке, естественно никакой эпюры не обнаружилось. Окраска потока была неравномерной и как обычно смазанной.

Ночью, ворочаясь в спальном мешке, я все пытался объяснить себе это видение. То ли от переутомления у меня начались галлюцинации. То ли море вдруг решило приоткрыть мне одну из своих тайн. То ли в мою работу вмешался какой-то иной разум. Но в любом случае это было маленькое чудо, не зафиксированное ни одним прибором.

Все это случилось в бухте Ласпи в далеком 1982 году. А в памяти моей осталось навсегда.

5. ЛЕТО 1983 ГОДА

Второй сезон изучения субмариной разгрузки пришлось целиком посвятить береговым работам. Надо было изучить условия формирования подземного стока на склонах г. Ай-Петри, в Байдарской и Варнаутской котловинах, урочище Кокия Бель, горном массиве Кушкая. Все лето я болтался по этим местам. Отбирал пробы воды из родников и скважин, пытался определить конфигурацию зеркала подземных вод, то есть уклоны и направление движения подземных вод. Оценить степень прокарстованности толщи верхнеюрских известняков, слагающих верхнюю часть геологического разреза. Работы было невпроворот. А весь полевой отряд – я, неизменный водитель Гена, 14 летняя дочь, которая была на каникулах и студентка практикантка Ирина. Много времени отнимали гидрохимические наблюдения. Мне хотелось узнать, как меняется химический состав подземных вод в процессе их миграции от области питания (Ай-Петринская яйла) до момента субмариной разгрузки в районе м. Айя. Такой задачи никто из местных гидрогеологов ещё не ставил, и работы выполнялись впервые. Нестойкие химические компоненты надо было определять на месте. Для этого разворачивалась полевая гидрохимическая лаборатория. Особенно долго приходилось определять концентрации растворенных газов. Пробы надо было титровать, а гидрохимики знают, что процесс это долгий и нудный. Полный химический анализ определялся в лаборатории института, куда надо было регулярно доставлять пробы.

Для определения суточных вариаций химического состава и температуры я облюбовал небольшой родник у тропы, ведущей из Варнаутской котловины к морю и далее по пляжу к Балаклаве. Родник располагался примерно на полпути к берегу моря, и я условно назвал его «Оксфорд», так как где-то здесь была граница оксфордских и титонских отложений верхней юры.

Тропа шла через перевал и была весьма узкой, крутой, проехать по ней на машине было нереально. Если пробираться пешком, то в некоторых местах приходилось преодолевать отвесные уступы. Но ниже родника шла какая-то вполне прилич-

ная грунтовая дорога, не обозначенная на карте. Как на нее попасть было непонятно. В севастопольском лесхозе мне посоветовали обратиться к леснику, жившему в деревушке Резервное. Имея бумагу от лесхоза, я легко уговорил лесника показать подъезд к роднику. Подъезд оказался полосой препятствий с экстремальными условиями. Вообще то, это была обычная противопожарная просека с пнями, камнями и дикими уклонами. Лесник бодро карабкался впереди, показывая дорогу. А за ним на первой передаче жутко кренясь, полз грузовик. Как Гена вообще сумел провести по ней тяжелую машину – до сих пор для меня загадка. В конечном итоге мы пробрались к роднику и остановились в рощице реликтовых сосен Станкевича. Место было чудное. Горный воздух, насыщенный запахами сосновой смолы и хвои – сплошной целебный нектар. По утрам нас будили шустрые белки, кидавшие шишки на брезент палатки. Казалось бы курорт. Однако трехсуточный режим дался нам с большим трудом. Каждые два часа надо было измерять дебит источника, температуру воды и проводить химические анализы. Девочки мои, особенно студентка Ирина, совсем скисли. Вдобавок она еще и приболела какой то хворью, но мне об этом ничего не говорила. Надо было убираться с этого райского места. Вопрос как? Пробираться опять по этой просеке – искушать судьбу. Перевернутся вверх колесами, на ней ничего не стоило. Тогда мы решили ехать по той необозначенной на карте дороге, авось куда-нибудь да выведет. Она и вывела нас прямо в воинскую часть с ракетными установками. Появление в центре части непонятного грузовика повергло боевое охранение в ступор. Нас задержали уже у самых ворот на выезде. Ошалелый командир все допытывался у меня, как мы попали на эту дорогу. Объяснил, что по просеке. Но это невозможно, верещал командир, там ни одна машина пройти не может! Мы проверяли! Пришлось сказать ему, что хреново проверяли, вот мой водитель ас сумел же проехать. В кузове была своя паника. Алиса перед самой остановкой сняла купальник – решила переодеться. Не знаю, что было бы, если бы какой-то солдат открыл заднюю дверь и обнаружил там полуголых девиц. Вот они и сидели там молча и тихо, как мышки Часа через два нас отпустили. Просто открыли ворота, и мы выехали на прекрасную асфальтированную дорогу. Может по-

том в этой секретной части и грянул скандал, но нас это не касалось.

Добраться до некоторых других, важных для меня точек наблюдений тоже было далеко не просто. Например, кошмарная дорога вела к источникам в районе перевала Бечку, рядом с которыми находился домик другого лесника.

До войны там располагалась небольшая деревушка, но во время войны ее сожгли каратели, а всех жителей расстреляли. Добротный дом лесника оброс немалым хозяйством. Лесник и его жена держали две коровы, несколько свиней, бычков на откорм, кур, индюков. Кормовой базой для всей этой живности служили вновь возделанные огороды сожженной деревни. Часть продукции они продавали, но большую часть опраивали детям и внукам в город. Вкалывали они конечно с утра до ночи, но зато семья жила в достатке. Занятное зрелище представляли индюки и индюшки. Днем они свободно бродили вокруг дома (ни воров, ни хищников вокруг не было), а вечером собирались у дома. В качестве насеста они выбрали небольшое деревце. Ветки его гнулись от тяжелых птиц. С наклоненных веток индюки срывались и падали на землю. Тут же пытались забраться опять на дерево, попутно сталкивая сородичей. Возня эта и гвалт продолжались всю ночь. Рядом стояли такие же деревца, но индюкам непременно надо было забраться всем именно на это.

За вечерним чаем, Лесник рассказал нам такую историю. На огород, где он выращивал картошку, повадился приходить дикий кабан. Перепахивал его как бульдозер, начисто уничтожая урожай. Лесник решил его подстрелить и подкараулил в паре километров от кордона. Однако первым выстрелом он только ранил животное, и кабан бросился в атаку. Лесник, забыв про ружье, успел забраться на дерево. Просидеть на нем пришлось более суток. Зверюга караулила его внизу и жаждала мести. В общем, так и ушел от меня подранок, добить его я не сумел – закончил лесник свою повесть.

На следующий день, я с утра занялся опробованием источников. Угощение лесника видимо не пошло мне впрок – отвык от жирной домашней пищи. Надо было срочно искать туалет. В качестве такового я облюбовал небольшой выступ скалы на крохотной полянке, окруженной густыми и колючими терновыми

кустами. В самый ответственный момент в кустах раздался какой-то треск и пяти метрах от меня из листвы высунулась свирепая свиная морда. Подранок! – мелькнула мысль, и стал готовиться к неминуемой смерти. Бежать от него, с такого старта нечего было и думать. До чего же позорная будет смерть – труп со спущенными штанами и весь в дерьме. Эти секунды показались мне вечностью. Кусты опять затрещали, и на полянку вышел вполне домашний кабан, хрюкнул и пошел мимо по своим свиным делам. Вытер со лба холодный пот и подумал, что все я сумел сделать вовремя. Черти бы побрали этого лесника со страшилками. Просто его домашние свиньи свободно шлялись по лесу, поедая желуди, травку и прочие дары леса. Это был последний аккорд уходящего лета.

6. БАЛАКЛАВА

Занимаясь, по существу, крупномасштабной гидрогеологической съемкой Севастопольского района я опробовал до сотни карстовых источников, родников, скважин. И все время из головы не выходила мысль о субмаринных источниках. Ну да, определил их дебит в прошлом году, но этого мало. На защите отчета наверняка спросят – ваш оригинальный метод оценки дебита весьма хорош, но как можно проверить результаты? Должен же быть еще какой-то другой способ, альтернативный.

В принципе идея такого метода была мной продумана. Была она проста и очевидна. Любой пресный субмаринный источник, наконец, речка, впадающая в море, обязательно образуют зону распресненной воды. Размеры такой аномальной зоны определяются главным образом расходом пресной воды. Чем больше расход пресной воды – тем больше зона распреснения. Зная расход воды, можно по уравнению подсчитать не только площадь ареала распреснения (аномалии), но и градиенты солености и температуры внутри аномалии. А что если попробовать решить обратную задачу – по размерам аномалии и измеренным градиентам оценить расход пресной воды источника? Для решения задачи нужно было провести опробование по сетке ареала распреснения, то есть провести еще полевые морские работы.

А между тем лето кончилось. Девушки мои уехали учиться, и я остался без помощников. В сентябре подвернулась командировка в Севастополь. В городе начались перебои с пресной водой и меня вызвали в комиссию горисполкома. Как водится, заседание превратилось в говорильню. Помочь в моих работах горисполком не мог или, скорее всего, не хотел лишних хлопот. После совещания подался побродить по городу и забрел на Владимирскую горку. На одном из зданий, находящегося прямо против Владимирского собора увидел скромную табличку «Гидрографическая служба Черноморского флота». Не долго думая, толкнул дверь и очутился перед вооруженным матросиком, охранявшим это военное учреждение и молоденьким лейтенантом. Красная повязка на рукаве лейтенанта гласила – дежурный.

- По какому вопросу?- коротко осведомился лейтенант.

- Вопрос довольно сложный. Вот моя командировка в Севастопольский горисполком. Но там мне посоветовали обратиться в военную гидрографию.- это была святая ложь, но лейтенант вряд ли станет проверять эту ахинею.

- Так вот. Мне бы надо переговорить с Вашим начальством и притом незамедлительно. Командировка у меня на один день.

Лейтенант снял трубку телефона и что-то коротко доложил. Что я не расслышал. Видимо получив добро, коротко приказал матросику – Проводите! Матросик сопровождал меня на второй этаж, юркнул в какую-то дверь и через секунду распахнул ее – Проходите! Я оказался в сравнительно небольшом уютном кабинете, на стенах которого висели карты, старинные барометры, морские компасы и прочая морская атрибутика. Из-за стола поднялся невысокий седоватый человек с погонами контр адмирала и коротко представился Лев Иванович Митин. Слушаю Вас.

Так я познакомился с начальником гидрографической службы Краснознаменного Черноморского флота. Много позже я узнал, что этот замечательный человек был еще и ученым, кандидатом географических наук, избородил все океаны Земного шара, проводил исследования в Антарктиде, Средиземном море и северной Атлантике.

Минут десять я вдохновенно излагал адмиралу перспективы изучения субмаринных источников у мыса Айя. Намекнул на возможности улучшения водоснабжения города Севастополя (соответственно и для всей базы флота), так как прекрасная пресная вода в этом месте бесполезно стекает в море. Сказал и о том, что институт наш совершенно сухопутный и никаких плавсредств не имеет. Проект, на который выделены деньги через год кончается, и если я не докажу реальную значимость исследований, государство денег геологам больше не даст. Так что единственная надежда теперь на помощь доблестной военной гидрографии.

Лев Иванович выслушал не прерывая. Когда я замолчал, задал единственный вопрос: Большой гидрографический катер (БГК) вас устроит? Я понятия не имел, что представляет собой БГК. Решил, что это что-то вроде переоборудованной шестивесельной корабельной шлюпки (а надо сказать, что такие шлюпки

обладают отличными мореходными качествами и очень устойчивы на волне) и бодро согласился – да вполне устроит.

Адмирал нажал кнопку на столе. Вмиг появился дежурный офицер. Капитана первого ранга имярек ко мне! Есть. Тут же появился капраз.

- Этому геологу выделить БГК на две недели. Оформить выход в море и судовую роль с учетом пребывания геологов на борту. Задание и объем работ он вам сформулирует. Все свободны!

Капраз привел меня в свой кабинет. Уточнил район работ. Потом куда-то позвонил и сказал: Вам выделяется БГК номер такой-то. Когда планируете выйти в море?

- Через трое суток. Надо подготовить приборы, выписать командировки в Энске.

- Хорошо, через трое суток подъезжайте прямо на пирс такой-то. Капитан БГК будет предупрежден, что это приказ адмирала. Можете сразу грузиться и выходить в море. Да, еще одна просьба – копию результатов Ваших работ передайте в штаб гидрографии на имя адмирала.

Я, конечно, пообещал это сделать и вышел на улицу совершенно обалделый. Мгновенное решение всех моих транспортных проблем. Никакого намека на оплату расходов (эксплуатация судна, горючее). Такое бывает только в сказке. Перекрестился на Владимирский собор – усыпальницу четырех адмиралов и попросил их и Господа – только бы все не сорвалось! Только бы все прошло по плану!

В Энске сразу развил бурную деятельность. Прежде всего, сообщил директору о возможности халявных работ. Выбил приказ на командировки. Договорился с Валентином Павкиным, чтобы он принял участие в экспедиции (все-таки не мой отдел) и он бы к сроку подготовил водолазное снаряжение, под завязку забил акваланги. Валентин предложил взять в помощь Валеру Атаманова, который уже работал с нами в Ласпи. Согласился. Потом в коридоре меня поймал заведомо и стал слезно просить взять с собой его жену Зину. Мол, она гидрогеолог, кандидат наук и готова делать все, что скажу, даже кашеварить. Я его понимал. Отчего бы не устроить жене бесплатную прогулку по морю, типа круиза. Даже не бесплатную, а оформить ей коман-

дировку. Портить отношения не хотелось. Да и готовить еду было некому. Но я предупредил – если будет возникать – тут же ссажу на берег. Так уж случилось, что морскими работами занималась только моя лаборатория. И в летний период вечно навязывали в полевой отряд то чью-то жену, то чье-то чадо. Не взять их – сразу нажать врагов, чего не хотелось. В институте то я работал всего третий год, но знал, что любое НИИ – гадюшник со своими кланами, сплетнями, интригами. Что почти все сотрудники стучат друг на друга, а попадающие в мой отряд могут быть засланными казачками. Ну и пес с ними – надо делать свою работу, а сопутствующее дополнение просто не замечать.

В назначенный день машина со сборной командой остановилась на КПП. У меня проверили документы и показали, как подъехать к нужному пирсу. Ровно в девять ноль-ноль машина остановилась у трапа. Надо было показать морякам, что и геологи умеют быть точными. БГК оказался вовсе не шлюпкой, а довольно большой посудиной с экипажем в шесть человек. На трапе меня встретил капитан, довольно пожилой моряк в военной форме, но без погон. С борта на нас глазела также непонятно одетая команда. Как понял, весь экипаж – вольнонаемные, а капитан – отставник. Он сходу мне доложил, что БГК готов к выходу, вроде как я начальник рейса, или, по меньшей мере, родственник адмирала. Видимо, каприз его строго проинструктировал.

Пятая и шестая каюты свободны, сказал капитан. Вы можете их занимать. Вот это да! Я и представить себе не мог, что это суденышко столь комфортабельно. Быстро, с помощью матросов, перегрузили оборудование из машины в БГК. Правда, акваланги мы им не доверили – перенесли и уложили на палубе сами на расстеленные спальные мешки. Легочные автоматы – штука нежная. Её легко повредить при ударе, а запасных у нас не было. В чисто вымытых каютах с двухъярусными койками бросили свои рюкзаки и сумки – распакуем потом. Затем поднялся на палубу и кивнул капитану: все можно отдавать причальные концы. Что и было немедленно сделано. Причал начал медленно удаляться. Неужели свершилась мечта идиота? Столько лет я мечтал о нормальной посудине, приспособленной к прибрежному плаванию, и вот плыву на ней. Не во сне, а наяву. И нет проблем ни с ночлегом, ни с горючкой, Нет проблем и с треклятыми погран-

цами. Над нами ласковый бриз полощет хотя и потрепанный, но настоящий военно-морской флаг.

Чуть позже оказалась, что не существует и еще одной проблемы – питания. На палубе ко мне подошла симпатичная женщина средних лет и представилась коком. У нас питание платное, по рупь двадцать с человека в день. Если будете питаться вместе с командой, то придется заплатить. Господи! О чем речь? Конечно с командой. Я полез в карман за деньгами, но она меня остановила. Продукты мы уже закупили. В конце рейса, сколько дней мы пробудем в нем и заплатите. Кто знает цены тех лет, поймет, что трехразовое питание за такую цену даже в студенческих столовых было не найти, а тут и готовить не надо. Да и Зину я могу загрузить другой работой, хотя бы в качестве коллектора.

БГК неторопливо вышел из бухты и стал огибать Гераклеяский полуостров. Скорость была небольшая 6 -7 узлов. Погода стояла идеальная – полный штиль. На баке накрыли стол, и мы позавтракали на палубе, одновременно любуясь живописными скалами мыса Фиолент. Настроение не испортила парочка снарядов пронесшихся над головой. Южнее мыса был артополигон и береговая батарея лениво по нему постреливала.

К мысу Айя подошли часа через полтора. Капитан наотрез отказался подходить к берегу ближе 500 метров. Никакие уговоры не помогли. Пришлось спускать шлюпки, грузить на них наши приборы и на веслах идти к береговому обрыву. Поработали мы славно, но за полдня, конечно всю программу не смогли сделать. Возвратились на БГК и стали держать военный совет. Возвращаться в Севастополь – опять делать огромный крюк, огибая Фиолент. Я уговорил капитана зайти на ночевку в Балаклаву, благо это совсем рядом. Разрешения на стоянку в Балаклаве у нас не было, но мы решили туда прорваться. У входа в бухту нас пытался остановить пост СНИС. Оттуда непрерывно сигналили, а потом начали частить морзянкой. “Да ответьте же им что-нибудь!”- сказал я капитану. “А чем?- ответил капитан. – Рация у меня давно не работает. Даже если бы и был фонарь Ратьера – пользоваться им никто не умеет”. ”Так могут же обстрелять!”- волновался я. Не посмеют – флаг то наш они видят, да и посудину нашу все тут хорошо знают. Кончилось тем что, подойдя

вплотную к входу в бухту, капитан покрыл дежурных на СНИСе отборным матом. Со СНИСа ответили в том же духе. Вот вам и универсальный язык общения. Взаимопонимание было найдено и мы беспрепятственно вошли в бухту.

Войти то мы сумели, а вот дальше возникла проблема. Швартоваться было просто негде. У причалов, как кильки в банке плотно стояли военные суда и подводные лодки. Да, «паркинг» здесь был дефицитным. Стало понятно, почему СНИС не хотел давать добро на вход. Полчаса мы крутились в центре бухты и дождались своего. От городской набережной отвалил какой-то буксир, и мы тут же пристроились на освободившееся место. Где этот буксир потом приткнется, нас не волновало.

Что меня больше всего поразило при швартовке – так это высота стенок причала. Они поднимались над водой всего на полметра. Ну, может чуть больше. Уникальность Балаклавской бухты в том и состоит, что волнения там никогда не бывает. Извилистый вход надежно защищает акваторию бухты от проникновения морских волн. Считается, что ее описание есть у Гомера: «В славную пристань вошли мы, ее окружали утесы...».

Матросы вытащили на берег какой-то кабель и подключили судно к электропитанию. На БГК зажегся яркий свет. Кажется, там же заправились и пресной водой. Все предусмотрено, комфортабельный ночлег обеспечен. К этому времени уже стемнело.

Я спрыгнул с трапа на набережную и был изрядно удивлен - толпы народа, яркая иллюминация. Между тем никаких пролетарских праздников на календаре не было. Как быстро выяснилось, в этот день в городе было традиционная колхозная ярмарка. Чуть поодаль стояли грузовики с овощами, фруктами и прочими дарами Крымской земли. На набережной начали разворачивать аппаратуру сразу несколько самодеятельных оркестров. Один из них расположился метрах в 30 от нашего БГК. Через некоторое время к нам подбежал страшно озабоченный парень. Ребята, Вы моряки, так помогите нам разобраться с вашей электрикой. Мы не можем подключить динамики, гитары и прочие инструменты. Они сунулись в туже тумбу, где уже был подключен был наш кабель. Поскольку я в этом деле мало что понимал, а дежурный матрос на катере умел включать только свой стандартный разъем, пришлось позвать Валеру Атаманова, профес-

сионального инженера-электрика. Тот хмыкнул, что-то вроде реплики Коровьева из бессмертного романа Булгакова Мастер и Маргарита: Подумаешь, бином Ньютона! Взял отвертку и в два счета разобрался с ситуацией; Вот фаза, вот ноль, вам сколько надо? 380 вольт или 220? Ну, так получите искомое. Ошалелый музыкант включил свои музыкальные прибаамбасы – все работало. Через минуту нас затопило браваурной музыкой последних шлягеров с соответствующими децибелами. Однако этим дело не кончилось. В перерыве, пока мы отдыхали от децибелов, этот же парень притащил целый мешок отборных фруктов в качестве платы за техническую помощь. Валера гордо отказался от даров, с опять-таки хрестоматийным: Я мзды не беру! Чем поверг парня в немалое смущение. Пришлось его утешить, взяв пяток яблок и роскошную кисть винограда. Что за дурацкая гордость, - упрекнул Валеру.- Эти нераспроданные фрукты все равно завтра выкинут. А о команде ты подумал? Где матросики возьмут фрукты? - и с этими словами отдал яблоки вахтенному.

Когда грохот музыкальных коллективов смолк, и публика разошлась, не спеша прошелся по опустевшей набережной. Над Балаклавой царствовала полная луна. Четко выделялся силуэт генуэзской башни. Сам город в долине лежал во тьме. Но берега бухты, как ожерелье, четко обрисовывали стояночные огни судов. Зрелище было фантастическое.

Утром, после завтрака мы с Валентином направились в штаб дивизии подводных лодок, чтобы как-то узаконить нашу стоянку в бухте. Капитан категорически отказался идти с нами к высокому начальству, ничего хорошего этот визит ему не сулил. Мы и так явно нарушили правила – строгий запрет на вход в режимную сверхсекретную бухту. Двухэтажное здание штаба бдительно охранялось. На КПП после проверки документов и долгих переговоров дежурного офицера по телефону нам сказали, что поговорить с командиром дивизии нам не удастся, а начальник штаба – капитан первого ранга может уделить нам не более пяти минут. Он встретит нас в приемной командира дивизии. После еще одной проверки документов на входе, мы поднялись на второй этаж и вошли в приемную. Там кроме дежурного никого не было, но тут же появился капраз. Вид у него был какой-то встрепанный и заполошенный.

Я начальник штаба. О вас все знаю, мне доложили еще вчера. Эх, до чего же вы не вовремя. У нас тут приехала комиссия из Москвы. Завтра воскресенье и будет разбор полетов, всем будет не до вас. В понедельник начнется ревизия и тут просто не должно быть посторонних БГК. Так что в понедельник, с утра пораньше покиньте бухту. Это все.

Тут дверь кабинета командира дивизии распахнулась, и в приемную вывалилось штук восемь адмиралов. В таком количестве одновременно я их никогда не видел. Редкостное зрелище. По одному они еще как-то смотрятся, а вот толпой никак. Что-то противоестественное.

Начштаба сразу исчез. Просто растворился в воздухе как привидение. Не обращая на нас внимания, адмиралы дружно повалили к выходу, продолжая что-то громко обсуждать. Что они обсуждали, было совершенно непонятно. Весь гомон состоял из сплошного мата. Мы с Валентином поняли, что соваться в такой обстановке к командиру дивизии с просьбами совершенно бесполезно.

Понурясь, вышли из штаба и побрели на пирс. По дороге интеллигентный, никогда и ни при каких обстоятельствах не матерящийся Валентин меня спросил. Слушай, это все-таки адмиралы, можно сказать элита нашего флота. Но, почему они все, абсолютно все, матерились так примитивно и однообразно. Как-то по плебейски, без выдумки? Да любой боцман им сто очков вперед даст, в том числе наш корабельный. Признаться меня это тоже удивило. Видимо интеллект у нынешних адмиралов ниже плинтуса. Стыдно, конечно, за наш советский флот.

Далее, мы прикинули свои возможности в выполнении полевых работ. Пожалуй, если напрячься, можно было успеть за два дня все закончить. Гонять катер из Севастополя до Айя не имело никакого смысла - большую часть светового дня мы бы тратили на переход туда и обратно, а забазироваться кроме Балаклавы было негде. На том и порешили.

Наплавались и наныряться мы в тот день до одури. Но основную работу сделали. Вечером без проблем стали на прежнее место у причала. Перед сном я решил немного прогуляться по ночной Балаклаве. Заодно попытаться выяснить, где находился дом (гостиница) в которой жил А. И. Куприн. Все встреченные

аборигены оказались людьми серыми и не интересными. Кто такой Куприн они не знали, «Листригонов», естественно не читали. Обидно стало за великого русского писателя, прославившего эту ранее никому не известную Балаклаву на всю Россию. Укладываясь на койку в своей каюте, подумал. А что собственно осталось от той Купринской Балаклавы? Одно название, которое сейчас более известно как позывной из глупой кинокомедии «Мистер Питкин в тылу врага». Ни одного грека в городе больше нет. В забитую судами и загаженную мазутом бухту рыба больше не заходит. Нет уютных кофеен, нет запаха свежее жареной ставриды, нет на набережной дам под кружевными зонтиками. Нет ничего из того очарования, которое так замечательно описал Куприн. Из советской действительности примечательно разве что стадо уныло матерящихся адмиралов.

Утром без сожаления попрощались с Балаклавой. Вначале была идея посмотреть еще один грот на предмет разгрузки. Но тут ко мне подошел Валера и слезно попросил отдать оставшийся в баллонах аквалангов воздух. Ему хотелось поохотиться на банке за мысом Айя. Вообще-то мы с Валентином косо смотрели на Валерино браконьерство. Но работник он был отменный и безотказный. К тому же, на той мифической банке вряд ли была добыча. Глубина-то около 30 метров.

Я поднялся в рубку и сказал капитану: В последний рейс надо еще кое-что посмотреть на одной местной банке. Капитану было все равно куда рулить. А где эта банка? Только и поинтересовался он. За мысом. Ты держи это курс, а я буду следить за эхолотом. Эхолот долго показывал 100 м, потом стрелка медленно поползла вверх. 80 читал я, 60, 40 метров. Дно было очень пологое. Наконец стрелка нехотя коснулась цифры 30. “Стоп, - командовал я, - ложимся в дрейф”. На палубе Валера с помощью матросов уже спускал шлюпку. Спустили туда и последний полный акваланг.

В шлюпке Валера быстро надел водолазный костюм, влез в лямки аппарата и сказал мне: “Ну, я пошел!” Ты посматривай вокруг, помашу рукой, - подгребешь - шлюпка сильно дрейфовала, и её все дальше относил от БГК. Разгулялась приличная волна. Минут через 20 услышал какой-то вопль. Совсем с другой стороны, где я ожидал увидеть Валеру. Голова его, то появ-

лялась, то скрывалась между гребнями волн. Подгреб к нему. Задыхаясь и отплевываясь, Валера с трудом выговорил – помоги вытащить, что-то все время тянуло его вниз. Я наклонился через борт, перехватил из его рук кусок веревки. Для того чтобы это вытащить пришлось приложить всю силу. Тащить было неудобно – шлюпку сильно качало, и она стала лагом к волне. Мокрая веревка резала руки. Наконец, со второй попытки я втащил в шлюпку здоровенную камбалу. Это была рыбина – монстр, диаметром с колесо КРАЗа. В жизни не видел ничего подобного. Знал, что они бывают большими, но чтоб таких размеров - даже не представлял. Валера добыл ее водолазным ножом. Живую мы бы ее сроду не вытащили. Сам охотник держался за борт шлюпки и жадно дышал. Было видно, чего стоило ему поднять зверюгу с тридцатиметровой глубины.

Наконец, отдышавшись, он посмотрел на манометр и сказал: "Воздух еще есть. Схожу-ка еще раз". Сунул в рот загубник и исчез. Минут через 15 он появился уже ближе к шлюпке и опять с добычей. На этот раз камбала была чуть поменьше, и вытащить ее на борт было легко. Потом снял с Валеры аппарат и помог забраться в шлюпку. С любопытством взглянул на манометр – акваланг был пуст. Как он поднялся наверх – не представляю.

К этому времени нас уже прилично отнесло от БГК. Сняв куртку, стал отчаянно ей семафорить. Ведь когда-то в яхт-клубе сдавал экзамен по флажному семафору, но рассчитывать на то, что кто-то прочтет сигнал на судне, не приходилось. Видел уже, как они общались с постом СНИС. Мои потуги заметил Валентин, понял, что нам не догрести против ветра до катера и попросил капитана подойти. Малым ходом катер подвалил к нам подветренным бортом, бросили конец и подняли шлюпку на палубу.

Посмотреть на улов сбежалась вся команда. Реакция ее была интересной: ни вопросов, ни возгласов удивления. Наконец капитан хрипло спросил: ну что дальше будем делать? Как что? Тащите на камбуз! Это же вам подарок. Обстановка мгновенно разрядилась. Матросы потащили камбал на камбуз, а мы с Валерой пошли в каюты переодеваться. Я хоть и не спускался под воду, но был мокрым - хоть выжимай, от брызг, волн и рыбин.

Обеденный стол по традиции накрыли не в кубрике, а на баке. В тарелке у каждого лежало по здоровенному куску вкусной жареной рыбы. Свой кусок я так и не доел – слишком уж жирной была эта рыба. Зато все остальные уплетали ее за обе щеки.

В Севастополе кок меня огорошила. Протянул ей деньги – вот расчет за питание как Вы и говорили. Нет! замахав руками, сказала женщина, с Вас ни копейки брать не буду. Вся команда так постановила. Вы нам такой праздник устроили! Ведь сколько лет ходим в море, а свежей рыбы ни разу не видели, а уж о такой и не мечтали.

Машина уже ждала нас на пирсе. Мы церемонно пожали руки всему экипажу. А капитан на прощанье нам сказал. Если будет еще возможность рейса, на другие БГК даже не смотрите. Мы вас как своих примем.

В заключение могу сказать, что по результатам этих наблюдений позже была написана статья. Она вышла в Геологическом журнале и называлась «Субмаринная разгрузка трещинно-карстовых вод в юго-западном Крыму».

Этой же осенью, решением ВАК СССР мне было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Гидрогеология». Кроме морального удовлетворения диплом ничего не давал. Зарплату мне не повысили. Некоторым утешением можно считать несколько бутылок коньяка, которые мы употребили в кабинете Ученого секретаря института. Пришлось поставить, ибо он все же готовил документы в ВАК и самолично привез диплом из Москвы.

7. ЛЕТО 1984 ГОДА

Благодаря помощи добровольцев, основные полевые работы по теме были выполнены раньше намеченного срока. Часть времени я решил посветить изучению побережья Тарханкута. Думал, что удастся найти субмаринные выходы подземных вод. Второй задачей намечалось детальное изучение спонтанных газов. Таким образом, намеревался создать задел для будущего проекта, представив эти материалы, как предварительные. Помогала в работе Ласпинская команда в полном сборе. Плюс к ней прибавились дети – моя дочь и сын Валентина. Приехала также моя племянница с подругой из Питера.

Начали мы с обследования бухты Очеретай. С помощью установленных на дне газовых ловушек, отобрали несколько десятков проб газа. Кроме того, обнаружили странное явление. Периодически в центре бухты происходили массовые выбросы газа, поднимавшие к поверхности массу ила из карстовой воронки. Во время выбросов, напомилавших подводное извержение грязевого вулкана, по всей бухте распространялся резкий запах сероводорода. Как показали химические анализы иловых вод, концентрации этого газа превышали 100 мг/л, что значительно больше средних концентраций в глубоководных придонных слоях Черного моря. Научная сенсация местного масштаба состоялась.

Из подручных средств я соорудил градиентный батометр, позволивший выяснить распределение сероводорода и в придонном слое во время отсутствия выбросов. Все эти материалы позже были опубликованы в Геологическом журнале и в Докладах Академии наук. Появилась новая версия, объясняющая загадку заражения сероводородом Черноморской впадины (в общем, уникального явления на Земном Шаре). Публикации имели широкий резонанс в ученых кругах. Но все это было потом.

Следующим объектом изучения была бухта – Кипчак. В тыловой части ее находился сравнительно широкий песчаный пляж. Имелся колодец с пресной водой. Все пространство балки у пляжа было заставлено машинами и палатками. Довольно большой лагерь «дикарей» жил нелепой шумной жизнью. Анти-

санитария была страшной. Туалетов не было никаких. И спрятаться негде – кругом голая степь. Страждущим приходилось удаляться на полтора км, за ближайшие холмы и там все пространство было загажено на сотни метров.

В первое же утро мы с водителем обнаружили, что сильно «промахнулись» со спиртным. Весь запас рассчитанный на неделю употребили за вечер и часть ночи. Через день выручил сосед на волге с киевскими номерами. Лагерь периодически разгоняли пограничники. Вот ему и пришла в голову идея к нам пристроиться. Мол, наш ГАЗ-66 с государственными номерами и нас никто отсюда не выгонит. А он якобы с нами только на своей машине. В благодарность он принес литровую бутылку самогонки совершенно убойной силы. Мы - пять человек, и он шестой после ее распития вырубился начисто. Адское пойло получило прозвище «косорыловка» и от дальнейшего его употребления мы уклонились.

Грохочущий компрессор будил весь лагерь. Кроме того для забивки баллонов нужен был чистый воздух. А в лагере, то жгли костры, то заводили машины, то ветер поднимал пыль. Решено было перебазироваться к выходу из бухты, где у крутого обрыва и воздух был чистый, и к воде можно было спуститься сравнительно безопасно. Здесь было пустынно и спокойно. Донимал только сильный ветер, дующий с моря. Он запросто выдувал борщ из ложки, пока ты нес ее ко рту. Соль и перец засыпал глаза обедающим.

Не смотря на все неудобства быта, мы полностью обследовали бухту. Выходы газа здесь тоже имели место, правда, не по центру бухты, а ближе к береговым обрывам. На выездных маршрутах мы еще успели проверить бухту Сторожевую. Опять та же картина: колодец с пресной водой в пяти метрах от уреза и выходы газа на дне бухты. Одно отличие - в обеих этих бухтах не было и намека на присутствие сероводорода.

Наша молодежь стойко выносила все тяготы кочевой жизни. Но им страшно хотелось поплавать с аквалангом и посмотреть на подводный мир. Все это было далеко не безопасно, да и маломощный компрессор с трудом обеспечивал только рабочие спуски. Тем ни менее постоянное нытье девиц нам с Валентином надоело. Первое «макание» вышло девицам боком. В бухте Ска-

листой кто-то вручил Алисе пустой аппарат и она едва не получила баротравму. В бухте Кастель племянница рванула в море как торпедный катер и, естественно, сорвала дыхание. Изрядно нахлебавшуюся воды её вытащил Валера Атаманов. “Это все твои штучки” - орал он мне, вытаскивая незадачливую русалку на берег. Свою дочку я решил отправить в подводный мир со страховочным концом. Часть конца я намотал себе на руку, удобно расположился на выступающем из воды валуне и закурил сигарету. Постепенно стравливал конец, безмятежно обозревая окрестности. Вдруг последовал резкий рывок и, не удержавшись на скользком камне, рухнул в воду. Далее меня потащило в море как на мощном буксировщике. И зацепиться, черт возьми, не за что, ни ласты, ни маску не одел. Мне и в голову не пришло, что, выбрав слабинку конца, девица рванет в море, вместо того, чтобы остановиться. Хорошо, что рядом оказались коллеги, и мы совместными усилиями удержали страховку. Да, детские шалости с аквалангом могут быть опасными. Слава богу, все кончилось хорошо.

Вообще, настырность детей в желании получить любимую игрушку не имеет границ. Близилось время отъезда из Кипчака. Жалобы дочери достали меня до печенки. И резон вроде был в ее словах - что же мы повезем в Энск набитые аппараты? Действительно, пара набитых аппаратов была, но в море разыгрался шторм и в бухту входили здоровенные волны. Вход и выход в море при таком прибое опасен. Валентин меня отговаривал от этой авантюры, но тут уж я взбеленился. В крайнем случае – сбросит аппарат. Потом мы его достанем. Плавает она хорошо, будет трудно, ребята помогут ей выбраться. Вошли мы в волну удачно, но нас сразу разнесло в разные стороны, а ходить под водой надо было только в паре. Но я дочку не вижу, когда ее выносит на гребень волны, а меня опускает в ложбину. А между нами еще несколько высоких гребней. Ребята с берега орут, показывают руками куда плыть. Кое-как мы в этой водной толчее нашли друг друга. Думаю, седых волос у меня за эти минуты явно прибавилось. Наконец мы с ней ушли под воду и выбрались за пределы бухты. А там глубина метров 25, волнение совсем не ощущается. Побродили мы в этой благодати больше часа. Хотя мне эта благодать нужна была - как щуке зонтик. Но ради ребенка чего не сделаешь?

8. ОСЕНЬ 1984 ГОДА. «ЛЕОНИД КОБЗАРЬ»

Натурные исследования на мысе Айя были завершены, но Валентин Павкин предложил мне отправиться туда на катере своего приятеля. Катер назывался «Леонид Кобзарь». Он представлял собой довольно большую посудину, что-то вроде адмиральского катера. У него была хорошо оборудованная ходовая рубка, просторный кубрик, камбуз и даже галюн. Плюс мощный дизельный движок, позволявший развивать приличную скорость. Этот списанный в ВМФ катер принадлежал веселому молодому парню, имя которого я, к сожалению, забыл. Будем называть его просто капитан. Капитан привел агрегаты катера в идеальный порядок, выкрасил борта шаровой краской и назвал в честь известного ему профессионального водолаза и своего учителя. Но вот что с ним делать, как и где плавать он представлял слабо. Идея послужить науке ему очень понравилась, тем более, что мы с Валентином оформили разрешение у пограничников на работы в недоступном для него районе плавания.

Катер стоял в бухте Донузлав. Мы с Валентином завезли туда костюмы, акваланги и прочее снаряжение. Четвертым в нашей команде был инженер Саша, недавно зачисленный в мою лабораторию. Ранним сентябрьским утром мы вышли в море, решив заправиться горючим в Евпатории. Горючим заправились, но нам тут же задробили выход в море погранцы, пришлось проторчать пару дней. Эпопею с легализацией уже имеющегося разрешения на выход в море с нами разделила сборная СССР по парусному спорту. Их тренер и в Москву звонил и скандалил. Ничего не помогло.

Под вечер второго дня нас неожиданно выпустили в море, и мы взяли курс на Севастополь. Еще через час разыгрался шторм не очень сильный, но с высокой волной. Мореходные качества у катера были превосходные, но для того что бы держать нужный курс по компасу приходилось все время подправлять направление штурвалом. Я не сразу приновился, хотя имел опыт рулевого. Чуть сильнее крутнешь штурвал – катер по инерции сильно отклоняется от курса. Вернуть его обратно не так просто. На малые отклонения волны его сбивают постоянно

– катер рыскает. Дело это скучное и нудное. В каюте мы организовали пульку преферанса. Сдающий бежал в рубку и ждал, кто его сменит на следующей сдаче. Не обошлось, конечно, и без выпивки.

Катер шел уже в полной темноте. Прожектор на крыше рубки пробивал темноту метров на 50 – 70. Главная же задача рулевого состояла в том, что бы точно держать курс по компасу и не прозевать поворотную бочку у входа в Северную бухту Севастополя. Желательно было так же не врезаться в эту бочку – можно было основательно изуродовать обшивку катера. Тут я понял, что такое штормовое окно. В ходовое стекло рубки было вделано круглое приспособление размером с иллюминатор. Много раз видел такие на кораблях, но не представлял, что это такое. Оказывается стекло в этом «иллюминаторе» вращается с большой скоростью, сбрасывая брызги, вылетающие из под носа катера от штормовых волн на рубку. В принципе это не брызги, а сплошной поток воды, заливающий обычное стекло. Естественно, нормальную видимость по курсу обеспечивает только штормовое окно.

Как ни странно, несмотря на неопытность рулевых, в полной темноте мы все-таки точно вышли на эту треклятую бочку. Здоровенный стальной бак промелькнул метрах в 20 по правому борту. Никаких сигнальных огней на ней не было, это вам не речной бакен. Дальше капитан взял управление катером на себя. Обогнув мыс Херсонес, мы на полном ходу ворвались толи в Стрелецкую, толи в Камышовую бухту, в общем, ту, где расположены причалы Севастопольского яхт-клуба. Со скоростью капитан, будучи под градусом, видимо слегка погорячился. Ибо при швартовке мы поломали несколько досок причала и содрали полосу краски со скулы катера. Мы бросили причальные концы на кнехты и завалились спать.

Утром нас ждал скандал с дежурным по яхт-клубу. Во-первых, за изуродованный причал. Во-вторых, за то, что заранее не запросили разрешение на стоянку. Конфликт удалось быстро уладить с помощью часто упоминаемой чьей-то матери, литровой бутылки водки и куска колбасы. Но, все-таки катер пришлось переставить к другому причалу и пришвартоваться к нему

другим бортом. В таком положении к изуродованному причалу мы вроде бы не имели никакого отношения.

Выход в море нам опять задробили сухопутные погранцы. Пришлось идти к руководству стражей морской границы. И тут нам несказанно повезло. Командир в чине капитана первого ранга дал добро на работы, заодно обругав сухопутного коллегу перестраховщиком. Однако на хлопоты ушел целый день.

Следующее утро встретило нас прямо таки райской погодой. Шторма как не бывало. На море стоял полный штиль, на безоблачном небе светило по-летнему теплое солнышко. Мы вышли из бухты и стали огибать мыс Фиолент. Капитан притащил на крышу рубки пару удобных плетеных кресел. Позавтракав, мы расположились в них, сняв рубашки. И весь путь с Сашей блаженно принимали солнечные ванны, пока Валентин готовил аппараты к спуску.

В отличие от БГК катер пошел к пещерам вплотную. Сашу оставили на борту вахтенным. Он принимал от нас с Валентином пробы воды, писал этикетки, заполнял журналы и подавал нужные приборы. Капитану мы дали акваланг и он тут же занялся обследованием пещер и подводной фотографией. Иногда он подплывал к нам и, скажу честно, в жизни не видел более счастливой физиономии. За полный световой день, презрев обед, мы успели сделать столько же, сколько в рейсе на БГК. Уже в темноте вернулись к причалу яхт-клуба, страшно уставшие, но довольные. Плотно поужинали и завалились спать, благо в кубрике было как раз четыре диванчика – койки. На следующее утро появился начальник яхтклуба с требованием немедленно покинуть причал. Мы не особенно сопротивлялись. Работа была сделана. Скандальничать не хотелось, да и бесполезно это было – от чинуши бутылкой водки не отделаешься. Он ждал крупной взятки. Пришлось послать его куда подальше, помянув его ближайших и дальних родственников. Однако настроение это не испортило.

Через полчаса опять были в море. Курс – Донузав. У нас, конечно с собой было. Кресла были удобные, на камбузе готовился праздничный обед. Солнышко нас исправно грело. При такой видимости поворотную бочку мы увидели за милю и, сделав лихой поворот, взяли курс на Донузлав

9. ДОНУЗЛАВ

Донузлав – довольно большое озеро, отделенное песчаной пересыпью длиной в 11 км. Собственно это даже не озеро, а древняя, залитая морем палеодолина. В середине она перегорожена дамбой, по которой проходит шоссе Евпатория – Черноморское. Верхняя часть озера, за дамбой заполнена пресной водой и там организовано рыбное хозяйство. Нижняя – с соленой морской водой. Засолонение произошло после того, как наша доблестная Советская армия решила устроить здесь Военно-морскую базу. Для этой цели, примерно в середине пересыпи, прорыли судоходный канал с продолжением в мелководной части прибрежной зоны. Оборудовали причалы на южном берегу озера, подвели шоссейную дорогу от Евпатории и построили закрытый военный поселок «Мирный». Идеально закрытая от морского волнения акватория озера свободно вместила в себя десятка полтора военных судов и базу военных самолетов – гидропланов, взлетающих и садящихся на тихую гладь бухты.

Надо сказать, что гидропланы эти (теперь уже наверняка списанные) имели довольно устрашающий вид: плоскости крыльев у основания были странно изломаны, напоминая немецкий бомбардировщик Юнкерс-87, Поплавки нелепо висели как лапы у пеликанов, а рев моторов напоминал клекот. В общем странные были эти самолеты, я таких больше нигде не видел. Какая-то помесь пеликана и летучей мыши.

У одного из причалов стояло гидрографическое судно – уже хорошо известный нам тип БГК, на котором мы с Валентином намеревались обследовать южное побережье полуострова Тарханкут. Причин для этого было две. Во-первых, у меня наклеивалась очередная тема по этому региону Крыма. Во-вторых, надо было срочно использовать любезно предоставленную нам адмиралом Митиным посудину. Но на этот раз нас было только двое. Все дело в том, что не дали машину – в институте их не хватало. Был жесткий график – каждому полевому отряду выделяли транспорт, строго на время полевых работ. К моменту нашего выезда весь транспорт был в разгоне. И директор, и завгар только разводили руками, ну нет машин, хоть тресни.

Я зашел в кабинет к Валентину и сказал: Труба дело! Нет машин, и не предвидится. По крайней мере, на две ближайшие недели. Так, что, похоже, наша поездка накрылась. И зря мы выписывали командировки. БГК столько времени ждать не будет – у них свои работы. Выход есть, сказал Валентин – можно поехать на моем мотоцикле.

С утра мы пришли в гараж Валентина, который больше напоминал музей водолазной техники. Впритык к воротам стоял тяжелый мотоцикл типа М-72. Мы вынули из коляски сидение и стали грузить в нее акваланги, костюмы, грузовые пояса, ласты и прочее водолазное имущество. В конце концов, коляска превратилась в египетскую пирамиду, накрытую брезентом и увязанную страховочными концами. Личные вещи мы сложили в один рюкзак, с которым я должен был ехать на заднем седле мотоцикла. И таки к вечеру мы добрались до причала. Команда этого БГК оказалась какая-то инертная. Нам самим пришлось все барахло перетаскивать на борт. Выход в 7.00 объявил я капитану. Программа большая, а времени у нас мало. Насколько его будет мало, я еще не догадывался. И что-то плохо нам спалось в своей каюте.

Предстояло обследовать основание высоких (20-30 метровых) клифов по обе стороны от мыса Тарханкут. А это в общей сложности маршрут километров в пятьдесят. Подобраться с берега было невозможно. Запросто можно сорваться и разбиться насмерть. Так что единственный способ их изучить – только со стороны моря на лодке. Начать с Валентином мы решили с южной части, то есть, от мыса в сторону Донузлава. И это было весьма судьбоносное решение, почему – станет понятно из дальнейшего.

БГК вышел точно в 7.00 и не спеша потащился к мысу, который мы заметили издалека по белой башне маяка. На траверсе мыса БГК лег в дрейф, и матросы спустили нам шлюпку. До берега было с полмили, но мы уже знали, что просить капитана подойти ближе – бесполезно. Поэтому молча сели на весла.

Приблизившись к берегу, мы почти сразу натолкнулись на крошечную, хорошо замаскированную выступами скал бухточку, в глубине которой чернел вход в пещеру. Наша маленькая шлюпка свободно прошла 25-и метровый тоннель, и мы попали

в большой зал, размеры которого (наибольшая ширина 70 м и высота около 10 м) поразили. О карстовых полостях таких размеров на Тарханкуте я и не подозревал. Решил, что детально ее изучить можно будет завтра. Бегло обследовав пещеру с минимальным количеством замеров, мы поплыли дальше. По пути встретили еще пару десятков более мелких пещер и гротов, причем каждый надо было обмерить, зарисовать в полевом дневнике, обследовать на предмет субмариной разгрузки подземных вод, отобрать пробы воды и нанести на карту. По очереди мы с Валентином надевали акваланги, изучали подводные особенности дна и садились на весла.

Увлечшись работой, забыли о времени. Опомнились только тогда, когда начало смеркаться. Пора было возвращаться на судно. Однако к вечеру разгулялась волна и перегруженная ящиками с пробами воды и аквалангами шлюпка еле двигалась. Нас начало заливать водой. Наконец на БГК догадались, что нам худо и пошли навстречу. Оказавшись на палубе, мы с Валентином поняли, как сильно устали. Без еды и отдыха проработали часов десять. БГК между тем взял курс на Донузлав.

Привалившись к теплой переборке машинного отделения, мы блаженно пили горячий чай и жевали бутерброды, ибо вся команда уже давно поужинала, и есть оставленные холодные макароны не хотелось. Блаженство наше длилось недолго. Минут через 20 дизель стал как-то странно грохотать, и затем умолк совсем. Из машинного отделения повалил черный дым. Затем из люка вылез чумазый механик и мрачно объявил: Все, приплыли. Дизелек «гавкнулся» и починить его можно только в порту.

То, что дизель сломался, и без него было понятно. Вопрос стоял другой – как до своего причала добраться. БГК дрейфовал. Причем заметно посвежевший ветер тащил его в открытое море. Судя по всему, на вопли радиста никто не реагировал. А может и рация барахлила. Если начнется шторм, нам несдобровать. Посудина и так уже стояла лагом к волне и ее изрядно болтало.

Только часа через два, когда мы были уже милях в трех от берега, со стороны моря к нам стал приближаться непонятный силуэт. Вблизи разобрал, что это сравнительно небольшое судно по очертаниям напоминавшее оцетинившегося ежа. Оно было сплошь утыкано антеннами разного размера и самой причудли-

вой формы. Как и догадался, это было судно радиоэлектронной разведки типа воздушного АВАКСа. Возиться с нашим БГК ему было просто противно, но поскольку никаких других судов поблизости не было, а нас уже уносило в нейтральные воды, ему просто приказали помочь. С кормы этого белоснежного красавца нам с матюгами кинули буксирный конец и потащили в Донузлав. Как только вошли в акваторию озера, буксирный конец на красавце тут же отдали и БГК медленно по инерции поплыл к ближайшему причалу. Разговор с капитаном был короткий. Починка дизеля займет не меньше недели, сказал он. А может и того больше. Другого БГК в Донузлаве нет и из Севастополя ради нас его перегонять не будут. Так что, дробь всем нашим работам.

Поскольку было уже поздно, мы с Валентином улеглись спать в темной, сразу ставшей неудобной каюте. Аккумуляторы питали только стояночные огни. Настроение было поганое. Как сначала не повезло с машиной, так дальше все пошло наперекосяк. Утром мы вновь навьючили мотоцикл и отбыли в Энск.

Казалось бы, полное фиаско нашей поездки очевидно. Однако, как позже оказалось, за этот единственный полевой день мы собрали уникальный материал. Во-первых, существенно (почти в два раза) пополнили список карстовых полостей Тарханкута, составленный ранее известным крымским ученым Ю.И.Шутовым, многие полости были закартированы нами впервые. Пустячок, но приятно. Во-вторых, эти данные по новому позволили оценить свойства карбонатных отложений Тарханкута, что нашло свое отражение в статье: «Промытость коллекторов и гидрогазохимические исследования субаквальных площадей»

В конце лихих девяностых ко мне пришла молоденькая аспирантка из Энского университета. У неё была диссертационная тема по карстовым явлениям на Тарханкуте. Кто уж ее направил ко мне на консультацию, не знаю. Эта девица описала ряд полостей на северо-западной части побережья, совершенно забыв, что существует еще и южная. А может и не забыла. Просто доступность геологических наблюдений там много сложнее и требует специальных навыков и оборудования. Я предложил ей объединить материалы по всему побережью полуострова. В ре-

зультате получилась вполне приличная совместная статья «Карстовые полости на побережье полуострова Тарханкут» И, наконец, эти материалы уже в 2013 году были включены в научное обоснование проекта заповедника «Прекрасная гавань» на Тарханкуте, которую почему-то готовил Одесский институт Экологии моря. Своих материалов у них не было, и кто-то надоумил шустрых одесситов обратиться к профессионалам, хорошо знающим особенности региона.

Вот так можно подвести итоги исследований, на которые был потрачен один день. Причем на территории, с, казалось бы, хорошей геологической изученностью. Всего один день, который оказался продуктивней иного сезона. Вот уж действительно – пути Господни неисповедимы.

Теперь последнее. Читая один из последних романов А.Домбровского, где он описывает мистические события на Тарханкуте и на маяке в 90-х годах, я обратил внимание на описание пещеры около маяка. Автор, конечно, знал о ее существовании, но существенно преувеличил её размеры – в пещеру свободно входила яхта - судно куда более габаритное, чем наша шлюпка. Но это роман – там возможны любые допущения. Думается, Домбровский знал об этой уникальной полости. Возможно, из моих научных публикаций. Писатель жил в Крыму долгие годы, хорошо изучил его природу и живо интересовался всякими новыми открытиями. Если допустить такое, то я неким образом причастен к созданию этого романа. Даже если и нет, то все равно это совпадение для меня это совпадение символично.

К самой большой неудаче этого года можно считать то, что мне не удалось попасть на 27 Геологический Конгресс проходивший в Москве. Туда отправилось все начальство, а простым смертным командировки не выписывали. Тезисы они отправили оптом, и они все где-то затерялись. Свои же я отправлял сам, и они были опубликованы в трудах конгресса. Так что из всего института были изданы только двое тезисов, а все начальство осталось с носом. Хоть какая-то справедливость восторжествовала.

10. БОЛТАНКА. 1985 ГОД

К середине года отчет по договорной теме был завершен. Я много повозился с определением дебита субмаринных источников у мыса Айя. В конце концов, было найдено приемлемое решение, достаточно серьезно обоснованное теоретически. На Ученом совете института отчет был защищен с оценкой отлично. Внутренние и внешние отзывы – положительные. Но вот заказчик не хотел принимать работу – хоть тресни. Не подписывал акт приемки – передачи работы. Главным гидрогеологом экспедиции был теперь Володя М., который вынудил меня одного выполнять эту тему. А он свою подпись не хотел ставить, не выдвигая при этом конкретных претензий. После недельных переговоров, обозлившись, спросил, чего он хочет. А хотел он не много ни мало быть автором отчета. То есть он, проработав на теме полтора месяца и ничерта не сделав при этом, хотел быть соавтором совершенно новой методики расчетов субмаринной разгрузки. У меня же уже тогда появились идеи, на счет докторской диссертации и соавторство в этом вопросе мне было абсолютно ни к чему. На наглое Володи требование ответил так. Все разделы отчета имеют своих авторов. Начиная с введения, где подробно обсуждался каждый раздел и все знали, кто что написал, - от ученого совета, где все это рассматривалось и кончая машинистками которые разбирали наш почерк – все изменить просто невозможно. При этом умолчал, что саму идею я уже «застолбил» как свой научный приоритет в препринте института Геологических наук АН Украины. Умолчал также, что в 1984 году у меня вышли первые в Союзе методические рекомендации «Гидрогеологические исследования в прибрежной зоне моря при изучении субмариной разгрузки подземных вод». Причем вышли под грифом ДСП, и Володя о них не подозревал. У тебя есть один выход – написать хотя бы три четыре страницы по району, который ты знаешь. Согласен включить их в текст отчета, хотя его и придется расплетать. Тогда ты будешь полноправным членом авторского коллектива. Если же мое предложение не подходит, я пишу телегу в конфликтную комиссию министерства, приложив черновик отчета. Деваться Володе было не-

куда. Через месяц он вручил мне четыре страницы чисто компилятивного текста. Я вставил его в отчет и акт приемки-передачи, наконец, был подписан. Про себя я подумал, что зависть человеческая не имеет пределов. Мало того, что я подарил ему соавторство в двух серьезных статьях по Тарханкуту, где он не соизволил написать не то, что строчки – буквы. Так он еще претендует на мою авторскую разработку нового метода.

Как молодой сотрудник, я иногда поддавался на уговоры заведующего лабораторией, который настаивал на включении в статьи и инженеров и лаборантов. Мол, они же тебе помогали, графики перечерчивали, анализы делали и т. д. Доходило до смешного: в двух страничных тезисах полстраницы занимало перечисление соавторов. После этого я сказал начальству – так дело не пойдет. Ибо в статью придется включать и машинисток, и тех, кто делал бумагу, чернила, ластик и прочих. В свои статьи ты можешь включать и вахтера дядю Петю – он же охранял твои рукописи по ночам, а значит соавтор. А с меня хватит! Да бывают статьи в соавторстве, но это соавторы в творческой работе. Лаборантки же просто тупо выполняют свою техническую работу и не более.

После нервоотрепки со сдачей отчета, я понял, что больше никаких договорных работ с этой конторой мне не светит. Госбюджетные деньги в том году существенно срезали. А те, что дошли до института, распределило между собой начальство. Не лучшим образом обстояли дела и в производственных геологических организациях. Выделенных ассигнований едва хватало на оплату своих штатных сотрудников. Мне же начальство сказала – у тебя вполне приличный опыт проведения научных работ и куча идей. Вот и ищи себе заказчика, приноси деньги в институт, тогда и зарплату тебе будем платить. И как тут не процитировать, замечательную песню Владимира Высоцкого «Человек за бортом». А именно: “Так значит полный вперед, ветер в спину. Будем в порту по часам. Так ему, сукину сыну, – пусть выбирается сам”.

Легко сказать – выбирайся сам. В стране назревал кризис. Знакомств в геологических предприятиях не было. Надо было искать деньги на стороне. А на какой? Мне лишь было известно, что на Керченском полуострове полным ходом идет строитель-

ство Крымской АЭС. Попробую предложить им свои услуги. Проектировало АЭС Харьковское отделение института «Атом-энергопроект». Вот и направился в Харьков, запасшись несколькими бутылками крымского коньяка и такой же долей наглости. Для них я человек с улицы, никакого отношения не только к атомной, но и любой другой энергетике не имеющий. В Харькове в конце лета стояла страшная жара. Асфальт на Сумской улице плавился. Как договорился с проектировщиками – отдельная история.

Сама суть ее представляется несколько фантастической. Представьте себе, что в некий солидный проектный институт (а в Харькове он занимал два квартала по Московскому проспекту) проникает некий молодой человек, ибо выглядел я тогда лет на 35. Заходит буквально с улицы и требует собрать ведущих специалистов одного из действующих проектов. Как ни странно, специалисты, бросив текущие дела, собираются. Никто меня не знает, да и я их впервые вижу. О нашем провинциальном НИИ они тоже ничего не знают. А многие и не подозревали о его существовании. И вот этот пришлый молодец им целый час вещает о том, какие сложные гидрогеологические и геофизические особенности в районе строящейся АЭС и еще бог знает о чем. И, что все это можно охарактеризовать словами Э.М. Ремарка из романа «Три товарища». Он выразил эту идею так: «Парсифаль был глуп. Будь он умен, он никогда бы не завоевал кубок святого Грааля. Только глупец побеждает в жизни, умник видит слишком много препятствий и теряет уверенность, не успев еще ничего начать». По сравнению с прожженными, много старше меня летами профессионалами проектировщиками, я был не столько глуп, сколько наивен и несведущ в тонкостях проектирования столь крупных объектов как АЭС. Возможно, эта наивность и искренность их подкупила. В результате мы набросали черновик проекта соглашения и они потащили меня к Главному инженеру проекта, ибо, в конечном счете, все решал он.

Конечно, все было не так просто. Разумеется, прежде чем подписать договор на три года мне еще несколько раз пришлось съездить в Харьков. Вдобавок еще не раз пришлось съездить в поселок Щелкино, в дирекцию строящейся АЭС и пообщаться с ее директором по фамилии Танский.

Много позже я понял, что главную роль в подписании договора сыграл опыт и прагматизм проектировщиков. Они прекрасно понимали, что при выборе площадки под строительство АЭС были и элементы волюнтаризма политиков, и белые пятна в комплексе изысканий, проведенных под строительство. И, хотя они работали точно по СНиПам (строительным нормам и правилам), провести дополнительное изучение этого очень сложного в геологическом отношении объекта будет полезно и может помочь снять ряд спорных вопросов. Не моя вина, что впоследствии, вопросов возникло куда больше, чем все мы могли представить.

А пока же я вернулся в свое родное НИИ на белом коне с гарантированным финансированием. После чего срочно занялся изучением фондовых материалов по Керченскому полуострову.

11. ЧЕРНОБЫЛЬ, 1986 ГОД

Зимой этого года пришло время всерьез задуматься о докторской диссертации. Поскольку на работе что-то серьезное обдумать было невозможно, а очередной отпуск хочешь, не хочешь, надо было использовать, пришлось дома обложиться материалами и с утра до вечера, как говорил мой коллега штурман, «заняться наукой в свое удовольствие». К тому времени у меня было около 40 опубликованных работ, монография и монографического типа методичка на 80 страниц. Педантично разложил все материала по папкам, коих получилось семь. Значит, будет семь глав плюс введение и заключение. Я еще не знал, что из этого выйдет, ибо в одних папках было много материала, а другие были заполнены наполовину. По крайней мере, стало ясно, каких материалов не хватает и можно думать, где их набрать.

В апреле по плану командировок отправился на научное совещание в Геленджик. Называлось это сборище Школой морской геологии и имело очень пестрый состав участников, съезжавшихся со всех концов нашей необъятной Родины. Тут я впервые услышал доклад С.В. Аплонова о Палеобском океане, познакомился с командой А. Городницкого. Поучаствовал в работе первой официальной секции Морской гидрогеологии, побывал в филиале института Океанологии АН СССР. Там нам демонстрировали новейшие подводные обитаемые аппараты типа «Поиск», «Пайсис» и великолепные барокамеры для имитации глубоководных погружений. Видимо, слава Келлера не давала покоя нашим подводникам. Они проверяли возможность спусков до 600 и более метров на смесях неона, аргона и других инертных газов. Словом, совещание было интересным и информативным.

Дорога обратно в Энск заняла целый день. Пересадки с автобуса на автобус в Новороссийске, на паромной переправе, через Керченский пролив, в самой Керчи. Только поздней ночью добрался домой и завалился спать. Утром на проходной института мне сообщили новость – рванул реактор на Чернобыльской АЭС. Было 26 апреля 1986 года. Ну, рванул и рванул – мне-то какое дело? Тем более подробностей никто не знал. Направился в свой кабинет, намереваясь написать отчет по командировке в Геленджик.

На столе у себя обнаружил телеграмму с широкой синей полосой сверху бланка и надписью – Правительственная. По ней мне предлагалось немедленно прибыть в Киев, в Президиум Академии наук Украины, где по распоряжению Совета Министров из ученых формировался штаб по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

С телеграммой я отправился к секретарше директора – как известно, самому информированному человеку в институте. Пишите заявку на командировку в Киев, командировочное и предписание, для Вас хоть сегодня оформлю. И директор подпишет, куда он денется, если есть приказ Совмина. Но вот за предыдущую командировку надо отчитаться, иначе денег на следующую не получите. Из бухгалтерии уже звонили, Вас там ждут. Да, кстати, поедете в Киев вместе с зав. отделом – ему такая же депеша пришла. По возвращении в кабинет каждый сотрудник в коридоре считал своим долгом меня остановить и выразить соболезнование. Слухи об аварии ходили самые дикие. Официальной информации никто, конечно, не верил. Панические сплетни распространялись мгновенно, как во время наступления немцев под Москвой. Больше всего удивило поведение молодых сотрудниц в отделе. Многие из них, потупив взор, советовали под любым предлогом отказаться от командировки. Милые Вы мои девушки! Ведь ни с кем из вас я не заводил интимных отношений. И не только интимных, но и вполне невинных знаков симпатий. Соблюдал для себя это жесткое правило неукоснительно. Не дай бог согрешишь – огласки ведь наверняка не избежать. Скрыть интрижку в нашей конторе было невозможно при любой конспирации. Хотя, не скрою, соблазнов было предостаточно. Так неужели вы надеялись, что, дезертируя с атомного фронта, я сразу пушусь во все тяжкие?

Кроме того ко мне постоянно приставали с вопросами о «мирном атоме». Вроде бы заключив контракт с «Атомэнергопроектом», я сразу вышел на уровень Курчатова, Королева или Опенгеймера. К концу дня приходилось уже орать: “Да не знаю ничего! И в Киев не звонил! Просто еду туда. А если вернусь живым - расскажу”.

В Киев добрался только на третий или четвертый день после майских праздников. Прямо с вокзала направился на улицу Владимирскую, где находилась Академия Наук. Стояла страшная, явно не майская жара. А точнее духота. Пожарные и поливочные

машины нещадно поливали не только саму улицу, но и фасады домов. Сообразил - смывали радиоактивную пыль. Вода тут же испарялась с разогретого камня и асфальта. Получалась даже не сауна, а нормальная русская парилка. Двигаться приходилось зигзагами – от одного автомата с газировкой к другому. Все равно это мало помогало. Подойдя к Академии я был мокрый от пота, хоть одежду выкручивай.

Поднялся на второй этаж и сразу увидел массу знакомых лиц - практически все известные украинские гидрогеологи, работники некоторых отделов министерства геологии. В помещении было прохладно. Зато жаркими были споры. Единодушие было в одном. Все матерно поносили партийные киевские власти за сокрытие информации и произвольное изменение допустимых доз радиации Минздравом. В выражениях не стеснялись. Особенно возмущало людей проведение первомайской демонстрации, на которую киевлян выгоняли целыми коллективами, в то числе и школьников. Доставалось и московским бонзам, разрешившим это безобразие и успокаивающих народ бодренькими призывами и лозунгами.

Маленькое отступление 2. Только через много лет спустя я узнал подлинные причины аварии. Специалисты считают, что всему виной была типичная недоработка главного конструктора и научного руководителя работ академика Александрова. На то время, конструктивных недостатков у реактора РБМК было предостаточно. По мнению руководителя, работ Министерства энергетического машиностроения СССР на Чернобыльской АЭС, профессора Игоря Острецова - реактор был «сырым», трудным в управлении. За 10 лет до Чернобыля похожая нештатная ситуация произошла на Ленинградской АЭС. Но тогда удалось избежать взрыва. Как считает И.Н. Острецов: «После Ленинградской аварии был разработан перечень мер по доработке этих реакторов. К сожалению, авторитет Александрова задавил здравые предложения. Комиссия, в которую входил Острецов, должна была определить судьбу остальных 16 реакторов подобного типа на территории СССР. На выводы комиссии руководство страны отреагировало в штыки: “Вы что хотите, что бы были остановлены все 16,5 млн. киловатт? Тогда на всей промышленности Европейской части Союза можно ставить крест...” Нам закрыли

рты, а аварию списали на стрелочников. Потому-то суд происходил в местном, Чернобыльском ДК – чтобы не было неугодных свидетелей».

И. Острецов признает, что да, было много метаний с точки зрения науки, сложно было ученым. Но это все осталось в тени. Даже о реальных причинах самоубийства академика Легасова тоже не было сказано ни слова. И о вранье атомщиков о дешевой ядерной энергии. Реакторы не вечны. Многие из них и сегодня продолжают работать сверх ресурса. Графит просто-напросто рассыпается. На той же Ленинградской АЭС уже второй блок выработал свой ресурс. Но в северо-восточном регионе энергия в дефиците. Поэтому, время работы реакторов продлевают. Миф о дешевой энергии – он просто напросто не учитывает расходы на закрытие АЭС и строительство саркофагов.

О чернобыльской трагедии опубликованы сотни научных статей, репортажей, публицистики. В газетных публикациях преобладают эмоции корреспондентов и передергивание фактов. Это маленькое отступление написано только потому, что в «МК в Украине» №4(426)2014 года появились материалы о сценарии фильма – 12 серийного блокбастера, в котором Чернобыльскую АЭС взорвал агент ЦРУ. Если он будет снят, то картина будет просто кощунственной по отношению ко всем пострадавшим от аварии. Беспардонного вранья об этом и так слишком много. И, безусловно, нельзя превращать трагедию в фарс или в шоу.

К моменту моего приезда в Киев, реальных масштабов трагедии не знал никто. Специалисты хотя бы догадывались. Позарез нужны были конкретные данные, реальные измерения.

Специалистов гидрогеологов беспокоили несколько вопросов:

1. Вся радиоактивная гадость (обломки твелов, вода из охлаждающих контуров и мелкие радиоактивные обломки конструкций, пылеватые частицы) первым же серьезным летним дождем неизбежно будет смыта в реку Припять. Припять впадает в Днепровское водохранилище. А в нем расположены все основные водозаборы. То есть, в одночасье город с более чем двухмиллионным населением может остаться без питьевой воды. Как превентивные

меры почти в каждом киевском сквере уже поставили станки, бурящие скважины для добычи подземных вод. Эти работающие буровые станки я уже видел, пока добирался до здания Академии наук.

2. Даже, если в ближайшее время дождя не будет, то радиоактивная вода из охлаждающих контуров, смешанная с радиоактивной пылью уже затопила подвалы и просачивается вниз к горизонту грунтовых вод. Этот горизонт однозначно дренируется руслом реки Припять, и как остановить этот фильтрационный поток никто не знал. Припять к несчастью впадает в Днепр выше городских водозаборных сооружений. Предлагались самые дикие варианты. Вплоть до рытья дренажной канавы перехватывающей подземный сток. Но тут же выяснилось, что глубина такой канавы должна быть около 30 метров и прорыть её за короткий срок просто нереально. В конце концов, сошлись на идее водного барража. Для этого надо было пробурить серию скважин вокруг площадки АЭС и нагнетать в них воду.

3. Никто не знал, сколько и какой набор радионуклидов вынесло в атмосферу раскаленным восходящим потоком из разрушенного реакторного корпуса. Никто не знал, сколько и куда их отнесло ветром и где они выпали на землю. При этом состав радионуклидов тоже надо было четко знать. Некоторые из них хорошо растворялись в воде, а значит, легко проникали за счет инфильтрации в подземные воды. Особенно быстро в грунтовые. Следовательно, ряд населенных пунктов, водоснабжение которых осуществлялось из колодцев, находились под угрозой заражения питьевой воды. Распределение же пыли в воздушном потоке и отклонения её движения рассчитать практически невозможно. Как специалист - военный синоптик, приведу простой пример. Попробуйте хоть раз запустить шар пилот и отследить по теодолиту траекторию его движения. Увидите, сколько раз он резко меняет направление движения в приземных слоях атмосферы, какие фокусы вытворяет в турбулентных слоях – и вы все поймете.

4. Всю радиоактивную дрянь, которую пока сгребали в кучи спасатели, надо было срочно вывезти и захоронить. Где и каких объемов готовить радиоактивные могильники никто не представлял. Если к этим кучам добавить снятый грунт, хотя бы с самых горячих точек, то размеры могильников должны были быть ги-

гантскими. А для того, что бы построить могильник с соблюдением всех правил и норм нужно было время, место соответствующее найти и затратить на его оборудование колоссальные средства.

Вот далеко не все первоочередные задачи, которые надо было решать быстро и грамотно. За ними тянулся шлейф других вопросов. Например, как быстро будут продвигаться радионуклиды вниз по течению Днепра, где стояли водозаборы таких крупных городов, как Днепропетровск, Запорожье, Каховка и сотни более мелких. Как будут сорбировать нуклиды растения, идущие на корм скоту – то есть, как сработает пищевая цепочка. И так далее и тому подобное. Мир еще не знал такой масштабной, я бы сказал без преувеличения, глобальной катастрофы. И никаких наработок, хотя бы по частичному снижению последствий не было. Короче, дождались таки, мы светлого будущего – мирный атом пришел в каждый дом. В этой ситуации надо было принимать не стандартные, никем ранее не апробированные решения. Причем принимать быстро и безошибочно.

Радиационная обстановка в самом Киеве была самой разной. Город то огромный по площади. Где-то уровень радиации был близок к фоновому, в отдельных точках радиометр зашкаливал, показывая не микро и не мили а рентгены в час. Это я сам проверял кондовым радиометром СРП. Кто-то получил большую дозу (особенно те, кому приходилось ездить в 30-и километровую зону), кто-то меньшую. Но хоть небольшую - получили все. Японских индикаторов, считающих суммарную дозу, ни у кого не было. И, слава Богу, потому как нервы и так у всех были на пределе. А когда не знаешь, сколько ты схватил, на все наплевать. Напряжение в нашей команде снимали мощными порциями Каберне, которое, не смотря на Горбачевские штучки, в изобилии появилось в каждом магазине. И надо сказать неплохое было Каберне. И нуклиды вымывало и настроение повышало.

Но сам город в то время казался наполовину вымершим. На улицах практически не было видно детей. Всегда приветливые и доброжелательные Киевляне редко улыбались. Враг был страшен, невидимый, без лица, цвета и запаха. Все было как обычно – зелена травка, пели птички цвели деревья. И все было не так - тишина и неизвестность давили на психику. Многие переживали даже не за себя, а за родителей, любимых, детей – как-то оно все это

аукнется в будущем. Даже непосвященному человеку было понятно – город постигла беда. Все кто мог уехать, а тем более увезти детей – уезжали.

Пришло время возвращаться и мне. Командировка заканчивалась. Но уехать было невозможно. Билеты на все направления, подчеркиваю на все, были распроданы. И на любой транспорт. Улетел из Киева, в общем-то, случайно. Зашел для интереса в центральные авиакассы, которые тогда помещались у площади Победы. В зале пусто. Все кассы закрыты, да еще задернуты белыми занавесочками. Прошелся вдоль этого длинного ряда касс, раз, другой. И вдруг заметил, что в одном окошечке занавеска задернута неплотно. Сбоку осталась небольшая щелочка. Осторожно в нее заглянул и увидел занимательную картину. На столике кассирши лежали стопки паспортов, отдельно - пачки билетов и пачки денег. Служительница аэрофлота в мыле и пене заполняла билеты и перекладывала заполненные в паспорта. Я понял, что для этой тетки, впрочем, как и для всех других кассирш всех видов междугороднего транспорта, в городе наступило золотое время. Вот уж кто погрел лапы на чужой беде. Они стригли сумасшедшие бабки с киевлян, по благу и со страшной переplatой, покупавших билеты в любую сторону.

Маленькое отступление 3. Видимо все зависит от менталитета. Так в Москве и после взрывов в метро и после взрыва в аэропорту Домодедово, таксисты в три раза (!) подняли цены на проезд. И хотя были прокляты согражданами и понимали всю низость содеянного, алчность победила. При аналогичных терактах в Волгограде: в троллейбусе и на железнодорожном вокзале местные таксисты возили граждан бесплатно. Иначе говоря, столичный менталитет начисто лишает людей сострадания. Они, эти рвачи, сродни кладбищенским мародерам, обирающим потерявших голову от горя родственников.

Властно и решительно я забарабанил кулаком по стеклу. "Касса закрыта!" - заверещала кассирша. Открывай, раз сидишь на рабочем месте - должна работать. Я сюда прилетел по вызову Совета министров и показал в щелочку телеграмму. Перед тем, как идти сюда успел заглянуть в городской отдел БХСС и быстро по-

казал ей красный пропуск в наше НИИ, так, чтобы она не успела прочесть названия. Коллеги в курсе Вашей деятельности. Но это их дело, я из другого города и мне срочно, сегодня надо улететь туда. То, чем вы сейчас занимаетесь, пахнет статьей уголовного кодекса и я наугад назвал трехзначную цифру, причем пункт «б». При желании можно устроить и пункт «г». Физиономия тетки из багрово-красной превратилась в пятнистую. Причем пятна почему-то были двух цветов: белые и синие. Такого роскошного сочетания цветов на лице я еще не видел. Слово Правительственная на телеграмме она разобрала четко – шрифт больно крупный. А вот попросить показать второй раз пропуск не решилась или не успела. Не давая ей опомниться, еще раз грохнул кулаком по стеклу: Открывай!

Что, все-таки сыграло свою роль, не знаю. Скорее всего, мне попалась дамочка с психологией «голубого воришки Альхена», который трусил, краснел застенчиво, но все равно воровал. Или она и вправду подумала, что может потерять свой немислимо прибыльный бизнес. Ведь каждый день и каждый час приносил бешеный навар, а любое разбирательство – убыток. Но кого-то она там вычеркнула из списка или отодвинула на следующий рейс, а я получил искомый билет. Надо сказать, что мой зав. отделом, мужик ушлый и пробивной, почему-то посчитал мой поход в авиакассу безнадежным мероприятием. Эта ошибка дорого стоила. До Энска он добирался три дня. На переполненных электричках. Естественно три ночи не спал и не ел. Это, знаешь ли, куда страшнее нуклидов - признался он мне. Тех хоть не видишь и не чувствуешь. А тут полный букет, причем половину дороги, стоя в тамбуре.

Могу лишь добавить, что буквально через несколько дней руководство Аэрофлота издало закрытый приказ: Все имеющие отношение к Чернобыльской тематике должны были обеспечиваться билетами вне всякой очереди. Для чего на бланке командировки должен был быть впечатан номер приказа и его дата. Эти цифры киевские коллеги мне сообщили, и проблемы с доставанием билетов для меня закончились. Кроме одного случая, о котором расскажу чуть позже.

12. ЛЕТО КРЫМ-1986

В битком набитом самолете благополучно долетел до Энка. В НИИ сразу стал готовиться к полевым работам в район Крымской АЭС. Собрал все имеющиеся в лаборатории газовые анализаторы: «Радон», шахтные интерферометры для определения концентраций метана и углекислого газа в воздухе, прибор для оценки концентраций гелия, прибор для определения паров ртути в воздухе. В то время среди местных геологов бытовало твердое убеждение, что разрывные тектонические нарушения, за счет нарушения сплошности пластов, представляют собой своеобразные каналы. По этим каналам мигрируют вверх глубинные газы и подземные воды. В результате в приповерхностных слоях образуются газовые и геохимические аномалии. На эту тему имелась масса публикаций, игнорировать которые я не мог. Но надо было все это проверить в конкретных геологических условиях района АЭС.

К тому времени из Питера приехала моя племянница с подругой, дочка которой кончила очередной класс. Вся наша компания загрузилась в безразмерный фургон ГАЗ-66 и отбыла на Керченский полуостров.

На половине дороги нас тормознули у поста ГАИ. Документы у нас были в полном порядке: путевка на машину, командировочные удостоверения и еще куча бумаг от института, предлагающие местным властям оказывать отряду всякое содействие. Так в чем дело? Дело оказалось в банальной проверке выхлопных газов на содержание окиси углерода. В любом грузовике его содержание было наверняка выше нормы. Такая проверка подразумевала взимание штрафа и нудные наставления на обязательную регулировку зажигания и карбюратора. То, что нам на заправках заливали в баки некачественный бензин - никого не волновало. Платить штраф полагалось из собственного кармана. И водитель Гена уже сразу полез за бумажником. Я озлился и выскочил из кабины. Проверятьщики - два лохматых молодых парня сидели прямо на обочине. Тут же стоял непонятный ящик без всякой маркировки с непонятной шкалой, двумя тумблерами и лампочкой от карманного фонарика. Так парни, ваши доку-

менты меня не интересуют. А вот на этот сундук, который вы называете газоанализатором, будьте добры предъявить заводской паспорт и к нему акт с датой последней метрологической проверки. Имейте в виду, что у меня в кузове десяток газоанализаторов и как выглядят эти документы мне доподлинно известно. Лохматые хлопцы стушевались. Документы у нас на посту ГАИ и один из лохматых побежал к важному толстому сержанту. “Документы в сейфе, а ключа нет,”-запинаясь, пролепетал парень. Сержант сказал, что Вы можете ехать дальше без проверки. Стало ясно, что мы имеем дело с обычными жуликами, которые прикармливались у ГАИ, естественно, деля доходы. Почти с каждой машины брали мзду. Если документы у водителя были в порядке, сундук наверняка показывал превышение СО. Парни! Запомните, даже самодельный прибор должен иметь сертификат и пройти метрологическую поверку. Вы нарушаете законодательство. Вернусь в Энск – позвоню в Комитет народного контроля, там с вами разберутся.

Следующий пост ГАИ мы проехали не останавливаясь. Парней с сундуком не было видно, а гаишник, завидев нашу машину, демонстративно отвернулся от дороги. Да, сказал я Гене, доить, конечно, можно всех, но только грамотно. Ты помнишь, даже Остап Бендер, беря мзду с туристов за посещение провала, отрывал им трамвайные билеты. А нынешние Остапы вовсе обнаглели. Насколько обнаглели, мы узнали чуть позже.

В Щелкино приехали к вечеру. Встал вопрос, где разбить лагерь. Среди новых многоэтажек поселка лагерь был, мягко говоря, не уместен. Поехали чуть дальше и вот оно райское место - небольшая рощица, за которой сразу начинался пляж. У дороги одноэтажный домик с надписью Поссовет. Толкнул дверь – заперто. Ладно, переночуем в рощице. Вон там неплохая полянка и тень. Ставь машину и пусть девицы срочно готовят ужин. С утра ведь не ели. Устроим эдакий пикник на обочине. Девицы первым делом искупались в теплом Азовском море, а потом мгновенно накрыли раскладной столик, поставили стульчики. Только мы выпили по первой за начало полевого сезона, как затарахтел мотоцикл. Подъехали два суровых гаишника и сходу потребовали документы. У Гены сразу забрали права и путевку. Так, а Ваши документы? Я показал паспорт, командировочные

удостоверение и копию договора с «Атомэнергопректом» плюс просьбу ко всем местным властям о содействии в проведении научных исследований. Это гаишников впечатлило. Придаться было не к чему. А напакостить очень хотелось. Так, - сурово сказали они. Машина стоит в неполюженном месте. Надо ее переставить подальше от поссовета. Вы товарищи милиционеры, чего-то не поняли. Знаков запрещающих стоянку и здесь нет. Местной обстановки мы не знаем, приехали только сегодня – посмотрите отметки в командировках. И причадили мы к поссовету не случайно, так как должны поставить в известность местную советскую власть о начале работ на их территории. Кстати, где председатель поссовета или хотя бы дежурный? Еще семи часов нет, а поссовет закрыт наглухо. Нам, что в Райком звонить, разыскивая председателя. Учитывая важность наших работ, могу сходить в Щелкино позвонить. Заодно пожаловаться директору строящейся АЭС товарищу Танскому. Он в курсе, что мы должны приехать.

Видя, что все документы в полном порядке, а я и в самом деле могу поднять шум у большого начальства, гаишники решили сменить тактику. А что это за девушки с Вами? Это моя дочь, вот в паспорте записано. А тех двоих завтра будем оформлять рабочими в дирекции АЭС. Опять не прокатило. Но вы здесь выпиваете! Да, раз у Поссовета рабочий день закончился, то и у нас тоже. А после работы имеем полное право. Ладно, эту ночь мы разрешаем вам здесь переночевать, но чтоб завтра Вы выбрали себе другое место стоянки.

И тут же попытались провернуть другую провокацию. Пусть Ваш водитель переставит машину на другое место. Но Гена, молодец, сразу раскусил эту подлянку. Стоило ему после выпитой рюмки сесть за руль, его бы тут же заарканили. Свидетелей полно – выпивший водитель за рулем. А это и крупный штраф, и лишение прав. А скорее всего, пришлось бы давать этим ментам крупную взятку, чтобы вызволить права. Поэтому он твердо ответил: Я уже выпил рюмку водки и поэтому за руль ни за что не сяду. У ментов опять полный облом. Обозленные они укатили восвояси для куража, прихватив права и путевку Гены. Видимо, поразмыслив и оценив ситуацию, эти хваткие ребята решили с нами не связываться. Документы, хоть и без из-

винений, они сами привезли обратно. Только уж не помню, в тот же вечер или на следующее утро. Больше мы с этими орлами ни в этот сезон, ни в следующие не сталкивались.

На следующее утро Гена подвез меня к зданию дирекции строящейся АЭС. Отметил командировки, пообщался с начальством. Собираясь уходить, встретил в коридоре начальника изыскательского отдела, знакомого мне еще по Харькову, Сергея. Человек он был доброжелательный, общительный. К тому же мастер спорта по спортивному туризму, что нас особенно сблизило. Узнав о моих проблемах с местными ментами, сразу врубился. Я этих сволочей знаю, не раз сталкивался. Советую тебе забазироваться на Казантипе. Там налево, сразу за последними домами забетонированная площадка. Она обнесена металлической сеткой, но ворота открыты. Стоит там пара вагончиков, они пока заняты. Но остальная территория пустая, причем наша территория. Она официально отдана изыскателям и свободна. Места там навалом и никто тебя не тронет. Я дам команду. Можешь спокойно ставить свои палатки. Есть правда два неудобства – отсутствие тени и воды. Но воду можешь подвести – там стоит пустая квасная бочка. А для тени – натяни какой-нибудь тент. Это даже лучше, чем жить в вагончиках. В дождь, крыша у них течет, а при солнце духота неимоверная. Кстати, вечером загляни вон в тот барачный домик. Я там один обитаю, а для друзей в нем всегда найдется бутылочка.

Полуостров Казантип довольно далеко вдается в акваторию Азовского и моря и по форме напоминает гриб. Шляпка гриба овальной формы, по диагонали протягивается на 4,2 км. По строению она очень напоминает атолл. Берега его сложены мшанковыми известняками с максимальной отметкой 108 м. Центр «атолла» занимает ровная, плоская площадка – как бы дно бывшей лагуны. Видимо, раньше эта часть была довольно крупным островом, который со временем соединился с берегом широкой переймой. Полуостров разделяют два крупных залива Азовского моря: Арабатский и Казантипский. В основании шляпки гриба расположен небольшой поселок Мысовое. А в основании ножки довольно большое соленое Акташское озеро. Западней начинался поселок атомщиков – Щелкино. От Мысового до Щелкино расстояние чуть больше километра.

Для отработки методики наблюдений мы решили пройти по профилям равнинную часть «шляпки», сложенную рыхлыми суглинками. Однако и это оказалось непростой задачей. Иссушенные жарким солнцем суглинки превратились в камень. Пройти даже метровый шпур ручным буром было невероятно трудно. Если бы не Гена, мне вообще вряд ли удалось что-либо сделать. Примерно за месяц края равнинной части мы разбурили, но вот центр пришлось бурить выборочно. Он был распахан местным колхозом и там что-то посеяли. Посевы бдительно охранялись сторожем, круглосуточно дежурившим у дощатой будки. Жара стояла невыносимая и вся замкнутая часть «атолла» напоминала сковородку. Девушкам нашим жара тоже досаждала, но они хоть регулярно купались в маленьких уютных песчаных бухточках, тогда совершенно безлюдных. Еще примерно месяц мы бурили. Грунт был несколько мягче, но все равно приходилось тяжело. Наконец, набрав несколько сотен проб на химический и спектральный анализ, мы решили отвести их в Энск, что бы иметь хотя бы предварительное представление о геохимии района.

Осенью умер директор института С.К., похоронили с большой помпой. Жена его осталась не у дел. Сунули ее в мою группу для всяких подсобных работ. Правда, толку от нее было - чуть. Все гадали, кого же теперь назначат директором. Толи кого-то из местных замов, толи пришлют продвинутого доктора из Киева. Ошиблись все. Новым директором стал никому неизвестный кандидат наук из Артемовска Ю.Н., бывший до этого начальником геологической партии. Отзывы из Артемовска доходили о нем самые скверные. Но, видимо, опять дело решила мохнатая лапа. У нас, хоть и провинциальный, но довольно крупный институт, а ему назначили в директоры какого-то начальника партии, не имеющего опыта руководства научным учреждением.

От греха подальше я снова поехал на Казантип. Надо было успеть, по теплу сделать хотя бы еще пару профилей – тема-то продолжалась, и отчет был не за горами. На Казантипе ждал сюрприз. Распаханное поле сплошь было покрыто спелыми дынями. Сторож удвоил бдительность и, хотя угостил нас дынькой, сказал, что украсть их для дома не позволит. Посоветовал: съездите в правление колхоза и выпишите - сколько вам надо. На

корню они стоят копейки. Мы с Геной так и сделали. Выписали 20 кг, заплатив сущие копейки. Отдали сторожу чек об оплате. И на законных основаниях накидали в кузов самых душистых дынь. Весов у сторожа не было.

Поздней осенью меня снова вызвали в Киевскую Академию наук и опять правительственной телеграммой. Вызвали одного, видимо потому, что один и занимался «атомной» тематикой. Проводилось совещание по оценке предварительных результатов изучения последствий аварии на ЧАЭС. Последствия оценивались как катастрофические. В кулуарах велись какие-то странные разговоры. Явно, что-то назревало. Всех беспокоило намечавшееся строительство еще двух новых АЭС на Украине. Одной в районе Одессы, другой в районе Мариуполя. Кроме того, в союзные планы входило проектирование Ростовской и Азербайджанской АЭС. Никаких конкретных решений вроде не было принято, но настроение было тревожное. Сам Киев производил странное впечатление. На бульварах не лежало ни одного опавшего листика. Все они собирались в пластиковые мешки и куда-то увозились. Ясно, что сжигать их было нельзя – огонь не уничтожит нуклиды, а пепел разлетится с этими нуклидами еще быстрее, чем листья. Но, где оборудованы (и оборудованы ли) могильники ядерных отходов? Никто ничего не говорил. Даже если и знали, то помалкивали. Становилось ясно, что просто организовали где-то свалку. Город почистили, а что там будет за его чертой – наплевать. Грустное впечатление производили пригороды - яблони были усыпаны спелыми плодами, и никто не думал собирать урожай. Его тоже нужно было вывозить на свалку.

Зимой я опять взял отпуск и засел за докторскую. Засел по настоящему, без выходных и долгих перекуров. И надо сказать дело начало успешно продвигаться. Но еще успешнее оно продвигалось у Ю.Б. Этот шустрый товарищ воспользовался привилегией руководящих работников - защищаться по совокупности публикаций (было в то время такая лазейка). В ВАК же в этом случае представлялся только автореферат и текст доклада. Через пару лет он доложил на нашем ученом совете результаты своего труда. Доклад меня ошеломил. Темой его работы были фосфориты. Удобрение это было дефицитное и дорогое – его завозили из-за бугра (то ли из Марокко, то ли из Бразилии). Так, что во-

прос был актуальный. И это был единственный положительный момент в его докладе. О механизме образования фосфоритов, связанное с апвеллингом он имел самое смутное представление и на мой простой вопрос не смог ответить. Он даже толком не представлял себе, что такое апвеллинг. Крупных месторождений фосфоритов на Украине не было и он, естественно их тоже не открыл. Кроме того, в его списке было всего около тридцати небольших печатных работ, причем большинство в соавторстве с подчиненными. И ни одной монографии. Казалось бы, защита заведомо обречена на провал. Ан нет, мохнатая лапа и пробивные способности соискателя позволили ему еще через год получить диплом доктора геолого–минералогических наук. После чего апломб Ю.Б. возрос многократно. В тематике института он скользил по верхам, как иногда говорят «глиссировал». Вот так предстояло жить и работать. Впрочем, это были цветочки. Когда самолет войдет в пике уже без Ю.Б., о нем станут вспоминать совсем по-другому.

13. ФОРСАЖ

Те отрывочные и явно сглаженные в советской прессе сведения о «мирном атоме», народом воспринимались буквально в штыки. Им не верили. Назревало глухое недовольство властью, которое доходило и до ЦК и до Горбачева. В принципе это попыхивало бунтом. Никому не доставило радости расселение людей (а вернее эвакуация) из тридцатикилометровой зоны вокруг Чернобыля, а также из ряда других сильно зараженных территорий. Ни о нормальном жилье, ни о работе для отселенцев никто не побеспокоился.

С начала 1987 года события начали развиваться стремительно. По поручению Совета министров СССР, Мингеологии Украины, Академия наук УССР, АН СССР и ГУГК «с целью повышения безопасности Крымской АЭС» начали проводить в районе строительства станции дополнительные наблюдения с учетом ранее выполненных работ. В реальной действительности, началось всё с вялой переинтерпретации предыдущих исследований (геофизических, геологических, сеймотектонических и других). Однако, уже в апреле, развитие дополнительных исследований получило новый мощный толчок.

С 8-го по 10-е апреля 1987 года сейсмостанции Щелкино и Феодосия, зафиксировали серию из 25 землетрясений (сейсмологи называют это рой) энергетических классов $K = 7...10$ в акватории Азовского моря в районе Южно-Азовского ретронадвигга. Эпицентры землетрясений находились приблизительно в 20 км от площадки АЭС. В поселках Мысовом, Щелкино, Астанино и на площадке АЭС сотрясаемость составляла 3 - 4 балла по двенадцати балльной шкале MSK-64. Сейсмологи забили тревогу об усилении сейсмической активности района АЭС, сооружения которого были рассчитаны на 7 баллов. В Крыму начались стихийные митинги и демонстрации с требованием прекратить строительство АЭС. Учитывая размах этих выступлений, 30 июля 1988 года распоряжением Совета Министров СССР для оценки ситуации была создана Правительственная комиссия, под председательством вице-президента АН СССР, академика Е.П. Велихова.

Итак, реакция властей последовала спустя более года после сейсмических событий 1987 года. Можно понять настроение крымчан. Многие из них принимали участие в ликвидации аварии на ЧАЭС, часть погибла. Перспектива превращения цветущего полуострова в радиоактивную зону отчуждения их никак не устраивала. Но мало кто из них знал, что такое Минатомэнерго и Министерство среднего машиностроения. Это были монстры, которые обогащали уран. Упомянутые ведомства строили не только АЭС, но и ракеты с ядерными боеголовками. Это было государство в государстве с мощной поддержкой и в ЦК и Совмине СССР. Борьба с ним было не просто. А до Чернобыля и вовсе опасно.

Что же происходило до создания Правительственной комиссии? Наше НИИ работало в режиме форсажа. Для моей группы это был сплошной аврал. А при выезде в поле, полевой отряд увеличился до 10 человек. Появились миниатюрные механические буровые станки, ряд новых приборов. Кроме рабочей машины ГАЗ-66 - легковой УАЗик. Откуда на это брались деньги - я не вникал.

При таком материальном и людском обеспечении за один месяц удалось сделать детальную газо-геохимическую съемку всей «ножки гриба» - от реакторного здания до шляпки. Причем мы усовершенствовали методику съемки. Обычно подобные исследования проводились на стандартной глубине 0,5 – 1,0 метра. Мы же, учитывая разный породный состав верхней части разреза и, соответственно, резко меняющуюся проницаемость отложений, проводили пробоотбор газов и грунта послойно, через 0,5 м, до глубины 5-8 метров. Каждый интервал отбора флюидов блокировался пакером. Одна и та же проба подпочвенного воздуха последовательно пропускалась через все приборы – «Радон», шахтные интерферометры, датчики гелия, соединенные в один измерительный блок герметичными шлангами. Кроме эпюр распределения концентраций газов по глубине в каждой скважине, строились диаграммы распределения концентраций по профилям. Должен заметить, что немного позже, в 1991 году эта новая методика была высоко оценена специалистами и отмечена премией Министерства геологии СССР. Была у нас только одна сложность в работе. Дело в том, что никто из нас буровиком не

был. А буровые станочки, хоть и маленькие, требовали внимательного обращения. И вот, когда мы опускали шнек, один наш парень, некто Витюнчик, раскрыв рот, считал ворон. Вот шнеком ему палец и отдавило. Слава Богу, совсем не оторвало. А то бы за увечье на производстве, пришлось бы мне, как начальнику отряда отвечать по полной. Пришлось бы бросать работу и везти разгильдяя в больницу. Рабочий день, таким образом, мы потеряли.

Маленькое отступление 4. Безусловно, не все газы можно было считать глубинными. Так, углекислый газ в близко лежащих к поверхности карбонатных отложениях неогена мог иметь повышенные концентрации. Происхождение радона тоже было неясным, хотя мы четко разделяли поля преимущественно радона и торона. Тщательно анализировали эюры распределения концентраций этого газа по глубине. Хорошим показателем глубинности флюида являлся метан и, особенно, гелий. Однако аномалии мы выделяли по сумме концентраций всех газов, пытаясь свести ошибки определений к минимуму.

Картинка получилась любопытная. На карте четко обозначилась линейная аномалия проходящая прямо через промплощадку АЭС. По понятиям того времени, такие данные можно было толковать как разрывное тектоническое нарушение. А это уже был скандал, так как по правилам МАГАТЕ категорически запрещалось строительство АЭС на площадках пересекаемых любыми разломами. И я знал, что после Чернобыля к требованиям МАГАТЕ в СССР стали относиться очень внимательно.

С такими данными соваться к заказчику в Харьков было небезопасно. Решил искать правду-матку в Москве, в головном институте «Атомэнергопроект». Срочно оформил командировку и отчалил в столицу. Там мне пришлось разговаривать с главными специалистами по геологии и тектонике. Сотрудники эти были очень грамотные, по столичному ушлые и напористые. Посмотрев мои материалы, они дружно стали меня обрабатывать. Мол, газогеохимические показатели косвенные, и ты их в отчете вообще не вздумай приводить. Тогда у тебя проблем не будет. Мы уж позаботимся, и твой труд примут на ура. Я по молодости

уперся. Во-первых, о результатах знает весь наш НИИ и они показывались специалистам из Украинской Академии наук и нашего Министерства геологии. Да и скрывать реальные полевые геологические материалы не в моих правилах. А у нас другие правила игры, заявили мне московские коллеги. На строительство Крымской АЭС вбухано уже больше миллиарда народных рублей. Мы найдем способ придраться к твоим данным, а тебя посадить в тюрьму за фальсификацию. Угроза была серьезная. И сам понимал, что косвенные методы не доказательство существования разрыва. А Атомэнергопроект находился под плотным колпаком КГБ. Хотя и не 37 год, но связываться с этой организацией не хотелось.

Уже на улице я вытер со лба холодный пот и смачно плюнул на столичную мостовую, хотя целился в здание головного института. Не попал, просто во рту пересохло. Ведь туда приплелся прямо из аэропорта, а меня там даже чаем не угостили. После этого побрел на главпочтамт и позвонил в свое министерство. Попросил срочно организовать геофизические исследования на моем профиле. Обозленные Чернобылем киевляне обещали сделать все возможное. Затем направился домой к двоюродному брату (увы, уже давно покойному). Он был замдиректора Гидропроекта по атомной энергетике. Имел прямое отношение к проектированию и строительству АЭС. Брат лежал с тяжелой простудой. Выслушав меня, он сказал. У нас за Чернобыль полетели многие головы. Я же отделался легче всех – меня представили за этот объект к ордену, хотя имел к нему косвенное отношение, и представление просто отменили. А вот тех, кого успели наградить, получили по полной. Тебе будет полезно посоветоваться с моими ведущими специалистами. Сейчас позвоню кому надо и тебя примут.

Специалисты оказались отличными, все понимающими парнями. Вся проблема, сказали они мне, заключается в выборе площадок под строительство. Делается это на стадии ТЭО (технико-экономического обоснования). Денег на ТЭО по регламентному СНиПу отпускают 1-3% от стоимости объекта. На эти гроши невозможно организовать нормальные изыскания, вот и принимают волонтаристские решения – будем строить здесь! Мы уже несколько лет воюем за то, что их надо менять. Но воз и

ныне там. А ты представляешь, что такое изменить СНиП? Я представлял. И сказал им, что после Чернобыля СНиПы все равно придется переделывать.

Маленькое отступление 5. СНиП (строительные нормы и правила) - закон (инструкция, пропись) для всех проектировщиков и строителей. Отступление не то, что от параграфа, а от буквы его карается предельно жестоко. В лучшем случае снятием с работы, в худшем тюрьмой. Готовится к изданию СНиП обычно большим коллективом авторов. Иногда даже несколькими организациями. На это тратятся годы и куча средств, так как работа предельно ответственная. Но рано или поздно, СНиПы все равно устаревают. Появляются новые технологии, новые материалы, новые конструктивные решения. «Пробить» издание нового СНиПа столь же сложно, как изменить статью в конституции страны или изменить закон Кодекса. Хотя мелкие изменения и дополнения все же вносятся.

Переночевав у брата, я рано утром улетел в Энск. Из аэропорта сразу поехал на работу. В кабинете меня ждал какой-то молоденький армянин из НПО «Энергия». Оказалось именно их организация (вернее армянский ее филиал) вела изыскания при ТЭО. Я уже в курсе о скандале с разломом. Но что мы могли сделать. Нам на все про все выделили 20 тысяч. Даже в командировку на площадку не могли съездить. Вот и пришлось слепить отчет по литературным и кое-каким фондовым данным. И что теперь нам делать? Будете в суд подавать? А ничего не надо делать. Виноваты не Вы, а тот, кто заставляет пользоваться устаревшими СНиПами. Кстати, а почему Ереван занялся крымской площадкой? Что в Союзе других контор поближе не существует? Армянин потупился. Понимаете, денег в нашем НИИ совсем не было, вот и выпросили, согласившись на такую маленькую сумму. Мысли московских коллег, с которыми я вчера беседовал, полностью подтвердились. Правда не ожидал, что все произойдет так быстро.

Осенью повез свой отчет в Харьков. Приняли они его довольно кисло, но без замечаний. Нашелся простой выход. Я объявил результаты работ предварительными и, понимая их озабо-

ченность, пообещал уже за деньги нашего министерства в следующем году представить копию геофизических исследований.

Дальнейшее изучение района Крымской АЭС между тем активно продолжалось. Деньги выделялись по линии Министерства геологии Украины и АН Украины. К весне 1988 года был выполнен комплекс геофизических исследований, включающий два сейсморазведочных профиля, электроразведочные и гравиметрические съемки. Морские геофизические работы подтвердили наличие крупного Южно-Азовского сейсмогенерирующего надвига. Он целиком располагался в акватории Азовского моря, километрах в 10 севернее Казантипского полуострова. Проблема была с грамотной интерпретацией геофизических данных. Местные геологи, считавшие себя корифеями в области тектоники и структурной геологии, бодро нарисовали вокруг АЭС кучу субвертикальных разрывных нарушений и каких-то замысловатых кольцевых структур. Часть из них произвольно проводилась при неграмотном дешифрировании аэрофотоснимков, другая часть проводилась просто «от фонаря», никакими геологическими данными не подтверждаясь. Эти «палки и бублики», как позже назовет их мой друг В. Юдин, окончательно запутали структурно-тектонические условия площадки АЭС. Такое количество «разломов» на крошечном пятачке вокруг станции просто не могло быть. Даже с позиций разломно-блоковой тектоники это был просто бред, ибо никаких блоков не выделялось, а хаотически расположенные разрывы просто ни с того ни с сего обрывались и упирались друг в друга. Но тектоника и геофизика - вовсе не мои епархии. В этих вопросах мои познания были поверхностными. А сомнения не профессионала и вовсе никому не были интересны. Похоже, начальство считало, что чем страшнее и непонятнее будет выглядеть карта разломов, тем лучше.

Для меня самым важным результатом явилось подтверждение выделенного по газогеохимическим наблюдениям так называемого Семеновского надвига. Однако происхождение его было неясно. Скорее всего, это было ответвление от Южно-Азовского ретронадвига, но это еще надо было доказать. Для этой цели я мобилизовал Валентина Павкина с его аквалангами и компрессором. Попутно мы с Валентином изобрели и изготовили устройство для отбора иловых вод, без отбора керна. Центрифуг

или прессов, для извлечения этих вод (как это обычно делается в океанологии) у нас все равно не было. Пришлось изобрести это дикое устройство, которое впоследствии получило золотую медаль на ВДНХ в Киеве. Необычный вид подводных работ вызвал интерес у Киевского министерского начальства. Ко мне в лагерь нагрянул начальник нашего министерского одеда Е.Я. Конечно, мы дали ему поплавать с аквалангом. Конечно, мы с Валентином попутно и сами с интересом знакомились с жизнью Азовских обитателей, так как до этого погружаться в Азовском море не доводилось. Занятное зрелище представляли собой азовские бычки-песчаники. Они практически не плавали. Поджидая добычу, они лежали на дне идеально ровными рядами. Как солдаты на плацу во время учений. Причем в каждом ряду находились рыбки совершенно одинакового размера. Длинные ряды мелких особей располагались в метрах двадцати от более крупных собратьев. И этот строгий ранжир нигде не нарушался (по мнению Юдина во избежание каннибализма). Кроме бычков в массовом порядке в море плавали местные змеи – ужи и полозы. Иногда они часами лежали на дне. Было непонятно, как это у них получается. Ведь змеи не имеют жабр и дышат легкими. Как змеюки ухитрялись так долго быть под водой, оставалось их тайной.

Наши подводные исследования увенчались успехом. Семёновское нарушение уверенно трассировалось в акватории и, конечно, было ответвлением Южно-Азовского ретронадвига. В то время мы называли его просто – «разлом». Результаты этих уникальных работ были через год опубликованы в докладах АН Украины.

Тем временем (с 30 июля 1988 года) начала работать Государственная комиссия, под председательством вице-президента АН СССР, академика Е.П. Велихова. Самого Велихова в Щелкино я так и не увидел, а вот в заседания рабочих групп проводились регулярно. На одном из них при обсуждении результатов геофизических исследований вдруг спохватились, что на сейсмофилиях обнаружилось масса глиняных диапиров (криптодиапиров). Причем некоторые из них располагались рядом с промплощадкой АЭС. Как они поведут себя при активизации сейсмических событий - никто не знал. Председательствующий, украинский академик А.В. Чекунов почему-то решил, что я са-

мый компетентный специалист в этом вопросе. Хотя я отродясь дипирами не занимался, спорить с академиком не хотелось. «Ну, так и поезжайте, батенька, в Азербайджан, там этими вопросами давно занимаются. Как ни как – классический регион развития грязевого вулканизма. Кроме того азербайджанцам удалось закрыть свою площадку именно по этой причине. Позаимствуйте их опыт и побыстрее возвращайтесь».

Маленькое отступление 6. Диapiroны – структуры протыкания. Это выпуклая (антиклинальная) складка с крутопадающими крыльями. Чаще всего она состоит из магматических пород, но существуют и глиняные диapiroны. В условиях мощных осадочных толщ Керченского полуострова диapiroизм возникает на локальных участках с аномально высоким пластовым давлением (АВПД). Под действием этих давлений пластичное глиняное тело-складка растет вверх, протыкая и приподнимая субгоризонтально лежащие отложения. Когда диapiroн достигает поверхности земли, образуется грязевой вулкан – в принципе опасное геологическое явление.

Из Щелкино позвонили в Энк и пока я туда доехал, мне уже оформили командировку в Баку, в Азербайджанскую академию наук и даже по броне обкома приобрели билет. Время было летнее, и достать билеты в любом направлении было практически невозможно. Билет мне взяли на поезд Энк – Баку. Поездка летом в Баку на поезде сравнима с поездкой в Ад. Несусветная жара и духота в купе. Вдобавок поезд тащится почти сутки, петляя по всему северному Кавказу. К тому же прибывает он на конечный пункт ровно в полночь, когда все учреждения уже закрыты.

Но надо отдать должное и Энским обкомовцам. Они дозвонились то ли до Азербайджанского ЦК, то ли до Бакинского Горкома, а те уже предупредили Академию наук о моем приезде. Так что в Баку меня ждали и встретили со всем восточным пиететом. Все материалы по Азербайджанской площадке я получил и внимательно с ними ознакомился. Кроме массы официальных встреч с директором Института геологии АзАН, ученым секретарем, аналогичным начальством Института Нефти и газа и раз-

ными азербайджанскими академиками, меня свели с заведующим сектором грязевого вулканизма, доктором геол.-мин. наук Рагид Рамиз оглы Рахмановым. В конце содержательной беседы этот обаятельный человек подарил мне на прощанье две очень нужные книги - «Каталог зафиксированных извержений грязевых вулканов Азербайджана за период 1810-1974 годы» и свою монографию «Грязевые вулканы и их значение в газонефтеносности недр» с трогательной надписью.

Маленькое отступление 7. Через пару лет все эти знакомства мне чрезвычайногодились. Ну, а сам Баку удивил восточной экзотикой. Несусветной жарой, тихими колоритными восточными улочками в центре старого города. Культ чаепития с колотым сахаром или вареньем из лепестков роз. Все это подавалось с заварным пузатым чайником (чай там не разбавляют кипятком, а подают уже в нужной кондиции в одну свежую заварку) и особой формы стаканчиками из тонкого стекла. Хороши также были люля-кебабы, изжаренные на шампурах над жаровней с углями. Они снимались с шампура, клались на тонкую лепешку, посыпались зеленью, поливались кетчупом. Потом это все это чудо заворачивалось в рулончик и вручалось клиенту. В общем, это был совершенно другой мир пряных восточных запахов, усатых мужчин и гортанного говора, как будто вылепленный из сказок Шахеризады...

Через неделю самолет за час доставил меня в Энск, а еще через день я докладывал на очередном заседании комиссии о проблемах диапиризма и грязевого вулканизма. Во-первых, за 164 года непрерывных наблюдений в Азербайджане не удалось установить никакой закономерности в их извержениях. Они могли активизироваться и через 20-30 лет. А иногда между извержениями проходило сто или более лет. Четкой корреляции извержений и сейсмических событий тоже не обнаружено. То есть, прогноза активизации грязевых вулканов и роста диапиров попросту не существует.

Во-вторых, масштабы крупных извержений (так называемая параксизмальная стадия) весьма впечатляют. В начале извержения происходят сейсмические толчки в 3–4 балла по шкале

MSK -64, ощущаемые в радиусе до 5 км от вулкана. При этом грунт в районе кратера вспучивается на высоту 6–10 м. Далее следует взрыв газа, который, как правило, самовозгорается. Столб пламени поднимается на высоту нескольких сотен метров, иногда до километра. Это сопровождается массовым выбросом из жерла потоков жидкой грязи и сопочной брекчии. Объем выброшенного материала может составлять несколько миллионов кубических метров. В Каспийском море выбросы подводных вулканов образуют острова площадью более одного квадратного километра. Так, что диапиризм - не такое уж безобидное явление. Мой доклад весьма впечатлил коллег. Многие из них даже не представляли всей мощи этих геологических процессов.

Подождите, и это еще не все. Даже над старыми, давно потухшими сопками существует аномально высокое выделение метана. Этот газ имеет тенденцию накапливаться в подвальных помещениях строений и взрываться от малейшей искры. Так, в Азербайджане взлетело на воздух здание средней школы. К счастью все произошло ночью, и жертв не было. Был еще случай, когда наши доблестные военные, не смотря на предупреждения ученых, установили на вершине потухшего вулкана радарную установку. Им, видите ли, нужно их ставить повыше над равниной для большего обзора. Так вот эта установка сгорела полностью. Что касается жертв, то о них никто не знает, ибо это военная тайна. Добавлю, что на площадке АЭС моя группа зафиксировала в некоторых точках в почвенном воздухе до 6 объемных процентов метана. Это предел измерения шахтных интерферометров. В горных выработках при таких концентрациях объявляется тревога, и работы прекращаются. В заключение хотелось бы сказать, что Керченско-Таманский регион в смысле развития диапиризма и грязевого вулканизма является точным аналогом Апшеронского полуострова. Было бы неразумно игнорировать эти геологические явления вблизи столь опасного объекта как реакторное отделение Крымской АЭС.

Договорились, что моя группа продолжит газохимические наблюдения и обследует самые крупные грязевулканические сопки Джау-Тепе и Джарджава (Восходовская). Обследовали. Убедились, что несмотря на то, что образовались они давно, последние проявления активности были на первой сопке в 1927 и

1942 году. А во второй - в 1930 и 1982 году и метан прет из них исправно, как из газовой плиты при открытом кране.

Затем пришлось подключился к рабочей группе сейсмологов. По вызову Правительственной комиссии, в Щелкино съехались все ведущие сейсмологи Союза. Зачем я был нужен этой компании корифеев, до сих пор не знаю. Но с ними пришлось еще раз объездить весь Керченский полуостров. В качестве независимых экспертов были приглашены два итальянских профессора. У них к оценке сейсмичности подход был простой: если в четвертичных отложениях (то есть за последние 1,7 миллиона лет) нет сейсмодислокаций, значит можно строить все что угодно. На мой вопрос, а как выявлять эти самые дислокации в современных пластичных неуплотненных отложениях Азовского моря, где находятся все эпицентры, итальянцы деликатно не ответили. Московский сейсмолог Андрей Алексеевич Никонов, с которым я уже хорошо познакомился, ибо ездил в одной машине, толкнул меня в бок. Что ты пытаешь этих макаронников - это же засланные Минатомэнерго казачки. Они просто отрабатывают свои деньги в пользу строительства АЭС.

Маленькое отступление 8. Приезд крупных специалистов-профессионалов сейсмологов, геологов, тектонистов, геофизиков и др. сильно облегчил мое положение. Скажем так, местные сейсмологи занимались только регистрацией сейсмических событий. Они вечно сетовали на устаревшую аппаратуру сейсмостанций, редкую их сеть и как следствие на недостаток информации. Умалчивая о том, что в любом случае прогноз сейсмических событий не возможен. Между тем информацию о ранее произошедших крупных землетрясениях можно было получить и другими способами. Например, грамотно исследовать древние сейсмодислокации, изучать древние исторические документы в архивах и т.д.

В этот напряженный период, самому мне приходилось постоянно влезать в научные проблемы, которыми я раньше и не думал заниматься. Но проведение комплексных изысканий промплощадки требовало вникать во все смежные области знания. Для этого в НИИ существовала великолепная научная библиотека. Был хорошо налажен межбиблиотечный обмен книг. В

ВИНИТИ можно было заказать любую работу, в том числе иностранную. Мне удалось подписаться на все периодические издания МАГАТЕ. Журналы приходили прямоком из Вены. Интересные статьи, которые нужно было перевести целиком, я отдавал в бюро переводов. Все свободное время штудировал эту литературу, иногда начиная с азов – вузовских учебников. Не стеснялся спрашивать о непонятных мне вопросах у приезжих светил. Знание, которое, как известно, не тяжело нести, приходило с упорным самообразованием и в процессе работы с опытными специалистами.

Между тем при директорстве Ю.Б., НИИ стремительно теряло опытных специалистов. Кроме атомной тематики, финансирование было мизерным, закрывались целые отделы и многие увольнялись, переезжали в другие города. Вакантные места занимали географы из местного университета. Это была далеко не равноценная замена. Более того, многие просто не желали вникать в сложную обстановку вокруг площадки АЭС и не желали дальше учиться. Так, один из сотрудников моей группы, некто Володя К., на просьбу построить карту гидроизогипс вокруг ядерного блока, и оценить степень загипсованности пород по керну пробуренных нами скважин, гордо заявил: Я геоморфолог и заниматься этим не буду. Пришлось его срочно уволить. Пригласить нормальных специалистов – геологов было нельзя, все упиралось в жилье. А кто им даст государственную квартиру в южном городе?

Постоянно мотаясь из Щелкино в Энск и обратно, надо было находить время для срочной обработки информации. Но недолго я тешился камералкой. 26 августа раздался звонок из Правительственной комиссии – в Темрюкском заливе заработал подводный вулкан. По этому случаю туда направляется исследовательское судно Керченской морской партии. Коллеги! завопил я в трубку. Срочно звоните в Керчь. Поскольку я отвечаю в комиссии за эти объекты, то должен быть в этом рейсе обязательно. Пусть задержат выход, выезжаю через полчаса. Уже когда бросал в машину рюкзак и пару аквалангов, подбежала взмыленная секретарша директора. Только что звонили в дирекцию. В Керченскую партию не заезжайте. Не теряйте времени. Судно

будет ждать Вас на таком-то причале. Судно действительно ждало на причале с работающим двигателем. И, как только я перебросил вещи на борт, сразу отдало швартовы.

На палубе меня встретил мой старый знакомый, главный геолог партии Николай Вальтер. И тут же потащил в кают-компанию. Она была забита аппаратурой геофизиков, но, все же, место на каком-то ящике нам нашлось. Пили какой-то дрянной портвейн. Диспозицию обследования вулкана составили быстро. Меня с одним сотрудником керченской партии высаживают на остров на шлюпке. Пока там занимаемся замерами, геофизики делают в море несколько сейсмоакустических профилей.

К острову подошли на рассвете. Он оказался уже заселен: на нем пребывал некий Робинзон в плавках. Он ожидал ученых, дабы поведать им все тайны возникновения новой земли. Ладно, излагай свои впечатления, согласился я и достал полевой дневник. Преисполненный важностью момента, Абориген сказал, что прошлой ночью его домик на берегу залива довольно сильно трянуло. Затем со стороны моря послышался какой-то гул, и некоторое время был виден огонь. Но небольшой, метров пять в высоту. Время начала извержения он не знает, так как часов у него нет. Так сколько ты уже сидишь на этом острове? Спросил я. Да почти сутки. Как только земля появилась я сюда и приплыл. А, что за деревня виднеется на берегу? Это не деревня, не на шутку обиделся абориген, а станица и называется Голубицкая.

Пришлось налить ему стакан портвейна. Поблагодарить за преданность науке и отправить восвояси. Рулеткой мы измерили размеры острова. Наибольшая длина составляло 80 метров, ширина 50. К этому времени наступил рассвет, взошло солнце, и тут я увидел, что большую часть острова представляло морское дно, которое выперло на поверхность вместе со всем бентосом – водорослями и живыми ракушками. Сам вулканчик был крошечный, высотой не более 70 см. Вокруг него все было залито жидкой черной грязью. И вымазались мы в ней основательно. Далее, напялив акваланг, я несколько раз обогнул под водой остров. Видимость под водой была отвратительная. Единственное, что я толком разглядел, так это множество небольших грифончиков из которых били струйки метана. Грифончики распо-

лагались не хаотично, а по радиальным линиям, отходящим от жерла вулкана. Видимо, разгрузка газа шла по трещинам, отходящим от так называемого эруптивного аппарата вулкана. Отбрав пробы грунта на химический анализ, мы погрузились с коллегой в шлюпку и подгребли к судну. Оно уже выполнило один профиль и собиралось делать второй. На сейсмограмме четко выделялись крылья диапировой складки. Все было по классике. Десятки подобных сейсмопрофилей я уже видел в Баку. Коллеги собирались позже пробурить вблизи острова несколько неглубоких скважин, что бы заверить сейсмопрофили. Пришли мне эти материалы в Энск, попросил я Вальтера. Поколдую с ними немного, и будет у нас с тобой хорошая статья. Вальтер согласился, но прислал материалы только через год. А еще через год у нас вышла совместная статья в Докладах АН Украины. Между тем с изучением грязевого вулканизма возникали иногда курьезные ситуации. Так одна дама – геофизик, занимающаяся установкой высокоточного магнитометра на Казантипе, однажды заявила в дирекции НИИ. Да, что вы возитесь с этими грязевыми вулканами? Вот я вчера ехала в Энск и вдоль дороги прямо у площадки насчитала их с десятков. Свеженькие, только что появились. Меня немедленно вызвали в дирекцию. Вот тебе машина – немедленно разберись. Появление свежих вулканов в районе АЭС это ЧП. На карте эта дама показала мне, где она видела эти свежие вулканы. Приехав на место, я обнаружил, что за вулканы она приняла кучи бетона, которые самосвалы вывалили прямо у дороги (на всех крупных стройках вполне заурядное явление). Полузастывший бетон образовывал конические холмики, издали напоминающие грязевулканические сопки. Исчерпав запас ненормативной лексики, я посоветовал начальству поменьше верить придурочным геофизическим дамочкам.

В Энке, я тут же взялся за доклад на Международном симпозиуме в Тбилиси. Тезисы и заявку там уже приняли. Осталось подготовить доклад и оформить командировку. Доклад подготовил быстро, но вот с командировкой вышла заминка. Не то, что денег не было – вмешалась начальница первого отдела. Эта холеная и весьма недалекая дама (на языке вертится более грубое слово) заявила, что поскольку я занимаюсь атомной энергетикой, то общаться по причине засекреченности, мне с ино-

странцами запрещено. Неделю уламывал эту тетку, говорил, что у меня самая низкая форма допуска, что, мол, Грузия как никак Советская республика. Но, дама уперлась. Толи я чем-то ей не угодил, толи просто захотелось покуражиться и показать свою власть. Кто их поймет этих КГБешниц? Наконец написал рапорт на имя директора, и ее начальства. Аргументировал тем, что никаких закрытых материалов в ее отделе никогда не брал. Далее инженерная геология и тектоника, поскольку не упоминают о запасах полезных ископаемых – секретным материалом не являются. Тут же добавил, что тезисы и доклад – есть ничто иное, как обобщение уже опубликованных ранее в открытой печати данных. Наконец дал клятвенное обещание избегать с иностранцами разговоров о «мирном атоме», а вещать только об успехах передовой Советской науки. Директор в резолюции на моем рапорте, надо отдать ему должное, дал добро на участие в симпозиуме. На рапорт надо было реагировать – бумага-то официальная. Видимо тетя, презрев гордыню, обратилась к вышестоящему начальству. Опять же, видимо, там ей вправили мозги. В итоге она пошла на попятную и разрешила выдать долгожданное командировочное удостоверение.

Из Тбилисского аэропорта я прямо направился в гостиницу. Зарегистрироваться решил в последний момент, перед открытием. Зная нравы местной публики, и опасаясь встретить знакомых. Добром бы это не кончилось – сразу в гости с возлияниями на всю ночь. Симпозиум, или симпозион на греческом языке означает коллективную пьянку. То, что ее не миновать в солнечной Грузии сомнений не было. Но никак не ожидал, что все начнется еще в номере гостиницы. Номер освобождал какой-то приезжий сибиряк. Он сходу поинтересовался, бывал ли я в Грузии. Сам не знаю, почему ответил отрицательно. Тогда сделаем так, сказал сибиряк. У меня через два часа самолет. То есть, в магазин не успеем. Но я тебе расскажу, где находится эта точка. Туда завезли такое вино - пальчики оближешь. Век меня будешь вспоминать. Сам вот домой прихватил несколько бутылок. Но одну мы разопьем сейчас. У нас в Сибири вино не слишком жалуют – так что попробовать им хватит. И он, мгновенно распаковав чемодан, достал бутылку Киндзмараули. Деваться было некуда. Признаюсь честно, слегка ошалел от такого напора. А

он видимо еще не отошел от грузинских застолий с коллегами. Бутылку мы быстро приговорили. Сибиряк умчался на такси в аэропорт. А я побрел по его наводке в ту самую тоску за вином. Надо же было что-то особенное привезти в Энск из командировки. Дело в том, что Киндзмараули было тогда вином дефицитным. Достать его можно было только по блату. Грузинским блатом я пользоваться опасался. Это с сибиряком можно было отделаться одной бутылкой. А уж местные, сразу взяли бы никак не меньше ящика. Сами они его практически не пили – считалось женское вино. Меня поили бы отменным домашним Кахетинским вином. Но куда бы я поперся с подарочным ящиком?

Симпозиум проходил в лучших Грузинских традициях в прекрасном здании на улице Руставели. Как раз рядом со станцией нового фуникулера. Вечером, естественно, закатили шикарнейший банкет в ресторане гостиницы Иверия. На следующий день с трудом слушал доклады с жутким синхронным переводом. Впрочем, один доклад французского профессора Ф. Оттмана из города Нанта был интересен. По его данным часть субмаринных источников в устье реки Луары успешно каптирована. Однако попытка общения с ним в кулуарах, увы, провалилась. Говорил он только по-французски, а по-английски примерно также как и я, то есть совсем плохо. Кроме того, доклад он делал по материалам частной фирмы, и детали разглашать не имел права. Порадовало меня общение с Питерскими коллегами и друзьями: Сашей Павловым и Колей Табакаевым. На доклады приехали и некоторые киевляне, в том числе Ирина, которая было у меня на практике в бухте Ласпи. Теперь она была уже аспирантка. Жаль только, что все киевляне вынуждены были в тот же день уезжать. Завтра начиналась экскурсионная часть программы, а вот экскурсии то киевлянам не оплатили. Утром к гостинице подкатили автобусы, и мы отправились в путешествие по Грузии. Первая остановка была в Гори.

Маленькое отступление 9. Как известно, Гори - родина Сталина. Сам городишко маленький, но ухоженный. В центре сохранился мемориал. Халупа, в которой родился Коба и жили его родители производила жалкое впечатление. Чтобы она совсем не развалилась, ее поместили под специальный каркас, по-

хожий на оранжерею. Через открытые двери видна была убогая обстановка. Смотреть там явно было не на что. Поэтому войти внутрь никто не пожелал. Зато на Центральной площади города высился гигантский памятник вождю. Понять, почему человек из такой нищеты захотел подняться к вершинам власти можно. Но методы достижения цели оправдать нельзя. В Сталинские времена, грустно сказала экскурсовод, Гори был местом настоящего паломничества. Сюда приезжали тысячи и десятки тысяч людей. А сейчас нет никого. Даже грузины не приезжают.

Выезжая из Гори, мы свернули налево. А прямо, куда идет дорога? Спросил я у сопровождающего нас грузина. Прямо дорога ведет на Цхинвали, ответил он. Всего сорок километров. Но, это не совсем Грузия. Это Осетия. Я запомнил этот ответ, хотя тогда он меня удивил. Я не видел различия между грузинами и осетинами. А сопровождающий видел. Уже тогда это была для него не совсем Грузия, Что ж, теперь это совсем не Грузия. И совсем не Грузией Южная Осетия стала ровно через 20 лет после событий 8.08.2008 года. Двадцать лет спустя это уже совсем другое государство, как, впрочем, и сама Грузия.

В середине дня, нам устроили роскошный обед с шашлыками в какой-то геологической экспедиции. Бутылок вина на столе оставалось так много, что я прихватил парочку в автобус. Любуясь пейзажами центральной Грузии, мы с Сашей не забывали отхлебывать по глоточку. Сразу за перевалами гор окружающих Аджарию открылись многочисленные мандариновые сады. И только поздно вечером мы прибыли в Батуми. Интуристовская гостиница в 14 этажей была расположена прямо на берегу моря. В холле выстроилась длинная очередь на регистрацию и получение ключей от номеров. Я оказался в ней последним, вежливо пропустив вперед иностранцев. Да и куда было спешить. И долго ты собираешься тут стоять? Раздался за спиной знакомый голос. Оборачиваюсь и вижу элегантного главу всего этого симпозиона Гурама Буачидзе. Практически весь симпозиум Гурам не подходил ко мне. Бегло поздоровались, и он сразу окунулся в кучу административных забот. А в Грузии со знакомыми так обращаться не принято. Доктор, профессор,

грузинский академик, обаятельный и интересный собеседник, он был известным человеком в своей стране. Я знал его уже много лет и, более того, знал его отца – ректора Грузинского Политехнического института. Видимо, к концу симпозиума у него появилось время, и он решил со мной пообщаться.

- Ну, надо же зарегистрироваться. А гостей принято пропускать вперед. Так что к утру буду в твоём распоряжении.

- В моём распоряжении ты будешь прямо сейчас. Я уже тебя зарегистрировал. У нас на двоих один номер. Так что пошли, дорогой! И Гурам, подхватив мою сумку, направился к лифту.

Громадная комната с не менее громадной лоджией была на последнем этаже (не то на 20-м, не то на 22-м – не помню). Вид с лоджии на море и вечерний Батуми открывался замечательный. Не менее замечательным и внушительным был роскошно накрытый стол посередине номера. Рассчитан был явно не на двух человек. Перехватив мой взгляд, Гурам сказал

- Правильно думаешь. В ресторан ужинать мы не пойдем. У тебя минут сорок, чтобы привести себя в порядок, пока там внизу кончится регистрация. Потом у нас будут гости. Ты извини, но это председательство на симпозиуме отняло все время, вот только сейчас в конце можно нормально поговорить. Иди в ванную. Горячая вода есть, а я пошел разыскивать приглашенных

Через сорок минут за стол уселись два канадца, француз и очаровательная переводчица. Гурам бегло говорил по-английски, а мне то и дело приходилось прибегать к помощи переводчицы. Проговорили до трех часов ночи. Переводчица все время критиковала произношение Гурама. Пришлось ей внушить, что раз уж здесь собрались не лингвисты, а геологи, то главное, что бы мы понимали друг друга. И мы понимали. В конце ужина Гурам поднял бокал за геологию, за доброжелательность и выразил надежду, что все мы еще не раз встретимся за одним столом. Красиво говорил, уж что-что, а тосты в Грузии говорить умеют.

В восемь утра нас разбудила горничная (чтоб ей пусто было) и пригласила на завтрак. Не выспавшиеся, чертыхаясь, мы кое-как побрились и спустились в холл. На еду даже смотреть после вчерашнего не хотелось. Потом всех нас на автобусах привезли в Батумский дельфинарий, и я первый раз увидел дрес-

сированных дельфинов. Первое представление этих зверей всегда впечатляет. Прямо из дельфинария нас привезли в порт, где уже стоял под парами прогулочный теплоход. Плыть предстояло аж до самого Поти, попутно знакомясь с береговыми процессами и проблемами Абхазского побережья. В салоне был организован легкий фуршет. А обедать предстояло в Поти.

Но до Поти мне доплыть было не суждено. На первой же остановке прямо на причал въехала черная Волга. Из нее вылез Гурам и переводчица. Подхватив меня с двух сторон под руки, эта парочка потащила меня в машину. Для тебя программа сегодня меняется. Ну, зачем тебе нужна эта калоша. Нас ждут местные ребята с молодым вином и шашлыками из молодого барашка. Пусть иностранцы кушают в Потийском ресторане, Уверяю, в Поти готовить совсем не умеют. А вот здесь, батумские повара свое дело знают. Сопротивляться было бесполезно. Шашлык и вино были выше всяких похвал. Но эти шустрые парни к вечеру меня все-таки напоили. Ну, это просто грузинская классика – гостя обязательно надо напоить до изумления. Это у них не писанный закон. Если уйдет на своих ногах – значит, плохо угощали. А это позор для местного застолья. Знал ведь я все эти грузинские штучки. Всячески манкировал выпивкой и все равно не устоял. Как я потом очутился в своем номере и раздетый и в кровати – убейте, не помню.

Однако в шесть утра, после контрастного душа, я уже относительно бодро шагал по тихим улочкам Батуми. Немного постоял у красивого православного храма. Зашел на рынок и купил там кучу экзотической зелени; кинзу, цицмату, тархун, которые в Крыму не продавались. Заодно прихватил бутылку Хвачкары. Вернулся в номер гостиницы, упаковал все эти дары солнечной Аджарии в сумку и вышел на улицу. У входа встретил Гурама. Тот показал мне на одиноко стоящий среди автобусов УАЗик и сказал: «местные ребята прислали специально для тебя. Здорово ты их вчера удивил своим умением пить». Я деликатно промолчал, попрощался с ним и направился к машине. В неё же пытался влезть абсолютно «не просохший» за ночь иркутский коллега Евгений Пиннекер. Юра! Мне сказали, что это твоя машина. Ради Бога подвези в аэропорт. В автобусе мне бу-

дет плохо. Позора не оберешься. Пришлось, хоть с остановками, но подвезти.

Аэропорт был битком набит пассажирами. По метеоусловиям не принимали самолеты Москва, Киев и Ленинград. Но рейс на Энск ушел точно по расписанию. Правда, перед посадкой, еще не совсем отойдя от вчерашнего, я чуть не разбил бутылки с подарочными винами. Потерял красивые Грузинские календари, которые просили привезти коллеги. Но все это были мелочи.

Самолет довольно низко летел вдоль побережья, так что из иллюминатора были хорошо видны все его характерные изгибы. Вот медленно проплыл внизу полуостров Пицунда. Видны были даже роскошные интуристовские отели. Вот остался позади Гагринский залив, с его субмаринными источниками. А весь этот 18-километровый залив я пропахал вдоль и поперек с аквалангом. Вот остался позади Адлер, в аэропорту которого я садился и взлетал десятки раз. Медленно протянулись Большие Сочи, потом промелькнуло Лазоревское, в котором я проработал три полных сезона. Остался позади Геленджик, Новороссийск, Туапсе. Все знакомые до боли города и бухты... Самолет приближался к Керченскому проливу. И все время меня не покидало ощущение, что я вижу их в последний раз. Собственно, так оно и случилось. Наш НИИ не вел никаких исследований на Кавказском побережье, да и во всем этом интересном регионе. Хватало украинской и отчасти российской тематики.

Маленькое отступление 10. Все время этого полета меня не оставляла одна мысль. Ведь я впервые видел этот огромный кусок Черноморского побережья целиком. От Батуми, до Крыма. Но, ведь все эти берега, включая и Крым, и далее вплоть до дельты Дуная принадлежат одной стране. Все они имеют схожие проблемы рекреационного плана, экологии, защиты бе- гов от абразии, водоснабжения приморских населенных пунктов, развития прибрежных оползней и многие другие. И если самой водной толщей всего всей Черноморской впадины в целом занимался Морской гидрофизический институт, флорой и фауной Институт биологии южных морей и АзЧерНИРО, то экзо- генными процессами занимались десятки самых разных научных

и производственных организаций разделенных по территориальному признаку и подчиненности, разным министерствам и ведомствам. Не существовало ни единого центра научных исследований, ни единых методических подходов. Не было даже единой концепции береговых процессов. А ведь длина береговой линии Черного моря превышает 3,5 тысячи километров, и большая ее часть приходится на Советский Союз. Даже серьезные экономические потери никак не влияют на проведение локальных, а тем более региональных исследований. Хотя один только экстремальный шторм, прошедший в январе 1969 года, причинил убытки курортной зоне Пицунды в десятки миллионов рублей. А кто считал, во сколько обходится ежегодное восстановление пляжей у крупных курортных комплексов? А кто подсчитывал убытки от неграмотно построенных берегозащитных сооружений? В общем, что имеем - не храним и, к сожалению, потерявши - не сильно расстраиваемся. Страна то огромная и хоть порядка в ней нет, да и отродясь не было, на наш век всего хватит.

Еще меня угнетало то, что так и не удалось (и видимо уже не удастся) организовать фундаментальные исследования уникальной природной границы трех земных оболочек: литосферы, гидросферы и атмосферы – уреза. Он (урез) постоянно менял свое положение. То при длительных наступлениях моря на сушу, то при отступлении, то при тектонических процессах связанных с поднятием и опусканием участков земной коры. На эти длительные периоды изменений накладывались краткосрочные: краткие климатические изменения, штормовые нагоны и сгоны, сейши. А в целом эти процессы формировали облик всех морских побережий.

Снова в Энске. В своей рабочей комнате застаю совершенно невероятного гражданина. Он энергичен, говорлив и яростно настроен против всех - властей любых рангов, атомщиков и почему-то евреев. Последних он считал виновниками всех бед, в том числе аварии на ЧАЭС. Переубедить его было невозможно, так как никаких аргументов против своей шизофренической идеи не воспринимал. Оказался этот тип кинорежиссером какой-то Киевской киностудии. И решил он снять фильм под названи-

ем «АЭС на вулкане». Поскольку из всей нашей ученой братии я оказался «главным по тарелочкам», то был обречен сыграть в фильме свою роль. Ему нужно было срочно вывезти меня как специалиста на грязевой вулкан, чтобы я с его вершины поведал публике об ужасах этого грозного явления природы. Начальства вроде не возражало. Но я поставил режиссеру условие – убрать из сценария все антисемитские выпады.

- Ты загубишь основную идею фильма! - Убеждал я его. Нельзя смешивать свои убеждения, науку и народное недовольство строительством КАЭС. Крымчане тебя не поймут. Ядерное излучение одинаково действует на людей любой национальности. Черносотенские лозунги здесь не проходят. Далее, взяв фломастер, я вымарал из сценария все его антисемитские выпады. Сказал: Это мое окончательное решение. Мужик вынужден был согласиться.

Для съемок он пригнал в Энск специально оборудованный автобус, набитый всякой киношной техникой. В начале, он до тошно снимал реакторное здание, потом пикеты местных жителей и шествие с черным гробом, на котором было написано КАЭС. Потом мы поехали в Керчь, переправились на пароме в Краснодарский Край и добрались до станицы Голубицкой.

По дороге я обратил внимание на одно обстоятельство. Горбачевская война с алкоголизмом уже сильно отразилось на виноградниках. Тому немало способствовал приезд в Крым Егора Лигачева, приказавшего вырубать даже те плантации, где выращивался виноград для изготовления уникального вина «Мускат белый Красного камня». Если в этом вине есть градусы – виноградник надо уничтожить. А ведь это была гордость не только Крыма, но и всей страны. На конкурсной дегустации в Париже, председательствующий сказал: « Господа! Я не знаю, какой стране принадлежит это вино, но его надо пить стоя!». Естественно, была золотая медаль конкурса (и не одна) и мировая слава. А вот после нападок Лигачева, главный винодел Массандры повесился. Так-то вот. И Крымские виноградники в тот год представляли собой жалкий вид: поваленные бетонные столбики, порванная проволока, упавшие на землю лозы. Но как только мы пересекли Керченский пролив - глазам своим не поверил. По обе стороны от шоссе, до самого горизонта тянулись идеально

ровные, тщательно побеленные столбики. Виноград был тщательно подвязан, ни один кустик не срублен, ухожен – словом идеальный порядок. Толи Горбачевские прихвостни сюда не добрались, толи знаменитая фирма «Абрау Дюрсо» сумела отстоять свои позиции – не знаю. Но контраст был разительный.

В Голубицкой помощник режиссера мгновенно нашел лодку с гребцами, погрузил съемочную аппаратуру и мы отбыли на остров. Грязи на нем заметно поприбавилось. Ноги уходили в нее по колено. Мне пришлось снять туфли и закатать джинсы. В таком виде, найдя более-менее твердую кочку, я простер над островом правую длань и стал бодро вещать о его ужасном происхождении. Сделали несколько дублей, причем пришлось все время просить оператора, что бы в кадр не попали мои грязные ноги и закатанные джинсы. Сам он измазался с ног до головы, но съемку провел быстро и грамотно. Через полгода 20-минутный фильм смонтировали: увидел себя на экране самого крупного кинотеатра Энска. Оператор не сплеховал. Вид у меня был вполне пристойный и киноголичный. Вообще, странно видеть себя на большом экране и слышать свой голос. Естественно, на этот сеанс явились все родственники и знакомые. Правда фильм получился слишком политизированный, публицистичный и навороченный. Как он там прошел в прокате, кто за него платил, не знаю. И отзывов о нем практически не было слышно.

Все материалы исследований по площадке КАЭС были переданы в Межведомственный совет по сейсмологии и сейсмостойкому строительству (МСССС) при АН СССР. В их число входило 5 отчетов личных и с моим участием (написанных всего за два неполных года). Эта межведомственная организация не подчинялась никакому ведомству и была надежда на объективное рассмотрение вопроса. Бюро МСССС рассматривало их два раза: первый 20 сентября и второй, 22 сентября 1988 года. Наконец состоялось расширенное заседание рабочей группы Совета по оценке сейсмической опасности особо ответственных объектов. Это заседание прошло 15-16 ноября 1988 года в городе Черноголовка Московской области. В нем приняли участие 120 специалистов, представляющих 48 организаций различных ведомств.

Что представляет собой Черноголовка? Это научный городок типа Дубны. С десятков крупных НИИ АН СССР, жилые дома для сотрудников, кафе, клуб. Уютные гостиницы. Все новое, Много зелени. Чистые прямые улицы. Нечто вроде Советской силиконовой долины. Заседание проходило в каком-то помпезном здании с роскошным вестибюлем. На втором этаже располагался весьма вместительный конференц-зал, где все мы и собрались. Естественно самая большая и самая заинтересованная делегация была из Украины. Представителям каждой из рабочих групп Правительственной комиссии предложили сделать короткие доклады по существу вопроса. По проблемам грязевого вулканизма и диапиризма доклады доверили мне. Причем в первый день и в самом начале заседания.

Доклад, видимо, получился удачным. Кое-кто из Украинской делегации даже похлопал (что, в общем-то, было неприято). А академик Анатолий Васильевич Чекунов (Академик-секретарь отделения наук о Земле, директор института Физики Земли и прочая) встал и громко на весь зал заявил. Вот одного этого доклада достаточно, что бы принять решение о закрытии КАЭС. Ну, академики многое могут себе позволить, не то, что мы смертные. Дебаты по моему вопросу были короткими – видимо материал был слишком очевиден. Или потому, что основные оппоненты еще не разогрелись по-настоящему. Академик Велихов невозмутимо продолжил заседание.

Чем дальше, тем дискуссии становились все более напряженными. Например, возникли претензии к инженерно-геологическим условиям строительства. Дело в том, что по СНиПу уровень грунтовых вод под зданием реактора должен быть не ниже 10 метров от поверхности земли. Однако в результате технологических утечек (обычное разгильдяйство строителей) он стал на 5-7 метров выше (что четко установили мои геохимические скважины). Гидрогеологи доказывали, что при растворении гипсов, коих в верхней части разреза было в избытке, сдвинуть уровень грунтовых вод до требуемой отметки уже не удастся. В доказательство приводились многоэтажные системы дифференциальных уравнений фильтрации, в которые никто из геологов и не думал вникать. А гидрогеологи грозили просадками грунта, перекосом фундамента здания реактора и

прочими бедами. Эмоции в зале зашкаливали. Они продолжались и в кулуарах, в курительной комнате и даже в сортире.

Оппоненты продолжали яростно нападать друг на друга и в гостинице, собираясь, то в одном, то в другом номере. О том, что бы поспать не было и речи. Но самым печальным был факт полного отсутствия спиртного. Проклятые горбачевские меры борьбы с пьянством полностью исключили завоз горючего в научные городки. Не избежала этой участи и Черноголовка. Вроде ученая братия должна подавать пример трезвости и, в отличие от простых работяг, вообще не должна брать в рот спиртного. В эту ночь, единственное, что объединяло непримиримых врагов – так это ненависть к Мише Горбачеву. Если бы он слышал, как его поносила ученая братия, то просто рехнулся.

На следующий день самые бурные споры кипели вокруг сейсмичности. Вопрос был принципиальным, так как все строительство было рассчитано на максимальную сотрясаемость 7 баллов. А побывавшие в Крыму сейсмологи доказывали, что старое сейсморайонирование ошибочно и площадка попадает в зону девятибалльных землетрясений. Представители Минатом-энерго стояли насмерть. Против активно возражал и В.И. Бунэ, соредактор Карты сейсмического районирования территории СССР, издания 1978 года, Кому охота признавать свои ошибки. Однако помимо весомых и вполне грамотных и обоснованных аргументов о повышении сейсмичности района на два балла, на сейсмологов, по-моему, давил и призрак второго Чернобыля. Причастными ко второй подобной катастрофе они никак не хотели быть даже одним боком. Яростно споря в курилке, один из атомщиков (В.В. Степанов) ткнул в мою сторону сигаретой. Вот он, в отличие от Вас коллеги ничего не передергивал. Доложил фактаж. И ухитрился единственным из всех нас не запачкаться. Учитесь!

Признаюсь, этот комплимент меня удивил. Мы с этим Степановым только что морду друг другу не били. Спорили до хрипоты и я считал его непримиримым врагом. Тем ценнее для меня было это мнение. Тем более что именно я стоял у самых истоков этой заварухи. Такое публичное признание от оппонента я ценю выше всяких орденов и медалей. Кстати от своего начальства я

даже простой благодарности за эту сумасшедшую работу не получил.

Вопрос с сейсмичностью, в конце концов, решили простым голосованием. За 9-и балльную оценку проголосовало 17 членов совета, против - 2 атомщика и один воздержался (к моему удивлению мой хороший знакомый Андрей Алексеевич Никонов). В числе других рекомендаций Бюро МСССС считает необходимым для уточнения сейсмических и тектонических условий Восточного Крыма в течение 2-3 лет провести комплекс дополнительных исследований. Это давало дополнительные возможности получения финансирования для нашего НИИ.

В тот же вечер, не помню уж на чем, мы с сотрудником моей группы Сашей Еной добрались до Москвы и взяли билеты на поезд до Энска. Саша! Взмолился я. Мне еще надо заехать к брату. А ты, гуляя по столице, где хочешь, но раздобудь бутылку коньяка. По-моему нашу победу стоит немедленно отметить. Саша не без приключений, но просьбу выполнил

В купе мы планировали не спеша обсудить все баталии в Черноголовке за рюмкой этого благородного напитка. И надо же так случится, что в купе с нами оказался сильно нагловатый и туповатый мужичок. Он сходу заявил, что хочет выпить с нами эту бутылку. Причем вторую гарантирует достать в ресторане, когда тот откроется. Бутылку он, конечно, достал, но поездку нам испортил начисто. Говорить и пить с ним было не о чем. А его хамские замашки портили настроение и раздражали всю дорогу.

14. КОНЕЦ ФОРСАЖА

Мы все понимали, что решение МСССС не имеет законодательного характера. Закрывать или перепрофилировать КАЭС можно только при соответствующем решении Совета министров СССР и никак иначе. Нужно было подготовить еще кое-какие документы. Об этом мне сообщило начальство по прибытии в Энск. Надо было срочно лететь в Баку и добиться от Азербайджанской Академии наук мотивированного одобрения результатов наших работ, со ссылкой на решение о закрытии Азербайджанской площадки. Делать нечего, помчался в аэропорт за билетом. Прилетев в Баку, я попал в самую заваруху Азербайджанской революции. На улицах стояли танки. В Академгородке все институты не работали. Сотрудники их собирались в колонны, готовясь идти на демонстрации. Вот тут-то мне помогли старые знакомства с местными учеными. Для начала я отыскал ученого секретаря. Объяснил ему ситуацию. Затем он пошел по колоннам, вылавливая членов научного совета. И надо сказать, собрал всех. Мне дали выступить. Вначале доклада, следуя восточной вежливости, пришлось долго извиняться за внеплановый приезд. За то, что пришлось оторвать их от политических акций. Но ведь это коллеги наша общая беда. Коротко изложил результаты исследований по КАЭС и суть решений МСССС. Меня выслушали очень доброжелательно. Понимали аргументы буквально с полуслова. В течение часа составили нужную мне бумагу. Правда, за печатью пришлось съездить на квартиру директора института. В условиях бунта он предпочитал хранить ее дома. В сложившихся условиях я сделал невозможное. И конечно был тронут поддержкой коллег. В тот же день, поздно вечером удалось улететь из Баку. О том, чего мне это стоило, можно было снять кошмарный триллер.—Уже утром серый от усталости и бессонной ночи вручил Заключение Азербайджанской Академии наук зам. директора. Он же в ответ просто кивнул. Будто я привез ее не из бурлящего и стреляющего Баку (об этом тогда трубила и вся пресса и телевидение, с жуткими репортажами и о Баку и о резне в Сумгаите), а из санатория на ЮБК. А для меня это оказался к счастью последний аккорд из форсажа.

Этой осенью мне еще пришлось смотаться в Ленинград. Там показать рукопись диссертации крупному гидрогеологу и моему другу Алексею Ивановичу Короткову. Я сам не знал, что у меня получилось, и попросил его дать оценку работе. Через пару дней он позвонил мне и без предисловий сказал: это докторская. Можешь печатать начисто и подавать в совет. Вернулся в Энск и за отдельную мзду отдал рукопись на перепечатку нашей лучшей машинистке Любе. Компьютеров тогда еще в институте не было, и никто из сотрудников о них даже не мечтал. Затем все 405 страниц машинописи отнес в нашу переплетную мастерскую. Все вроде бы складывалось как надо. А в конце декабря мне пришлось защитить еще два отчета по КАЭС. Один в Киеве, и один на нашем ученом совете в НИИ Энска.

Неожиданно появились трудности с прохождением диссертации по инстанциям. Первой такой ступенькой был отдел НИИ. Сам зав. отделом был еще кандидатом наук, и выпускать меня на защиту, раньше, чем защитится он, не входило в его планы. Видимо, опасался конкуренции и боялся за свое кресло. Уверения, что я на его место не претендую, не помогли. Он отдал читать мою работу сотрудникам отдела с приказанием ознакомиться с ней абсолютно всем, включая инженеров, техников и лаборантов. Для большинства это было сущее наказание – осилить 400 страниц весьма специфичного текста, да еще сформулировать свое мнение. В отделе работало более двадцати человек, и вся процедура с чтением грозила затянуться надолго.

Тем временем зав. отделом повез свою диссертацию в Москву на защиту. Там на защите его с треском провалили. Причем сделали это как-то странно. На самой защите никто толком против и не выступал. Отзывы, в том числе от официальных оппонентов были положительные. А вот тайное голосование было явно, с большим отрывом не в пользу соискателя. Это была явная подстава, возможно даже не ему, а председателю совета, который его поддерживал. По правилам он мог снять работу с защиты до поступления в Высшую аттестационную комиссию. Соискатель помчался в ВАК с вопросом, что же ему делать. Есть два варианта, сказали ему чиновники. Или вы снимаете работу с рассмотрения, и тогда можете защищать ее, не переделывая, с тем же названием, но на любом другом совете. Или, тут чинов-

ники делали паузу, можете подавать в суд на совет. Зав. вернулся из Москвы как оплеванный. Конечно, он снял работу с защиты, ибо судится с ученым советом, по меньшей мере - выставить себя на посмешище, без малейших шансов выиграть процесс. Кроме того он понимал, сто если такой беспрецедентный суд состоится, ни один Ученый совет в Союзе его работу к защите не допустит. Настроения эта поездка ему явно не прибавила. Кроме того, ожидать благожелательного отношения к своей работе больше не приходилось. Забегая вперед, скажу, что мурыжил он меня, таким образом, три года.

Сложившиеся обстоятельства вынудили пойти другим путем: еще раз съездил в Ленинград и прошел там предзащиту. При подготовке рукописи огромную помощь оказала Татьяна Николаевна Юровская. Мало того, что она классный специалист гидролог и прекрасно (куда лучше меня) разбирается в математике. Она, еще обладая прекрасным почерком, аккуратно вписала многочисленные формулы в машинописный текст. Это было надо делать вручную, черной тушью – труд каторжный. За эту доброжелательную и бескорыстную помощь благодарен ей безмерно.

С бумагой о положительной предзащите в Ленинграде, я дождался момента, когда Директор и Зав. отделом были в командировке, вынес обсуждение работы прямо на большой Ученый совет НИИ. Председательствовал на совете один из замов директора, неплохо ко мне относящийся. И через пару часов я получил выписку из протокола с печатью, дающую мне право подавать диссертацию в любой ученый совет.

Первая половина дела была сделана. Осталась самая малая часть – надо было защитить работу на спецсовете. Думается ни одна докторская диссертация не проходила гладко. Вот и мой будущий официальный оппонент В. Саломатин столкнулся с трудностью такого рода – ни один совет не принимал к защите его работу. Он, бедняга, ходил понурый, как в воду опущенный. Заешь что коллега, сказал я ему. Езжай-ка ты в Ленинград. Там во главе совета Горного института сейчас действует Валерий Давидович Ломтадзе. Не так давно он в моем присутствии жаловался на отсутствие в инженерной геологии новаторских работ. То, что для других советов минус, для него плюс. Кое-кого из

членов ученого совета я знаю. Попробую позвонить в Питер и тебя встретят как надо. Саломатин отправился в Ленинград и через год успешно защитился.

Что бы получить высшую ученую степень, мало было написать хорошую работу. Надо еще не нажить врагов среди именитых коллег, пробить лбом препону в родной конторе, потом найти подходящий спецсовет для защиты и не ошибиться при выборе оппонентов. Плюс к этому преодолеть массу других, порой самых неожиданных препятствий. При всем при том, в отраслевых институтах тогда не существовало докторантуры. На написание работы тратились выходные дни и отпуска. Лично мне не дали на написание работы ни одного свободного дня. В академических институтах докторантура существовала, но не для всех. Получить оплачиваемый отпуск на её завершение (то есть, когда более двух третей ее уже было написано, но еще масса времени требовалась на оформление) удавалось только избранным, а чаще всего приближенным к начальству.

Обычно, соискателю начальником в НИИ ставилось такое условие. Напиши работу сначала мне, потом помоги защититься. А уж потом я не буду мешать твоей защите. При таком раскладе на докторскую пахал целый отдел, а то и весь институт. Простым смертным диссертация давалась обильным потом и кровью. Большею частью завистливые, бездарные и ленивые коллеги им не только не помогали, но и всячески мешали. Как говорили древние римляне «Per aspera ad astra» (через тернии - к звездам).

15. СНИЖЕНИЕ. ПОЛЕТ В ТУМАНЕ

На основании материалов представленных МСССС, Правительственная комиссия при СМ СССР большинством голосов приняла постановление, среди прочих пунктов в котором предписывалось провести дополнительные исследования по уточнению сейсмичности и влиянию современного диапиризма с оценкой эффекта его воздействия на сооружения КАЭС. Поэтому, с весны 1989 года пришлось вплотную заняться изучением этого вопроса на Керченском полуострове, а часть своей группы направить Н. Вальтеру в помощь Керченской морской партии по детальному исследованию грязевого вулкана Голубицкий в Темрюкском заливе.

В начале лета получаю из Киева неожиданный письменный приказ из Мингео Украины, подкрепленный письмом от Академии наук дать краткое заключение о геологических условиях промплощадки Одесской АЭС. Делать нечего, приказы надо выполнять. Мы с Геной снарядили ГАЗ-66. В кузов-фургон посадили двух детишек – мою дочь и Сашу Л. (ныне покойного сына моего зав. отделом), слегка неадекватного Витюнчика и отбыли в жемчужину у моря.

Жара уже стояла приличная. По дороге мы остановились у павильончика торгующего пивом. Пиво оказалось темным с маркой «Мартовское», которое уже несколько лет в продаже не появлялось. Конечно купили. Часть выпили на стоянке за обедом, а несколько бутылок закинули в фургон. Рассчитывали полакомиться вечером. В Одессе мы долго искали, где можно остановиться и, наконец, решили устроиться в пригороде, как нам сказали аборигены, местном курорте «Черноморка». Там среди пансионатов и дач мы с великим трудом нашли подходящую площадку и, наконец, забазировались. Первым делом я полез в фургон искать заначенное пиво. Его, увы, не было. Оказывается дорогой наши детишки (в прочем уже почти взрослые), это пиво оприходовали. Сначала, с ехидством наблюдали за моими безуспешными поисками, а потом, видя, что начальник начинает сатанеть признались.

Все Гена, с пивом полный облом. Эта молодежь нас совсем не уважает. И лупить ее все равно бесполезно – пива-то нет. Пойдем-ка мы с тобой, хоть пот смоем. Море то вот оно рядом, спуститься только с обрыва. Спустились. Небольшой пляжик весь забит одесситами. Но как они в этом самом синем море купаются, я не понял. Вода у берега грязная. Прямо на поверхности плавают фекалии. Большие такие и вонючие. Стало ясно, что замечательный одесский курорт «Черноморка» очистных сооружений не имеет, А все неочищенные стоки сбрасывает прямо в море. Ветерок же все эти экскременты тут же выносит на пляж. У меня сразу пропала охота купаться в этой выгребной яме. И кто же это интересно ездит отдыхать на одесские курорты? Детишки, правда, отошли подальше, метров на 500 и все же окунулись. После этого они, наконец, обрели некоторую резвость и в сотне метров от нашей стоянки нашли в каком-то пансионате душ. В пансионат надо было проникать через дырку в проволочном заборе. Дети и худой Гена юркнули в эту дырку как в родную норку. А я застрял, да так, что слегка поцарапал трудовой мозоль, который отрастил для солидности. Надо же было мне, как начальнику отряда, хоть чем-то отличаться от подчиненных внешне.

С утра мы тронулись в Энергодар – поселок строителей Одесской АЭС. Неплохой такой городок, чистенький, даже приятнее чем Щекино. Все при нем и кафе, и детский садик и школа и даже библиотека. Наконец-то у нас стали строить нормальное жилье, а уж потом промышленный объект. Это не то, что бараки и балки ВиллюйГэсСтроя со всеми удобствами на улице. Неужели временам дикихстроек прошли? Проехали еще километра четыре и вот она промплощадка Одесской АЭС.

У первого встречного спросили, как найти геологов. У вагончика меня встретил хмурый мужик, представившийся начальником геологического отдела АЭС. То, что он рассказал, повергло меня в шок. Если крымская площадка, хоть формально, но выбиралась, то в Одессе был полный произвол. По его словам, приехал в подходящий, по его мнению, район первый секретарь обкома, ткнул пальцем и изрек: “Здесь будет город заложен! А здесь будут стоять энергоблоки!” - Вроде, как Петр пер-

вый из поэмы Александра Пушкина «Медный всадник». Так это было или нет, но слова одессита проверить было невозможно.

Очевидно одно: Петр то наш первый был далеко не дурак, а вот первый секретарь, изображавший из себя Императора, явно годился в пациенты дурдома. Жаль, что он туда не попал: там ведь и Наполеоны встречаются и пролетарские вожди и инопланетяне. Ладно, городок Энергодар построили неплохой. Но вот с сооружениями самой АЭС вышел полный конфуз.

Одессит показал мне кернохранилище. Вот это породы под первым блоком. Это под вторым. Я посмотрел и увидел обломки ракушняка. Собственно это был даже не ракушняк, а разваливающаяся в пальцах биогенная масса – так называемый рыхляк, вдобавок обводненный. И что, на этом основании хотят построить здание реактора? Да ведь там давление на грунт энергоблока доходит до 10 кг на квадратный сантиметр! На этом рыхляке даже сарай нельзя строить. Того, кто это затеял надо срочно либо в психушку везти, либо в Магадан. Одессит грустно кивнул. Мы-то понимаем, но ведь приказали оттуда, и он ткнул пальцем в небо.

Далее он показал мне все проектные документы. Помимо полного геологического безобразия с породами, на которых хотели ставить фундамент, выяснилось, что блоки размещены в 2-х км от единственного водоема, водозабор которого обеспечивает пресной водой весь город. Любая нештатная ситуация на блоке, плевый выброс радионуклидов и все водоснабжение города накрывается медным тазом. Как говорится «Чернобыль в этом случае просто отдыхает».

Дорогой коллега! Сказал я одесситу. Тут все ясно. Хоть ваш покорный слуга и не великий специалист, но требования МАГАТЕ к выбору площадок выучил наизусть. Ситуация мне полностью понятна. Больше и смотреть ничего не буду – нечего здесь смотреть. Тут бы не геологу поработать, а прокурору. Еще лучше психиатру. Городок Энергодар у Вас получился прекрасный. Жилье Вам пригодится. Но об энергии мирного атома придется забыть. Слава Богу, реакторные здания еще не начали строить. Только котлованы успели отрыть под фундамент. Но это мелочь. У нас в Крыму оно уже полностью возведено. Только реактор осталось воткнуть. Надеюсь, теперь не воткнут – уже

было решение МСССС. У Вас все должно пройти проще. Заключение я, конечно, напишу соответствующее. А ты, братан, не теряя времени, подыскивай себе другую работу. Особенно при- скорбный факт – близость к водозабору. Знаешь во время войны город- герой Одесса доблестно сопротивлялась врагу до тех пор, пока немцы (а может и румыны) не перекрыли этот единственный источник водоснабжения города. И все! Через три дня город герой сдался. Без мирного атома одесситы проживут вполне. А вот без пресной воды – нет. Ну, максимум три дня. Проверено. Многократно.

Точно также, после многодневной осады, князю Владимиру сдался Херсонес Таврический. Самого Владимира после этого подвига (плюс свадьбы с Византийской принцессой - христианкой) возвели в ранг святых. А Русь приняла христианство. Вот не было бы предателя в Херсонесе, открывшему князю секрет водоснабжения, так бы остались все славяне язычниками. Князь преспокойно женился бы на славянской девушке. И может быть к лучшему. Дикари-язычники АЭС не строили и даже не собирались. Вот какие глобальные последствия может иметь разрушение водопровода.

После этого мы полдня посвятили достопримечательностям Одессы. Надо же было показать его детишкам. Красивый город. Прошлись по знаменитой Дерибасовской. Посмотрели на не менее знаменитую лестницу, фигурирующую в фильме «Броненосец Потемкин», памятник Дюку Ришелье, здание оперного театра. Я даже показал им одесский Пассаж, такой маленький и уютный. Очень похожий на Энский, сожженный во время войны. И мы даже успели сходить в кино. Хотя, что смотрели, сейчас и не вспомню. Вместо этого я мог бы сводить их в пивную «Гамбринус», столь красочно описанную моим любимым писателем Куприным. Но, помня про мартовское пиво, выпитое ими, решил воздержаться от спаивания молодежи.

Из Энска мы опять направились на Керченский полуостров завершать обследование по КАЭС. На этот раз решили посмотреть район горы Опук. Компания подобралась большая: Валентин с аквалангами, моя дочь, дети зав. отделом и минералог доктор г.-м. наук Юрий Александрович Полканов. Пляж, примыкающий к западной части горы Опук сплошь сложен биогенным

материалом. В основном обломками раковин рапан. Откуда их там такое количество – непонятно, ибо под водой я не увидел ни одной. В этот раз внимательно осмотрели раскопы археологов древнегреческого города Киммерик.

Удивили меня две вещи. 1. Своеобразная антисейсмическая защита фундаментов древних строений. Значит, древние греки считали этот район высоко сейсмичным и заранее предпринимали меры против обрушения своих домов. То есть, еще один аргумент в пользу изменения старой карты сейсморайонирования. 2. Обилие раковин мидий в раскопе. Видимо, мидии составляли заметную часть меню древнего народа. И мидии явно были местными – не везли же этот скоропортящийся продукт издалека.

Сразу возникла идея сравнить химический состав археологического материала с современными образцами. Как потом показали анализы, за двадцать веков в раковинах современных мидий значительно увеличилась концентрация некоторых тяжелых металлов. Так мы нашли некий экологический эталон современного загрязнения прибрежных вод. Попутно со сбором мидиевого материала я обследовал выходы на дне спонтанного газа. Как показали позже результаты химических анализов – чистого метана. Еще нас удивил черный налет на глыбах светлого известняка у уреза. Дотошный Полканов в лаборатории определил, что это всего лишь арагонит.

Маленькое отступление 11. Мясо мидий считается деликатесом. Их даже выращивают в специальных садках. Но поскольку мидии организмы – фильтраторы, то есть добывают себе пропитание, фильтруя морскую воду, то употребляемые в пищу организмы должны выращиваться в чистой воде. В противном случае в их тканях накапливаются многие токсические вещества. Непонятно почему, помимо одиннадцати тяжелых металлов играющих важную роль в функционировании ферментов, мидии накапливают и металлы, обладающие высокой токсичностью – ртуть, кадмий, свинец, положительные биологические реакции, которых неизвестны.

Учитывая свойства этих моллюсков, с целью контроля над загрязнением окружающей среды, неоднократно предпринимались попытки создания у северо-западных берегов Европы ми-

диевого мониторинга. При этом проводились только массовые химические анализы тканей моллюсков. Однако при смене течений, приливах и отливах, когда мидии оказываются в чистой воде, в их организмах срабатывает механизм самовыведения токсических веществ. Периоды же самовыведения определяются с очень большой погрешностью. Последнее ставит под сомнение целесообразность мидиевого мониторинга. Токсические элементы, попавшие в раковины моллюсков, сохраняют свои концентрации. Предложенные нами сравнения с археологическими эталонами приобретают особый смысл при дальнейшем развитии морской экологии. К этому хочу добавить, что подобные «плодотворные идеи» появляются в научных исследованиях не так часто и совершенно случайно.

За несколько дней стоянки поплавать с аквалангом удалось всем. Не смогли «макнуть» только Юрия Александровича. Он до этого никогда не плавал в комплекте №1 и поэтому изрядно нахлебался морской воды. Зато потом мы с ним потом оторвался на другой жидкости. Во вьючнике случайно обнаружилась пачка плиточного чая. Тут же у нас с Юрием Александровичем возникла идея приготовить Калмыцкий чай. Такой напиток состоит из крепко заваренного плиточного чая, в который добавляется молоко, сливочное масло и соль. Все эти ингредиенты у нас были, и напиток получился на славу. Мы с ним вспомнили молодость. Я последний раз пил такой чай тридцать лет назад, будучи еще студентом на практике в Нижнем Новгороде. А он - примерно тогда же будучи в экспедиции в Калмыкии. Кроме нас этот сытный напиток никому не понравился. Современная молодежь такой экзотики не понимала.

Маленькое отступление 12. *Случайно попадая в полевой отряд, люди ведут себя по-разному. Одни стараются чем-то помочь в работе, другие считают, что они на курорте. Так, как курортники, повели себя дети моего зав. отделом. Ребята они были неплохие, студенты-медики, но в хозяйственных делах не желали принимать никакого участия. Тут блеснула полевой за-калкой Алиса. Она не только готовила завтраки обеды и ужины на членов отряда, но и на «гостей».*

Забавно повел себя Юрий Александрович. Он не только не ломился со своей миской к раздаче, а скромно сидел в стороне, ожидая, что и ему что-то достанется. Когда Алиса случайно сыпанула в суп слишком много вермишели, и получилось что-то вроде каши, один Юрий Александрович вежливо похвалил варево, сказав Алисе – какое вкусное у Вас получилось вермишельное пюре.

Точно так получил урок интеллигентности и рафинированной вежливости сын моего друга Сережа Юдин. Он попал в полевой отряд элиты Московского Университета, профессоров и доцентов, которые общались между собой на совершенно другом уровне. Такой уровень не встретишь в обычных полевых отрядах, где тон общения задают работяги и бичи. В результате, Сергей вернулся из маленькой экспедиции совершенно другим человеком.

В конце октября 1989 г вышло постановление Совета Министров СССР, согласно которому Крымская АЭС должна было быть реформирована в научно-инженерный центр и учебно-тренировочный комплекс по подготовке персонала атомных станций. Потом появились идеи переоборудования станции в ТЭС на природном газе. Но ни того ни другого не случилось.

Страна катилась в пропасть. Денег не хватало ни на что. Еще бы, если раньше бюджет страны чуть не наполовину пополнялся за счет продажи алкоголя, то теперь этого не было. Расцветало подпольное самогонование. Из-под полы продавалась паленая водка. Предприимчивые дельцы наживали на этом миллиарды – те, которые шли мимо бюджета. Резко ухудшилось снабжение продуктами питания. Появилась бешеная инфляция. Оборудование строящейся КАЭС начали разворовывать.

В этой ситуации НИИ выбирало остатки атомного финансирования. В 1990 году моя группа защитила три отчета общим объемом около 600 страниц машинописи. Направление исследований носило в основном экологический характер. Странное дело, что когда в магазинах полки стали пустыми, начальство озаботилось экологической безопасностью. Сотрудники НИИ спешно искали другую работу, их общее число в институте в 1990 году сократилось до 337 человек. Ученый совет по чис-

ленности сократился вдвое. Как следствие, многие ведущие научные сотрудники, в том числе и я, получили отдельные кабинеты.

В конце лета пришла телеграмму из Мингеологии (Киев). Мне предписывалось срочно заняться выяснением причин гибели четырех шахтеров в городе Горловка. По предварительным данным от какой-то ядовитой субстанции, проникшей в забой сверху. Начальство считало, что для этого надо использовать газохимические методы, новейшая модификация которых разрабатывалась при исследованиях на Крымской АЭС. Геологическое управление и тематическая экспедиция, которые должны были финансировать эти работы, располагались в Артемовске.

Делать нечего, приказ есть приказ. Надо было отправляться в Артемовск. Причем добираться туда из Энска крайне неудобно. Нужна пересадка в Донецке. А далее либо автобусом, либо поездом. Изучив расписание, выбрал поезд и ранним утром оказался в Артемовске. В солидном сером здании Геологического управления меня встретили не приветливо. Мол, кто ты такой, у нас своих специалистов хватает. На другом этаже, где помещалась экспедиция, повторилось тоже самое. Понять их было можно – денег им самим не хватало. А тут еще надо платить варягам. Пришлось, показал им киевскую телеграмму и попросить через час собрать заинтересованных лиц и специалистов в любом удобном помещении, а самому отправился в ближайшее кафе позавтракать, ибо почти сутки в этой долбанной дороге с пересадкой ничего не ел. Кафе оказалось маленьким и уютным. Отличное кофе и свежая выпечка повысили настроение. Не помещала бы и рюмочка, да где ж ее в безалкогольные времена найдешь.

Через час, в переполненном кабинете, набитом солидными по возрасту и должностям сотрудниками я держал примерно такую речь:

- В работах по поставленной теме на территории Донбасса НИИ вовсе не заинтересован. И не будь у меня на руках телеграммы с подписью замминистра, ни за что не стал бы отрывать вас от работы и тратить Ваше драгоценное время. Что касается методики газохимических исследований, то она отработана на промплощадке Крымской АЭС, получила одобрение Министер-

ства Геологии СССР и даже представлена на министерскую премию. Если вы считаете, что применение ее в данном случае излишне и все можете исследовать сами, привлекая своих специалистов, то мне остается с радостью отбыть в свой родной Энгс. Но с одним непременным условием - мотивированным письмом- отказом на имя замминистра.

Через пару часов мы подписали с местным начальством договор о выполнении работ и рабочую программу исследований. К концу следующего года я должен был представить им законченный и оформленный отчет, а копию его отослать в Киев. Все остальные сопутствующие бумажки: смету, обоснование работ и прочее пообещал выслать через неделю в их адрес почтой. Итак, финансирование моей группы на этот и следующий год было обеспечено.

16. ДОНБАСС

Добирались мы до Горловки медленно и нудно. ГАЗ-66 тащил на жестком прицепе за собой Уазик с буровой остановкой. Ехали каким-то диким зигзагом через Бердянск, Мариуполь, Донецк. И если первый донбасский город Донецк производил впечатление нормального города, то Горловка меня поразила.

Прямо на въезде в город торчали терриконы (к слову сказать, они торчали почти везде), Над улицей, по которой ходил трамвай, на высоте 15-20 метров по какой-то эстакаде сновали вагонетки. Сам город не произвел на меня впечатление единого целого. Улицы зачастую упирались в шахты с торчащими подъемниками, оснащенными гигантскими колесами. Целые кварталы были огорожены сплошными бетонными заборами, за которыми дымили трубы химкомбинатов, коксохимов и прочих малосимпатичных предприятий. К таковым можно отнести концерн «Стирол», заводы тяжелого машиностроения, обогатительный и ртутный комбинаты. Микрорайоны многоэтажных построек чередовались со скоплениями частных домиков и даже дачных участков с непременно огородами и чахлыми деревьями.

Складывалось впечатление, что городские улицы заполняли пустое пространство между хаотично разбросанными шахтными строениями, заводами, терриконами и подъездными железнодорожными путями. Среди этого скопища шахт, заводов, комбинатов, дымящих труб, люди казались маленькими и вовсе здесь не нужными. Самое точное название увиденному можно было дать – «Молох», по известному роману Александра Ивановича Куприна. То, что это действительно промышленный молох читатель узнает очень скоро.

Найти нормальную стоянку среди этого хаоса не представлялось возможным, и мы решили остановиться в гостинице. Первая попавшаяся гостиница оказалась довольно современным зданием, с охраняемой автостоянкой, удобно расположенная почти в центре города. И, главное, в ней были свободные номера. Вполне не дорогие с душем и ванной. На радостях обосновались

всей компанией в двухкомнатном люксе с большой прихожей, телевизором и даже сервантом с посудой.

На следующий день, оставив ГАЗон на стоянке, мы отправились на Уазике искать место трагедии, ориентируясь по схеме, выданной мне артемовскими коллегами. Помогли, конечно, и расспросы аборигенов. Словом искомое место мы нашли довольно быстро. Выглядело оно так. Метрах в 30-и от дороги, на незастроенном участке лежали четыре могильные плиты. Все как положено с надписями и цветочками. Вот только сами погибшие ребята лежали на 400 метров глубже. Из забоя тела так и не сумели достать. Спасатели, проникнув в выработку, едва сами не отравились, несмотря на полную спасательную экипировку. Их потом с трудом откачали. Вот и пришлось поставить плиты над тем местом, где они погибли, а не похоронить по-человечески.

Посмотрев на топографическую карту, мы поняли, что Горловка фактически сливается с другим промышленным центром – городом Енакиево, образуя единый агломерат. Или, если хотите промузел с общим населением около полумиллиона человек. Всю эту территорию мы решили исследовать профилями, по возможности учащая точки наблюдений у химических предприятий. Причем сделать это пиратским способом, без согласования бурения скважин с десятками организаций. Обычно такое согласование занимает многие месяцы (которых у нас не было). Под землей в любом городе располагается масса коммуникаций: водопровод, телефонные кабели, газовые трубы прочие опасные при бурении штуковины. Если мы нарушим любую из них – дело пахнет судом, а в случае крупной аварии и тюрьмой. Вот мы и решили рискнуть и надо сказать нам повезло. Только раз мы наткнулись на какую-то трубу, но немедленно прекратили бурение и от греха подальше смылись. Всего один раз, хотя пробурили сотни полторы скважин глубиной от 2 до 7 метров. В этом плане нам фантастически везло.

Не повезло только в одном месте. Это случилось во второй приезд в Горловку. Поселились мы в той же гостинице, только каждый в одноместном номере. Большой люкс оказался занят. Но бытовые условия оказались даже лучше, чем в люксе. По вечерам кабельное телевидение крутило без перерыва крутило за-

рубежные триллеры и выбрав номер, где старенький телевизор (а в гостинице они были все допотопные) мы с удовольствием их смотрели, попивая местное кислотовое пиво. С питанием проблем тоже не было. На каждом профиле или в ста метрах от него находилась какая-нибудь шахта. Естественно с шахтерской столовой, куда нас геологов пускали беспрепятственно. Питание было недорогое, сытное, но не всегда вкусное. Цены, тоже различались на копейки. Благодаря шахтерским профсоюзам трехразовое питание в день вполне покрывало наши командировочные.

Так вот, во второй приезд мы отрабатывали участок на стыке Горловки и Енакиево. В небольшой дубовой рощице все шло как обычно. Но вдруг Бенья заорал, что с радиометром творится что-то странное. Радиометр СРП прибор армейский и безотказный, как автомат Калашникова. У наполовину пробуренной скважины он начал вдруг начал зашкаливать на третьем диапазоне. Посмотрел сам, действительно – уровень гамма-излучения сумасшедший. Ну и пес с ним с излучением, надо добурить скважину – сказал я. И тут моя всегда исполнительная команда взбунтовалась. Ты что Георгич! Да пока мы добурим и проведем измерения, у нас у всех помидоры отвалятся! Немедленно сматываемся! Мгновенно выдернули бур, как попало покидали в машину приборы. С трудом успел вскочить на свое сидение уже на ходу.

Причину этого феномена довелось узнать только через два года, случайно наткнувшись на статью о «мирном атоме» в газете «Известия». В этом солидном по тем временам издании сообщалось, что в конце 70-х годов на глубине около 1000 метров здесь произвели подземный ядерный взрыв, якобы для создания газохранилища. Видимо, по трещинам в породе вместе с газами радиация поползла вверх (еще одно подтверждение факта вертикальной миграции флюидов) и успешно достигла поверхности земли.

Вот такой милый подарочек сделали атомщики жителям Донбасса. И это вдобавок к химическому загрязнению почвы, подземных вод и атмосферы. Для любознательного читателя сообщу несколько фактов. Однажды в жаркий день мы остановились на окраине Горловки у обычного деревенского колодца,

попить холодной водички. Из калитки вышла пожилая женщина и замахала руками. Ребятки! Не берите эту воду! Вчера дочка в гости приехала, попила этой водички, а через час ее забрала скоро помощь. Мы-то уж давно не пьем колодезной воды – носим ее за километр из водопроводной колонки. Другой случай. На профиле нас застал мелкий дождичек. Как оказалось кислотный. Стало трудно дышать. Глаза начали слезиться. Листья на ближайшем дереве стали на глазах сворачиваться в трубочки. Пришлось сделать самодельные марлевые повязки и смочить их водой. Хоть немного, но помогло.

В предыдущее посещение Горловки, из чистого любопытства зашел на дачный участок и попросил разрешения взять с грядки с редиской образец почвы. Хозяин не возражал. В Энке я отдал этот образец в химлабораторию. Оказалось, что почвенные ПДК для мышьяка были превышены в 72 раза, ртути в 46, кадмия в 32 раза и т.д. и т.п. Эти данные я передал в редакцию местной газеты, которая тут же их опубликовала. Так о нашем полевом отряде в Горловке скоро узнали.

Маленькое отступление 13. Горловско–Енакиевский промузел смело можно считать зоной экологического бедствия. Суммарные экологические показатели этих городов таковы, что район надо превращать в зону отчуждения, по примеру Чернобыльской. Причем это сделали сами люди, в отличие от инопланетян, нагадивших на земле (по роману А. и Б.Стругацких «Пикник на обочине»). И люди в этой зоне продолжают жить и работать. За последние пять лет закрыли несколько нерентабельных угольных шахт, усугубив проблемы с откачкой и утилизацией шахтных вод. Все здесь соответствует изрядно заезженному лозунгу: «Мы не можем ждать милостей от природы, после того, что с ней сделали!».

Что касается населения, то оно при таких природных условиях просто вымирает. Так в Горловке при рождаемости 6,6 на тысячу человек, смертность составляет 18,0 на ту же тысячу. В Енакиеве положение еще хуже: рождаемость 5,8 при смертности 20,6 на тысячу жителей. За геноцид, душегубки и концлагеря нацистских бонз вздернули на виселице. А вот наши

хозяйственные и партийные бонзы за те же преступления против собственного народа, еще и ордена получают.

К концу лета 1990 года на донбасских заправках исчез бензин. На всех заправках шланги были обмотаны вокруг колонок. Окошечки касс просто закрыты. Как нам добраться домой до Энска было непонятно. Как начальник отряда, я обязан был решить этот вопрос. Было ясно, что просить горючее можно только у высокого начальства. И пошел прямо на прием к мэру Горловки.

К своему удивлению попал запросто, без всякой очереди. Мэр, мужчина средних лет оказался дельным человеком. А я о Вас знаю, заявил он. И статью Вашу читал. Да только у нас тут проблем куда больше. Он подвел меня к карте города, густо заштрихованной красным пунктиром. Так мы обозначаем старые горные выработки. Во время войны крепь всю сняли. Крепили то деревом. Вот на топку и сняли. Теперь эти выработки садятся. Поверхность земли естественно тоже проседает. Стены и перекрытия домов дают трещины. У меня две трети жилого фонда в аварийном состоянии. И как эту проблему решить - не представляю. Вы для города сделали большую и полезную работу, причем за гроши. Этих Артемовских скупердяев - знаю хорошо. И знаю, что ваш отчет и все выводы попадут ко мне на стол. Так, что с бензином я Вам помогу. Есть у меня небольшой неприкосновенный фонд: для скорой помощи, пожарных, инвалидов. От себя напишу записку. С ней поедите на заправку вечером, на самый край города. Шланги там, тоже замотаны, но Вас заправят, так, чтоб хватило до Энска. Счастливого пути!

Вот такой замечательный мэр оказался в этом гиблом городе. Ничуть не похожий на зажавшегося советского чиновника. Он на своем посту, как боец на передовой в окопе. А на войне люди меряют все иной меркой. Жаль я не запомнил его фамилии - о нем стоило бы написать отдельно. Замечательный человек, отзывчивый. Ну и, конечно, бензин мы получили. И благополучно добрались до Энска, нигде не заправаясь. Да и заправаться было негде. Видимо уже тогда ушлые дельцы от нефтебизнеса развернулись вовсю. Все нефтепродукты стали сплавлять за бугор. Там платили реальные, зеленые бабки. А не наши, деревян-

ные, которые к тому же совершенно обесценились. Магазины стояли пустые, и даже имея деревянные все равно купить, было ничего нельзя. Правильно об этом написал мой тезка Юрий Ампилов в романе «Паутина».

Защита отчета в Артемовске прошла точно в срок и с блеском. Вы знаете, коллеги, что никаких материалов я у Вас не брал. И в фонды ваши не обращался, можете проверить. Работал, как говорится, вслепую. А вот теперь принесите карту шахтных полей, Принесли? Теперь давайте наложим на нее мою калечку с газохимическими профилями. Вот теперь и Вы и сами видите, что совпадает все до мелочей. Особенно по метану и углекислому газу. Теперь обратите внимание на эту линейную зону повышенной проницаемости. Идет она от места трагедии напрямиком к концерну «Стирол» - вот там и надо искать виноватых.

Коллеги закивали. Да все правильно. Мы Вам специально не сообщали, что КГБ уже разобралось. Хотелось посмотреть на Вашу работу и как Вы с этой задачкой справитесь. В горную выработку просочился хлорбензол. А эта ядовитая гадость есть только у «Стирола». Прохудилась там у них за забором какая-то емкость, и этот хлорбензол потихоньку весь вытек. Никто и внимания не обратил бы, кабы не трагедия. Но «Стирол» - химический гигант. Имеет свое лобби и в Министерстве и даже в ЦК. Вот и списали все на несчастный случай. Мол, кто же мог предполагать, что эта емкость проржавеет? Да еще в таком месте, где она лежит на земле и утечку никак не разглядеть. Там никого за это разгильдяйство и пальцем не тронут. Не то, что инженера, сторожа не накажут.

В заключение я им сказал: То, что не сообщили о «Стироле» может и правильно. Мне и самому было интересно разобраться и выяснит сработает метод или нет. На АЭС ведь геологические условия были совсем другими. Теперь ясно, что методика универсальная. Но к Вам есть просьба. Вот этот экземпляр отчета я специально отпечатал для мэра Горловки. Вы уж, пожалуйста, вместе с заключением Вашего геологического совета, отправьте его по адресу. Мэр этот меня крепко выручил и я ему обязан. Обещали клятвенно отправить.

После заседания, когда почти все разошлись, начальник экспедиции достал из сейфа бутылку водки, хлеб, домашнюю

колбасу, сало. Мы уже перешли с ним на ты. То, что тебя встретили настороженно – не обижайся. Ведь у вас там, в Энске, директором стал наш Ю.Б., который здесь оставил дурную память. Он и геологические документы подделывал, и комбинации всякие проворачивал. Не стану всего рассказывать, а то будет походить на сплетню. Просто многие и я в том числе, питали к нему личную неприязнь. Мы тут все с большим облегчением вздохнули, когда его от нас убрали. Уволить же его никак не могли из-за мохнатой лапы. Вот хотел тебя спросить, как он там, в роли директора? Да по-разному – ответил я. Сейчас хоть эрудиции слегка поднабрался, а вначале выдавал перлы. Но, как человека, я его практически не знаю. У меня солдатский принцип: держись поближе к кухне и подальше от начальства. Тогда будешь сыт и не наказан. Я даже в маленькие начальники не рвусь. Есть своя группа и мне хватает работы. А начальство никогда хорошим не бывает. У всех свои недостатки и причуды. Главное, что от них требуется – не мешай работать. Ю.Б. мне пока не мешает и на том спасибо.

Мы с ним допили водку, а остатки хлеба и колбасы он сунул мне в карман со словами – на дорожку. Да, встречают нас по одежке... Вечером, начальник экспедиции отвез меня прямо на вокзал на своей машине. Мы с ним тепло попрощались и больше никогда не встретились.

17. ПОТЕРЯ КУРСА

Окончание «атомной» тематики автоматически повлекло за собой резкое сокращение финансирования. Вызвано это было в первую очередь тем, что могучее ранее государство Советский Союз – развалилось. 24 августа 1991 года Украина объявила о своей независимости. А крушение любой империи, разделение её на самостоятельные удельные княжества неизбежно сопровождалось финансовым крахом. Причем крахом избирательным. Небольшая часть проходимцев немедленно обогатилась. Весь остальной народ моментально впал в нищету. Все накопления граждан за имперский период испарились. Где и у кого осели, конденсировались эти испарения вполне понятно. Об этом уже столько написано, что повторяться просто неприлично.

Поскольку зарплату в НИИ стали платить с большими перебоями, часть сотрудников быстро переквалифицировалась в «челноков». При советах их называли гораздо точнее – спекулянты. Теперь, эти вполне легальные бизнесмены кинулись во все стороны за товаром. Кто в Турцию, кто в Польшу, кто в Венгрию. Купить там подешевле, продать здесь подороже. Транспортировка товара осуществлялась с помощью новейшей техники – «кравчучек», т.е. матерчатых сумок невероятной вместительности, снабженных металлическим каркасом и колесиками. Этому гениально простому и мобильному виду транспорта (ручной тачки) благодарный народ присвоил гордое имя первого президента незалежной ни от кого (кроме собственной глупости и тщеславия) Украины Леонида Кравчука. Так он на века прославил в народе свое имя. Надеюсь, благодарные сограждане когда-нибудь установят ему памятник в виде этой самой «кравчучки».

Другим эпохальным политическим событием этого же года стало то, что Крым с 20 января стал гордо именоваться Автономной Республикой. Он быстро избрал своего президента, получил в награду свой герб, флаг, гимн и кукиш без масла в отношении своих экономических и политических прав виде подарка от метрополии, то бишь мачехи Украины. Та в своей конституции черным по белому написала, что незалежная является

унитарным государством, и никакая автономия в главном законе страны не предусмотрена. Де-юре это так. А вот де-факто – автономия как бы существует, хоть и без всяких там прав, но существует.

Крымчане очень гордятся своей автономией. Мол, мы не какая-то там область или район, а Республика. Пусть хоть и с филькиной автономией, но зато со своим Парламентом, Советом министров, опять же, с гимном, гербом и флагом, очень смахивающим на Российский триколор. Именно флаг больше всего раздражает свидомых (настоящих) украинцев. Даже больше чем сама автономия, которой в их конституции вообще нет. Но флаг-то вот он – везде подлый развевается. И без всякого намека на желто-блакитный (желто-голубой) цвет. Неприятие доходит до курьезов.

В одном из докладов на совещании в, качестве первого слайда, я показал обложку монографии «Устойчивый Крым». На ней фоном служил Крымский Флаг. Так какой-то свидомый тут же предъявил мне претензии: как это я посмел на Крымскую книгу поместить Российский флаг. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Ни я, ни мои коллеги никогда не выделяли кого-то по национальности. Местечковый национализм был ужасен. Он выдавался за патриотизм. Хотя кто-то очень точно сказал, что патриотизм – последнее прибежище негодяев.

Советская Империя развалилась практически мгновенно. Слава Богу, без гражданской войны и большой крови. Но такие события просто так не случаются. Аналитики твердят, что руку к этому приложили США, подбив ОПЕК резко сократить цены на нефть – основной вид экспорта СССР. Экономика страны просто рухнула. Может быть это и так, хотя хватало и внутренних противоречий. В любом случае здесь справедлив афоризм Шарля Талейрана «Революции задумывают гении, осуществляют фанатики, а результатами пользуются негодяи». Негодяи и воспользовались. Мгновенно разграбили огромную страну.

Что получил простой народ? Свободу? Свободу слова? Да, теперь можно было говорить открыто о чем угодно и где угодно. Но разговорами сыт не будешь. А людям надо было как-то кормиться и кормить детей. Не у всех же была коммерческая жилка. А те, кто работал всю жизнь у станка, кульмана, за письменным

столом? Они же не коммерсанты. Они, хорошие профессионалы – ученые, конструкторы, инженеры рабочие вдруг стали никому не нужны. Даже те, кто изрядно пострадал от большевиков, кто сидел в лагерях и те ужаснулись. Вместо великой страны, хоть и не свободной, они очутились полностью свободными от работы и зарплаты на грани выживания на мировых задворках. При всех «прелестях» дикого капитализма. Вместо призрачных коммунистических идеалов, им предложили только один и самый пошлый – деньги.

Хуже всех пришлось пенсионерам. Накопленные на старость сбережения испарились. И все прекрасно знали куда, где и как они конденсировались. И отчего скромные вчерашние граждане вдруг стали в одночасье миллиардерами. Они прихватизировали в первую очередь деньги пенсионеров, беря непомерные ничем не обеспеченные кредиты. Затем покупали и тут же перепродавали крупные предприятия, заводы, месторождения. В прочем все это давно известно. И очень напоминало картинку из жизни птиц. Несколько голубей пытались расклевать брошенный кем-то черствый кусок хлеба. Между ними бестолково суетились не менее голодные воробьи. Но вдруг в это сборище птичек спикировала крупная ворона. Схватила своим громадным клювом весь кусок и с ним улетела. Мирные птахи остались с носом. Где-нибудь в луже ворона его спокойно размочит и съест одна. Точно также, наглое воронье беспардонно грабило осколки некогда великой империи.

Маленькое отступление 14. Один, весьма толковый историк говорил: «Мы все знаем о Великой Французской революции. Буквально не только по дням, но и часам и минутам. Но никто из нас не может сказать, сколько стоил на парижском рынке пучок петрушки». Как раз в те моменты, когда отрубили голову Французскому королю, королеве, видным аристократам. Когда покатались головы вождей революции. Но чем питался в это время народ Франции, какие цены заламывали спекулянты? К сожалению, я тоже не помню цен на рынке в эти годы. Собственно я их не знал и до того, ибо еду и одежду в нашей семье покупали женщины (матери, жены).

Но зато я знаю другое. Я перестал выбрасывать окурки сигарет и складывал их в баночку. Курево в продаже исчезло напрочь. А из нескольких окурков сигарет без фильтра можно было выкрошить не сгоревший табак и свернуть из газеты самокрутку. К слову, такие баночки продавались на рынке и совсем не дешево. К концу 91 года ввели новую национальную Украинскую валюту купоны-карбованцы. При стремительной девальвации заработную плату стали платить миллионами. Напечатанные на толстой рыхлой бумаге купоны выдавались банковскими пачками, носить которые ни в карманах, ни в кошельке было невозможно. Их скатывали в трубочки, носили в специальных сумках, типа барсеток. И никто эти бумажки не считал настоящими деньгами.

Что происходило в это время в НИИ? Тоже, что и в независимой Украине. Институт стал стремительно терять кадры. В основном уходили молодые квалифицированные специалисты. Пожилым и людям предпенсионного возраста деваться было некуда. Правда, в виде исключения, в институте появился новый сотрудник, молодой доктор геолого-минералогических наук В. В. Юдин. С приходом в Киев нового начальства практически все геологические работы прекратились, кроме золотой и алмазной тематики. С созданием Министерства охраны окружающей среды, куда вошел и Госкомитет Геологии в моду резко пошла экология. При этом саму экологию все специалисты понимали со своих позиций. Химики, биологи, геологи, гидрологи видели в экологии только свою часть общей проблемы, забывая, что дословный перевод слова экология – наш дом. Это громадный комплекс общих и частных проблем отдельных регионов и всей Земли. Со сложными взаимосвязями и с негативно влияющими на человека факторами и техногенного и естественного происхождения.

Особенно нелепыми мне казались разномасштабные геохимические съемки городских территорий. На них тратились немалые средства, хотя результат был заведомо очевиден. Естественно, вдоль оживленных трасс и проспектов в почве обнаруживались высокие концентрации свинца, некоторых других тяжелых металлов, вблизи автопредприятий - повышенные содержания

нефтепродуктов и т. д. Эти показатели не с чем было сравнить. Потому как никто не определял общий геохимический фон.

Коллеге геохимику я задал вопрос на защите такого отчета: как он выделял аномалии тех или иных химических элементов. А согласно инструкции по проведению геохимических съемок при поисках и разведке месторождений полезных ископаемых. Причем тут экология он не задумывался, тупо пользуясь геологической инструкцией составленной совершенно для других целей. Более того, эти территории никогда не использовались для выращивания сельхозпродукции. Следовательно, все выделенные токсичные вещества в пищевые цепочки не попадали. Ну, какая мне разница, если в центре города на газоне в почве целый букет токсикантов. Редиску или огурцы там все равно никто не собирает выращивать. Спорить с этим пожилым и агрессивно настроенным человеком я не стал. Он просто зарабатывал себе на кусок хлеба, а на проблемы экологии ему было просто наплевать.

Но вот, что действительно упустили в этих съемках, так это определение концентраций радона в подвальных помещениях. Этот радиоактивный газ имеет свойство при определенных геологических условиях там накапливаться. Он без цвета, запаха и может определяться только специальными приборами. Имея короткий период полураспада, радон поражает легкие, распадаясь прямо в тканях.

В то время каждый сотрудник участвовал в нескольких проектах. Один проект просто не мог обеспечить зарплату сотрудникам. Приходилось заниматься и методичками по мониторингу техногенного влияния на геологическую среду и выполнить собственную короткую тему по исследованию токсичности природных вод речных бассейнов Судакско-Феодосийского района. Причем изучение для токсичности природных вод мы использовали новейшую Ленинградскую разработку – прибор «Биотестер-2».

Лет пять назад, когда я подписал документы на приобретение биотестера, директор был готов сожрать меня живьем – прибор стоил дорого. Столько же стоила автомашинка «Волга». Зато теперь мы оказались монопольными обладателями биотестера на Украине и прибор начал приносить дивиденды. Коллеги в Уче-

ном совете с трудом понимали идею биотестирования. Как же так, вопрошали те же геохимики, у Вас по всем анализам концентрации вредных веществ ниже ПДК, а воды токсичны. Пришлось прочесть им небольшую лекцию о явлениях синергизма и антагонизма среди токсикантов. Не знаю, поняли они что-то или нет, но нападки на метод биотестирования прекратились. А сам прибор вызывал черную зависть у коллег из других организаций.

Летом я помогал оползневику изучать механизм подвижек оползней на морских побережьях. Для этого моя группа организовала лагерь на институтском полигоне в район села Приветное. Наверное, в последний раз мы собрались такой компанией у моря. Приехал Валентин Павкин с аквалангами и компрессором, его и мои друзья. Уже взрослые дети начальников и моя дочь. С аквалангом я обследовал всю подводную часть оползня и прилегающую акваторию.

Дно метров на 50 от берега было сложено плотно упакованными глыбами. Видимо это была переработанная волнением языковая часть оползня, куда добавился крупный материал селей близлежащей речушки. Надо сказать один такой селевой поток мы наблюдали после серии ливней. Масштабы селевого конуса выноса впечатляли. Берег в районе устья выдвинулся в море метров на семьдесят. Субмариной разгрузки подземных вод в районе перемытого языка мы не обнаружили. Хотя чуть выше уреза рядом с оползнем были «интервалы высачивания» горько-соленых сульфатных вод с минерализацией до 10 г/л.

В один из дней к лагерю на своей машине подъехал родной брат Гены – Игорь. И тут же пригласил нас с Геней на той. Игорь был пилотом – истребителем, замом командира полка, базировавшегося где-то в районе Гдова. Каждое лето он приезжал в Крым в отпуск и неизменно являлся ко мне в кабинет с бутылкой водки. Мы с ним мгновенно нашли общий язык и подружились. Поскольку меня в этот приезд на месте не оказалось, Игорь решил достать меня в поле. Когда мы с Геней подошли к его машине, то рядом с ней уже был накрыт роскошный стол. За рюмками он рассказывал разные занятные истории из своей летней практики. Выхожу из пике над самой землей, и вдруг мне стекло шлема покрывает слой пыли. Ни черта не вижу, сукин

сын техник плохо пропылесосил кабину. Я его потом чуть не прибил. А я и не знал, что кабины пылесосят.

В общем, за разговорами мы все выпили основательно. По дороге в лагерь едва не рухнул с обрыва, хорошо Гена вовремя ухватил за руку. Отделался только тем, что потерял плавки в которых собирался искупаться. Но может оно и к лучшему – лезть в таком состоянии в море – рискованно. Кое-как добрались до палатки и улеглись спать. Ночью пошел дождь со шквалистым ветром. Колья повыдергало, палатка завалилась. С пьяных глаз найти застегнутый на молнию вход в палатку никак не удавалось. Гене мокрым брезентом залепило лицо и он стал задыхаться. И хотя мою ругань слышал весь лагерь, никто не удосужился вылезти под дождь и помочь нам. С великим трудом я отыскал молнию и вылез из палатки. Потом помог выпутаться из нее Гене. Под дождем мы мгновенно протрезвели, заново натянули палатку и покрепче вколотили колья. Внутри палатка и спальные мешки оказались мокрыми, так что ночь пришлось коротать сидя.

Утром отправились к Игорю похмеляться. По дороге попытались отыскать плавки – но, увы, видимо дождь их смыл в море. День пропал зря. Лезть под воду было бесполезно. После шторма и ливня видимость там ноль. К завтраку Бенья принес кучу грибов – дождевиков. Я считал, что их есть нельзя. И оказался не прав. Молоденькие дождевики по вкусу ничем не отличались от других грибов, в поджаренном виде – то, что надо. Так закончился этот полевой сезон. Последний сезон с водолазными спусками. Все хорошее обязательно когда-то кончается.

Маленькое отступление. 15. Некоторое время Виктор Юдин сидел в кабинете зав. отделом. Кабинет же себе зав. специально выбрал маленький, чтоб никого к нему не посадили. Естественно там было очень тесно. И зав. решил переселить Юдина в мой кабинет, не менее тесный. Посадить его в комнату полную женщин, видимо побоялся, хоть и пробовал. Мой кабинет представлял собой узкую темноватую комнату с одним окном, выходящим на север. Я принял уплотнение без восторга, но с начальством не стал спорить. В результате кабинет мгновенно превратился в сурдокамеру.

Что такое сурдокамера? Это изолированная от внешнего мира капсула, страшно тесня и неудобная. Придумана она для проверки людей на психологическую совместимость. Она необходима в тесных отсеках подводных лодок, ПОО, на космических кораблях. Действует она безотказно. В тесном изолированном пространстве людей начинают раздражать даже мелочи. Я бы сказал, особенно мелочи, на которые в других условиях не обращают внимание. Причем настолько, что бывало хорошие приятели выходили из нее врагами.

Что бы ни портить зрение, и максимально использовать дневной свет свои столы мы оба поставили вплотную к окну. Между ними остался крошечный проход, настолько узкий, что отодвигая стул, ты невольно задевал соседа. Вдобавок Виктор, поработавший 23 года на Севере, привык работать за большим широким столом. Ему надо было раскладывать на нем карты, профили – листы большого формата. И вот он начал потихоньку отвоевывать жизненное пространство. Путем пристройке к столу разных полочек..

Нормальное явление для обитателей сурдокамеры. В такой ситуации мы неизбежно должны были поругаться и стать врагами. Начальство это бы вполне устроило по принципу «разделяй и властвуй». Однако этого не произошло. Мы, как и всякие разумные люди пошли на всяческие компромиссы и, в конце концов, стали друзьями. Вопреки подлым свойствам сурдокамеры, стали прекрасно понимать друг друга буквально с полуслова, с полувзгляда. Могу лишь добавить, что такое в жизни встречается крайне редко, так же как и настоящие друзья.

В итоге, провокационная идея начальства полностью провалилась. Более того, ежедневное общение у нас превратилось в жизненную потребность. Когда через несколько лет Виктору дали отдельный просторный кабинет, мы все равно ухитрились проводить значительную часть рабочего времени вместе. И весь НИИ знал, что если Юдина нет на месте, он обязательно сидит у меня в кабинете. И наоборот. Кого-то наша дружба раздражала, а кое-кто просто завидовал. Сожалею лишь об одном – встретились мы поздновато, когда мне уверенно перевалило за пятьдесят. О чем я прямо сказал в одном из своих стихотворений: «Мы поздно начали дружить, когда седели!».

18. ДАЛЬНЕЙШЕЕ СНИЖЕНИЕ

В сентябре 1993 года мне, наконец, удалось защитить докторскую диссертацию. События перед защитой развивались так. Зимой позвонила из Питера ученый секретарь Горного института Салье с вопросом, кода смогу приехать на защиту, ибо предзащита была уже оформлена в совете. Пришлось признаться, что приехать не смогу вообще по самой банальной причине – просто нет денег на дорогу. А перед звонком диссертация уже восемь месяцев пролежала в Киевском совете у академика Шестопалова. За это время он даже не удосужился ее открыть, не то, что посмотреть. К счастью, в июне случайно встретил в коридоре киевского Института геологических наук своего друга, Алексея Юрьевича Митропольского. И чего это ты такой грустный? Поинтересовался он. Я объяснил ситуацию: диссертация у Шестопалова, а он ее за восемь месяцев не посмотрел и не представил к защите. И забрать ее не могу, и даже попасть на прием. Секретарша у него - зверь.

-Есть идея, сказал Митропольский. Диссертация у тебя по морским делам. А я как раз организовал совет по специальности «геология океанов и морей». Согласен ли защищаться у меня?

-Конечно, согласен. Но как быть с Шестопаловым? Он и работу не смотрит и диссер не отдает.

- Ладно, предоставь это дело мне. Как зам. директора института диссертацию твою заберу к себе. И все вопросы с ним улажу. Но ты сам сможешь через три дня пройти предзащиту на моем совете?

- Деваться было некуда, ответил, что смогу. И действительно через три дня без шума и пыли прошел предзащиту. Саму защиту назначили на конец октября. Однако в начале августа он позвонил мне в Энск и сообщил, что защита переносится на месяц вперед, то есть на 22 сентября. Иначе вообще все откладывается надолго, так как он уходит в длительный рейс (экспедицию на научном судне). Я, конечно, взвыл. Мне предстояло за пару недель не только написать автореферат, но и напечатать его. А так же разослать в сотню адресов не позже 20 августа (положено за месяц до защиты). Кроме того надо было переделать название

диссертации под совет, написать другое введение и заключение. На Митропольского мои вопли не подействовали. Не ты первый, не ты последний. Все и всегда со сроками не успевают.

И врубился я в работу, что называется по полной. Спал урывками. С печатанием автореферата помогла Людмила Александровна. По блату весь тираж шлепнули за два дня и плату взяли смехотворную. Забавную ошибку в аннотации на украинском языке сделала ее коллега, вроде хорошо знающая язык. Везде русское слово доктор наук, она перевела как лікар (врач).

Приехать в Киев пришлось за неделю до защиты. Надо было прочитать отзывы, в том числе оппонентов и составить ответы на замечания. Хуже всего было с отрицательными отзывами – они пришли в точно рассчитанный последний момент и оказались не столько критическими (на критику можно аргументировано ответить) а клеветническими. Митропольский был в ярости. Он не ожидал, что у меня окажется столько «добрых друзей». Но сама защита была им организована и прошла блестяще. Весь совет был «за», не смотря на отрицательные отзывы.

Поскольку я был один и без денег, банкет устроить не получилось. Второй соискатель (на кандидатскую, киевлянин) привел с собой полк родственников, которые организовали стол. Попытка примазаться к ним со своей водкой окончилась крахом. Пришлось напиться с двумя приятелями, фактически в одиночку. Как добрался домой, не помню.

А остановился я на потой у Ирины, той самой девочки, которая когда-то была у меня на практике в бухте Ласпи. Теперь она была уже кандидатом наук и ученым секретарем совета, где мне пришлось защищаться. Утром она меня настойчиво растолкала меня и приказном порядке велела срочно отвезти бутылку коньяка (все, что у меня было) первому официальному оппоненту академику, профессору и прочая Э.В. С. Мол у них так принято. На мои стоны, что сейчас я умру, не обратила никакого внимания. Пришлось одеваться и ехать черте куда. В тайне я надеялся, что академик откроет бутылку и угостит меня хотя бы рюмочкой. Но не тут-то было. Академик поставил бутылку в бар (а их там было, по меньшей мере, штук десять) поздравил с успешной защитой и попрощался. Получив второй нокаутирующий

удар, я стал сильно сомневаться в гостеприимстве киевлян и их способности к состраданию.

Человеку, далекому от науки и от таинств защиты научных диссертаций, трудно себе представить, сколько приходится писать всяких бумаг, для того, что бы отослать диссертацию в ВАК. Это и стенограмма защиты и собственный доклад (который я по привычке не готовил, а произнес экспромтом) и ответы на замечания оппонентов и великое множество всяких прочих бумаг – протоколов и справок. По новым правилам незалежной державы большинство из них должно было быть на написано державной мове – то есть на украинском языке. Большая часть этой работы взвалила на себя Ирина. Но изначальный русский текст должен был составлять я сам.

Между тем мои командировочные давно кончились. А, простите, жрать у Ирины в доме было просто нечего. Они привезли с мужем мешок картошки со своей дачи – это было все. Хуже всего приходилось дочке (Иришке маленькой), она плакала и не хотела, есть каждый день сухую, без масла картошку. Настоящие друзья познаются в беде. Видя, что бумажной волоките нет предела, на двадцатый день Ирина сказала. Езжай-ка ты домой в Энск. А все бумаги я уж как-нибудь сама доделаю. И доделала, уж как - не знаю. Но это было началом самой настоящей голодухи на Украине. И отнюдь не по вине «клятых» большевиков.

В Энске меня встретили торжественно. Людмила Александровна выставила значенную неизвестно когда бутылку коньяка. Мама плакала. Коллеги на работе обнимали, кто искренне, а кто с желанием удавить. Все было по правилам. Кроме родных, наверное, самым искренним было поздравление Виктора Юдина. Я, кстати был ему страшно благодарен. За то, что он вычитал мой автореферат перед сдачей в печать. У самого меня просто не было на это времени. Так что это расценивалась мной, как настоящая и абсолютно бескорыстная дружеская помощь. Для непосвященных добавлю, что худшей беды, чем автореферат с ошибками для соискателя не существует. Ибо саму диссертацию читают только официальные оппоненты. А автореферат читают все. И все помарки, неточности и даже простые опечатки замечаются и потом обязательно фигурируют в отзывах.

В следующем 1994 году мне пришлось защищать в НИИ сразу два отчета. Первый был плановой работой и касался взаимосвязи подземных и морских вод Крымского побережья. Все расчеты по латеральной разгрузке и построение гидрогеологических карт прибрежной зоны сделала грамотный и толковый гидрогеолог Ирина Лазарева. Но в поле она со мной поехать не могла, так как уходила в декрет с последующим увольнением. А мне надо было провести обследование всего западного побережья Крыма с отбором проб воды и грунта, мелким бурением, картированием очагов разгрузки. Всю работу предстояло сделать мне с Геной. Неожиданно в помощь нам напросилась Света Петренко. У нее был отпуск, и надо было как-то вывезти к морю двух детишек. Положение с деньгами у всех к тому времени стало катастрофическим. Ни о каком доме отдыха и санатории мечтать не приходилось. Она соглашалась готовить нам еду и, по мере возможности, помогать с документацией проб. Ситуация устраивала всех.

Мы зарядили необходимым наш боевой ГАЗ-66 и отправились в путь. Плохо было только с питанием. Городской ОРС уже стоял пустой, Покупать же овощи на рынке было накладно. Вот так мы промахнулись с картошкой. Раньше ее можно было купить прямо у дороги. Так и решили сделать, отъехав подальше от Энска. Наш путь лежал в стороне от курортных и туристских маршрутов. Но даже на дорогах хитрые крестьяне, прекрасно знающие положение в Энке, заламывали такие цены, что становилось не по себе. И никакие уговоры, что товар не надо никуда везти, что покупаем его прямо у дома не действовали. В конце концов, пришлось раскошелиться.

Начали мы с кутовой части Каркинитского залива подъехав к берегу моря по прямой дороге от поселка Кумово. Берег и прилегающая местность представляли собой тягостное зрелище. Берег был завален гниющими водорослями. Морская вода распреснена до 3-5 грамм на литр. Морские отложения резко пахли сероводородом.

Дело в том, что весь этот северо-западный район был отведен под рисосеяние. Поля представляли собой сплошное болото – рисовые чеки. Полив осуществлялся из густой сети ирригационных каналов днепровской водой из Северо-Крымского канала.

Сброс излишков воды осуществлялся по дренажным канавам. О гидроизоляции их не позаботились. Поэтому канавы превратились в настоящие каньоны, глубиной до 10-15 метров. Сбросные воды поступали прямо в залив, вынося в него массу пестицидов, гербицидов, нитратов и гниющей органики.

Все это в купе с распреснением угробило всю морскую живность и превратило кутовую часть залива в абсолютно мертвую зону – настоящую ядовитую помойку. И такое безобразие тянулось на десятки, а то и сотни километров побережья (включая Скадовский район). Тут, конечно, аграрии дали маху и по организации и по безобразной эксплуатации всех ирригационных систем. Более того рис, в отличие от восточных стран, был некачественный и плохо реализовывался на рынке. «Сечку», годную только на клейкую кашу никто не хотел покупать.

Аналогичные рисовые посевы внедрили на Кубани. Там резко изменился климат, появились полчища комаров и москитов. Коренные жители проклинали аграриев и просто плакали. Чуть южнее Кумово, в Раздольненском районе, слава Богу, провалился еще один Лысенковский эксперимент – там пытались выращивать хлопок. Хлопок просто не успевал вызревать в Крымском климате. Осенние веры срывали коробочки с кустов и катали по полям. Гоняться за ними заставляли школьников, освобождая их от уроков, и гробя школьные программы. Такие вот «передовые» технологии внедрялись в Крыму.

Первый более менее приличный песчаный пляж мы встретили в поселке Портовое. Само Портовое расположено на вершине небольшого полуострова, менее чем в полукилометре, от которого в залив вдаются заповедные Лебяжьи острова. Тучи птиц над ними легко можно рассмотреть в бинокль. Где-то в районе поселка Славянского рисовые чеки, наконец, кончились. Побережье стало приобретать нормальный вид. Начиная от поселка Аврора и далее к пос. Стерегущее потянулись широкие песчаные пляжи с домами отдыха. Море здесь уже очистилось от сбросных вод. Сразу за Стерегущим грунтовая дорога поворачивала на косу Бакал. Эта коса, я бы сказал Азовского типа, поразила меня полным безлюдьем. Хотя вся она сложена мелким белым песком. На мелководьях вода хорошо прогрета – идеальное место для купания и принятия солнечных ванн. Далее наш

путь лежал по уже хорошо знакомым местам Межводное – Черноморск – Оленевка – Атлеш – Окуневка. Полные дорожных впечатлений, загруженные пробами, с полным записей полевым дневником мы ,наконец прибыли в Энск.

В Энске меня (уже традиционно) ждало письмо из главка с требованием срочно оценить современное экологическое состояние Чокракского месторождение лечебных грязей. Самолет НИИ начал рыскать, резко меняя направление исследований. Нас просто стали использовать как справочное бюро. Научная направленность исследований никак не была связана между собой. Как говорил один из героев романа Стругацких «За миллиард лет до нашей эры»: « Да! Где имение, а где вода!». Такое впечатление, что главком стал заведовать профессор Выбегало или его монстр – «человек не удовлетворенный желудочно». Ему надо было срочно что-то съесть, а для этого срочно что-то продать. Убивала также полная профессиональная некомпетентность министерского аппарата. Министрами становились не специалисты, а политики. Один из них был раньше директором бензоколонки, второй чуть ли ни гинекологом. И все они тащили за собой в министерские работники «своих людей». Такая веселая команда руководила отраслью.

К лечебным грязям неожиданно проявили интерес немцы. В Крым из Германии прибыл профессор Дахрот для ознакомления с ситуацией. А Чокракское месторождение еще в советские времена было определено как базовое для всего юга СССР. Определены его запасы в сколько-там миллионов тонн и отменные качества продукта. Имелся и обязательный в этом случае сертификат (заключение) Института курортологии. А такие экспериментальные, с многократным повторением, исследования для различных групп больных стоят совсем не дешево. Немцы были готовы вложить крупные деньги в создание специальной клиники и даже вовсе выкупить месторождение, а инвестиции Незалежной были нужны позарез. Кстати, еще до первой мировой войны немцы, а еще раньше итальянцы покупали в России лечебные грязи (правда из Сакского и некоторых других месторождений). Упаковывали их в провощенные (или вообще залитые воском) килограммовые пакеты и экспортировали на различные европейские курорты.

Маленькое отступление 16. Месторождения лечебных грязей есть только в Восточной Европе. В Западной - их нет. Нет вообще. Между тем, это очень эффективное средство для лечения многих, самых разных болезней. Лечебные процедуры проводятся путем намазывания больных мест (аппликаций) нагретой до нужной температуры грязью. Процедура пребывания под слоем грязи строго ограничена по медицинским показаниям. Буквально по минутам. Дело в том, что эти грязи биологически активны. А эффективность их применения просто поразительна. В некоторых случаях просто панацея.

На западных курортах лечебные аппликации делают из перемолотой в порошок пемзы. Эффект от этих процедур практически нулевой, ибо пемза не обладает биологической активностью – то есть нейтральна. В конце процедуры с наших больных грязь смывают теплой водой. А практичные немцы – аккуратно соскабливают и мажут следующего больного. Может быть, кому-то из больных противно, но грязь то эта импортная, денежек стоит. Конечно, от многократного подогрева грязь частично теряет свои лечебные свойства, но она все же лучше пемзовых аппликаций.

В Крыму лечебные грязи широко используются в различных лечебных учреждениях (больницах, курортных поликлиниках, санаториях) как отдельный вид лечения, так и в комплексе с другими процедурами. Для этого не обязательно ездить в Сакки. Грязь в лечебные учреждения доставляется в специальных контейнерах. Но за нее обязательно надо платить. С началом же беспредела в начале девяностых годов Чокракское месторождение, более никем не охраняемое, стали элементарно грабить. Грязь вывозили самосвалами, нагло, среди бела дня.

Пришлось опять срочно снаряжать наш фургон и отправляться на Керченский полуостров. Со мной поехали Света и Бенья. Как я бегло выяснил из литературы и консультаций с работниками гидрогеологической Сакской станции, у Чокрака были свои проблемы. Котловина грязевого Чокракского озера отделена от Азовского моря (бухты Морской пехоты) песчаной пересыпью. Лет 7 назад при сильном шторме эту пересыпь размыло и озеро залило Азовской водой. Соленость ее составляет в этом

районе 12-14 г/л. Для того, чтобы запасы грязи озера сохраняли свои лечебные свойства и нормально воспроизводились, они должны быть покрыты слоем рапы с соленостью не ниже 130 г/л. Индикатором пригодной солености служат маленькие, микроскопические рачки Артемия салина, которые могут существовать и, главное, размножаться только в диапазоне солености, примерно 120-140 г/л. Они, эти рачки, и еще какие-то водные солелюбивые организмы, отмирая, пополняют слой лечебных грязей. Конечно, биохимия там намного сложнее, но для нас это не очень важно.

Лет пять назад местный колхоз засыпал промоину строительным мусором и местным песком. Для них была важна дорога, идущая по пересыпи. А на само озеро им было наплевать. После этого Чокракское озеро вообще высохло и порылось грязевой коркой. Под коркой грязь еще сохраняла свои лечебные свойства, но положение было явно не нормальным. Машину мы поставили прямо на пересыпи, а для Светы с детьми рядом еще и палатку. Первым делом я с помощью нивелира выяснил рельеф пересыпи и нарисовал его в горизонталях. Затем, используя теодолит, с интервалом 100 метров наметил поперечные профили. Их получилось 14, то есть длина всей пересыпи была около 1,5 км. Каждый профиль мы разбурили серией скважин, в них отнивелировали уровень грунтовых вод и по керну определили коэффициент фильтрации. После этого не составляло труда подсчитать, сколько азовской воды фильтруется в котловину Чокрака. Вычислили водный баланс озера (величина притока – потери на испарение) и дали практические рекомендации для создания слоя рапы с нужной концентрацией солей. В разгар работ на пересыпь на своей «Волге» неожиданно приехал директор Ю.Б., бегло поинтересовался, как идут дела, и посадил Виктора Юдина. Я так и не понял, с какой целью он его к нам привез. Но Виктор, геолог с огромным полевым опытом, моментально вписался в нашу компанию и занялся тектоникой.

За пару дней до его приезда, мы Бенею попытались пополнить наш скудный рацион. Надули резиновую лодку и пару часов безуспешно пытались наловить бычков на удочку. Увы, ни одной поклевки. Пробовали разные наживки – все напрасно. Потом вспомнили, что над пересыпью часто летали чайки. Хитрые

птицы несли в клювах закрытые створками мелкие раковины. С большой высоты роняли их на пересыпь и если те разбивались, тут же садились и немедленно их поедали. Если ракушка не разбивалась, страшно разочарованные улетали за следующей. Расколотили мы несколько не разбившихся раковин. Наживили крючки и опять мимо. Не клюет и все.

Уже в темноте неподалеку от лагеря остановилась машина. Местные мужики сгрузили лодку с подвесным мотором, разматывали невод и через полчаса подтащили полуую мотню бычков. Я сообразил быстро: хватай тазик Беня, вот тебе деньги на бутылку (они явно за ней приехали) и дуй к рыбакам. Моментально Беня вернулся с полным тазом бычков. Бычки были мелкие, так называемый кругляк или песчаник. Но зато много. И прямо из моря. Света нажарила их полную кастрюлю. Все наелись свежей рыбы до отвала. Ту, что не доели, поставили под машину. Но к утру, бычки все равно испортились. Жара стояла страшная. Жалко, конечно, что пропала хорошая еда, но, что поделаешь. Все отказались их есть, только Беня не удержался. За жадность он был немедленно наказан – целый день не вылезал из кустов.

Ну а на следующий день класс показал Виктор. Он взял ласты, маску, трубку и подводное ружье. Пошел за пару километров к мысу Зюк. Подводная охота, можно сказать его вторая профессия. Он охотился в Черном море еще с детства. И, кажется, без добычи никогда не возвращался. У этого хаотического нагромождения скал он настрелял целый кукан громадных черных бычков. Тут-то мы опять полакомились свежей рыбой.

Немцу Дахроту очень нравилось месторождение Чокрак. Во-первых, практически неисчерпаемое количество первоклассной лечебной грязи. Во-вторых, до войны здесь уже была грязелечебница, рядом с довольно крупным источником чистой пресной воды, что для Степного Крыма большая редкость. В-третьих, географическое положение: 16 километров до города Кечи (железная дорога и морской порт), 8 километров до большого поселка Багерово (правда, грунтовой дороги). И наконец, в Багерово был брошенный военный аэродром с взлетной полосой рассчитанной даже на посадку «Бурана». Его запросто можно было реанимировать. Также свободная, незастроенная и не засеянная земля для создания санатория любого типа. Можно еще

добавить к прочим плюсам, шикарный полуторакилометровый песчаный пляж на пересыпи где с июня по октябрь можно было купаться в быстро прогревающейся мелководной бухте. К тому же рядом с озером находилось несколько скважин вскрывших минеральные воды с весьма интересным химическим составом. И хотя бальнеологический эффект этих вод никто не исследовал и на апробацию в институт курортологии их не представляли, по аналогии с другими месторождениями они представлялись весьма перспективными. А если даже и не так, то был другой вариант – привозить за 40 км сто раз апробированные феодосийские лечебные минеральные воды (в Европе это, кстати, тоже большой дефицит).

При любом раскладе получалось, что можно запросто создать курорт с целым комплексом лечебных процедур (климат, лечебные грязи, минеральные воды) - да таких и в мире практически нет. И что для этого нужно? Только приличные инвестиции – все остальное уже есть на месте. Но так казалось только мне. Чиновники как Киевские, как Энские и, наконец, как районные Ленинские, на территории которого располагался Чокрак, думали совсем иначе. Они хотели на этом погреть руки. Причем аппетиты, как я позже узнал, у них были фантастические.

Из Киева Дахрот вернулся мрачный. Майн Гот, я не понимаю эту страну. В Германии я знаю несколько солидных фирм и просто богатых людей, готовых вложить сюда миллиарды. Но ваши чиновники требуют немислимые взятки. Кроме того, по существующим здесь законам, владелец предприятия не может вывозить из Украины прибыль. А какой бизнесмен станет вкладывать капиталы, не получая от этого прибыль? Это нонсенс! Поэтому, предприятие просто не реально. Я очень разочарован.

Не знаю, толи поле переговоров Дахрота в Киеве, а потом в Энске, толи по другим причинам, но тему через три месяца перестали финансировать. Просто прикрыли проект без всяких объяснений. Однако полновесный отчет от меня представить потребовали. Более того, его в Киеве сразу не приняли. Дали еще пару недель на доработку. Мое возмущение, что за три месяца я и так сделал слишком много, включая трудоемкие полевые работы, плюс камералка - начальство не убедили. Будь они неладны эти чиновники от торговли и гинекологии. Первый случай в мо-

ей практике. Причем было не понятно, что конкретно хочет начальство. Обозленный до крайности я дополнил отчет десятками старых анализов из фондов Сакской гидрогеологической станции - огромными простынями по химии и биологии. Теми, что делались с десятков лет назад, во время тотальной оценки курортных ресурсов в Крыму. Довел объем отчета до 214 страниц текста и тогда его милостиво приняли.

Я Вам так скажу ребята. Не дай Вам бог вляпаться в такой проект, где начальство уже заранее подсчитывает дивиденды. Где чиновники разных уровней готовы глотку перегрызть друг другу, причем каждый считает, что объект принадлежит лично ему. Да еще в период всеобщей растащиловки и дерибана.

И когда через несколько лет тема Чокрака всплыла снова, я категорически отказался от участия в ней. Пусть с деньгами было туго – нервы все же дороже. Тогда её (тему) всучили бедняге Ю.И. Шутову. Он пришел ко мне и стал просить хотя бы черновик моего отчета, потому как единственный отпечатанный экземпляр отобрали киевские бонзы. Я дал ему эти материалы и предупредил, что бы он был с ними поосторожнее. Предостережение не помогло. Юрий Иванович, прекрасный специалист и человек таки получил инсульт. Работу ему пришлось отставить – полный инвалид. Ну, а что Чокрак? Месторождение так и не удалось никому захватить. Когда к лакомому куску тянется много желающих растолкать всех трудно. Зато грязь как безнаказанно воровали, так и воруют. Отчего не воровать? Хозяина ведь нет. Да если бы это были какие-то железки – за неделю бы вывезли на металлолом. А так грязь – её много не надо, путевки и процедуры-то дорогие. И для них грязь должна быть всегда свежей.

Маленькое отступление 17. Абсурдность деятельности ряда государственных служб была очевидна. Так же, как в работе некоего НИИ в романе Стругацких «Улитка на склоне, часть 2, Институт (в подлиннике Управление». Там некий командированный в институт Перец никак не мог понять, чем институт занимается. А там изготавливались некие кибернетические устройства и тут же сдавались на склад. Со склада они периодически сбегали. И тогда их надо было искать, но с завязанными глазами. Видеть секретное устройство было нельзя.

Вдобавок, через какое-то время они самоликвидировались – взрывались. От поисков освобождались те, кто занимался в этот момент какой-то общественной деятельностью. Сдавали нормы ГТО, проводили профсобрание и т.д. Вот все и занимались псевдодеятельностью.

Точно, как наше НИИ. Писали никому не нужные методические рекомендации (ибо все производство стояло), занимались экологической оценкой техногенного влияния на геологическую среду, причем с завязанными глазами. Все фонды были разворованы, а то, что в них оставалось, выдавалось за определенную плату. Платить же за пользование фондами было нечем. Практически все промышленные предприятия были приватизированы. В том числе горнодобывающие. А частные владельцы никаких сведений никому не давали, потому как коммерческая тайна. Маразм крепчал на глазах.

Поскольку никаких тем нам с Виктором Юдиным не предлагали, а со следующего года даже мифической зарплаты не светило – надо было что-то срочно предпринимать. Решили ехать в Киев с протянутой рукой. В столице поселились в общежитии геологического техникума. Каждый день ходили в Министерство, как на работу. И каждый день получали ответ – денег нет.

Зная, что столовки нам не по карману, а кроме бутербродов и чая надо бы хоть раз в день съесть что-то горячее, например супчик, пошли на хитрость. Привезли с собой из Энска большую кастрюлю и два кипятильника. Правда немного промахнулись – один кипятильник был слишком мощный, и закипевшая вода выплескивалась из кастрюли. Другой слишком слабый – вода в ней не закипала. Однако двух докторов наук это не смутило. Сначала мы доводили воду до кипения мощным кипятильником, а потом супчик доваривался как бы на малом огне. Продукты – овощи и кусочек мяса мы покупали на ближайшем рынке и по ночам, втихаря от дежурной, варили себе супчик. Так и выживали.

В один из дней заглянул я в Институт Геологических наук и встретил там Алексея Митропольского. Тот потащил меня в какую-то лабораторию, про пути объясняя ситуацию. Понимаешь, ко мне в аспирантуру хочет поступить один парнишка. Он

из деревни. Родители снарядили его в столицу по всем правилам. Снабдили бутылью самогонки, салом, домашней колбасой, цибулей. Я посмотрел на количество жратвы, выпивки и понял, что одному мне не управиться. Так что придется тебе помочь. Алексей, конечно хитрил. Накормить он меня не мог – видно сам перебивался с хлеба на квас. Но и такой случай упустить было грешно. За самогонкой и деревенской закуской просидели до темноты.

А в это время над Киевом прошел дождь и сразу же ударил морозец. Улицы превратились в каток. Тротуары, покрытые слоем льда, сверкали как зеркало. А на мне, как на грех были ботинки с совершенно гладкими, без единого рубчика подошвами. Не то, что идти, стоять на месте было невозможно – ноги тут же разъезжались. Попал, значит, я в положение диснеевского олененка Бемби. Падать же, несмотря на некую анестезирующую дозу самогона, было очень больно. Сердобольные прохожие меня поднимали, надевали на голову свалившуюся шапку и совали в руку уроненный портфель. Кое-как, цепляясь за столбы, прохожих и даже ментов добрался до метро. Впереди меня ждало новое испытание. Проклятый техникум был расположен на горке, влезть на которую в моей обуви было практически невозможно. Несколько раз я одолевал примерно треть подъема, но потом позорно скатывался вниз. Падая, разбил себе морду и видок был, наверное, устрашающий. На синяки на теле было наплевать – их не видно. Но вот лицо никуда не спрячешь. Наконец какая-то сердобольная киевлянка, видя мои нечеловеческие мучения, дала дельный совет. А Вы переберитесь на ту сторону улицы. Там вдоль забора травка растет. По ней не так скользко идти. Забор был бетонный и шероховатый – можно было опираться ладонями. Травка и вправду была менее скользкой. С долгими привалами все-таки одолел чертову горушку. Но на ступеньках общежития опять грохнулся. Заныли ребра. Я же не каскадер, чтобы кубарем скатываться по лестнице, ничего себе не ломая.

В номере было тепло. Виктор в одной рубашечке безмятежно листал какие-то бумажки. Где это ты так? Спросил он увидев мою окровавленную физиономию. Да везде, ответил я. Утром был сухой асфальт. А через два часа, когда вышел из ИГ-

На – сплошной каток. Кажется, у нас была заначена бутылочка коньяка? Немедленно доставай или я сейчас на твоих глазах умру. Друг без лишних слов достал бутылку, и мне малость полегчало. Все! Завтра в последний раз иду в министерство. Покажу свои увечья, авось сжалятся

В министерстве, увидев мое разбитое лицо, действительно сжалились. Деньги есть только на экологию, предупредил меня коллега. И то последние. Видимо, помимо моих ран, сработали давние хорошие отношения с сотрудниками главка Гидрогеологии, когда сам начальник главка нырял с моим аквалангом в теплые воды Азовского моря. Правильно писал Бальзак в одном из своих романов. Расставаясь со своим молодым любовником, уезжавшим в Париж, графиня (мудрая женщина) сказала ему: Денег я тебе не дам. Ты их все равно прогуляешь. Но я дам тебе нечто большее – связи. Связи и мелкий блат безотказно действовали во все времена и не только в Париже, но и в Киеве.

Тут же мы оформили и подписали госбюджетную тему с гнусным названием: «Выполнить региональную оценку состояния геологической среды в пределах рекреационных комплексов побережьях Черного и Азовского морей». Если память мне не изменяет, у Виктора имелись свои предложения открытия новых тем (проектов), причем куда более дельные и интересные, чем моя. Но, во-первых, наши замшелые чиновники не воспринимали Тектонику плит и все были махровыми «фиксистами». Во-вторых, Виктор был человек новый, пришлый и не имел знакомой графини, которая бы дала ему связи, пусть не в Париже, а хотя бы в Киеве. Поэтому, его предложения не проходили. У чиновников входу была совсем другая песня, с припевом «Даешь экологию!».

В приподнятом настроении я вернулся в гостиницу. Однако Виктор вовсе не разделял моей радости. Я экологией я заниматься не буду – мрачно изрек он. Не будучи чиновником, я прекрасно понимал его чувства. Забивать микроскопом гвозди и неудобно и неразумно. Ладно, уж меня приучили заниматься всем от АЭС до Чокракских грязей. Ему же, специалисту экстра-класса в области тектоники и структурной геологии предлагали заниматься какой-то экологией. Как шутили наши коллеги: ну не царское это дело. Для «профи»-тектониста, по существу, предла-

гали подметать двор. Выход я нашел быстро. Давай сделаем так, экологией буду заниматься я, а ты двигай вперед любимую тектонику. До окончания темы три года. И не просто три года, а с зарплатой. Неужели мы, два доктора, не найдем выхода? Опять же, за три года всякое может случиться: либо ишак, либо сутан помрет. Наконец, мы же можем уложить всю эту прибрежную экологию на твою новую тектоническую схему. Получится совершенно новый и очень интересный подход к эколого-геологическому районированию. Уговорил...

Маленькое отступление 18. Идея выделить границы экологических таксонов по тектоническим критериям была действительно нова. И Виктор сотворил замечательную тектоническую схему украинского Причерноморья. Но всю песню испортили наши начальники. И в первую очередь старый бюрократ - зав. отделом. Он заявил, что при районировании в отчете можно использовать только последнюю из официально изданных и утвержденных редсоветом тектонических карт. Иначе отчет не примут. Я с трудом уговорил Виктора не устраивать корриду на Ученом совете. Если уж чиновники действительно придумали это идиотское правило, то ни за что от него не отступятся. Ну потратим мы нервы убеждая совет, а из Киева нам этот отчет завернут (обязательно будет кляуза от «доброжелателей»). Уж лучше мы сделаем из этого отчета монографию. В монографиях нет таких жестких правил – там все дозволено. Скрипя зубами, Виктор согласился.

Провели границы по его геодинамической модели, но в фоновую основу подставили официальные несуществующие блоки, палки и бублики. Но кого это волновало. Зато отчет приняли на ура. Вопреки всем правилам ссылок на литературу, на наш отчет стали ссылаться даже в солидных академических изданиях. Потому как монографию мы так и не успели написать. Все это будет потом, через три года. А пока надо было отправляться в городские кассы за билетами в Энск.

Народу в городских железнодорожных кассах было немного. Но зато и билетов в Энск не было совсем. Мистика какая-то. Зима, холодина, не сезон, а билетов нет. Продолжать голодовку

в Киевской гостинице вовсе не хотелось. Неужели вообще никаких билетов нет, ну хоть в общем вагоне, хоть боковых? Спросил я кассиршу. Почему никаких? – ответила кассирша. Есть в СВ. Мы срочно стали прикидывать свои финансовые возможности. Возможностей не хватало. И тут эта кассирша неожиданно предложила: А вы берите СВ на Севастопольский поезд. Он идет на пару часов дольше, но зато в этом поезде билеты в СВ по цене обычных купейных. Я немедленно сунул в окошечко деньги – нам пожалуйста два.

Выйдя на улицу, первое, о чем спросил Виктора, ездил ли он когда-нибудь в СВ. Не приходилось – ответил он. Это крупный пробел в твоём образовании. И сегодня ты его восполнишь. Однако в этих вагонах есть одна особенность – садиться в них надо обязательно с бутылкой коньяка. Где Виктор достал коньяк – до сих пор не знаю. Но в купе мы вошли с бутылкой. Там было тепло и идеально чисто. Койки уже застелены хорошим бельем. Полный комфорт. Я предвкушал провести приятный вечер с другом в уютной обстановке, без всяких случайных попутчиков – ибо купе то двухместное. Но все испортил какой-то хмырь, якобы тектонист, вздумавший проводить Виктора. Он ввалился в купе и болтал как попугай до самого отправления поезда. Но самое главное – пришлось налить и ему, от чего наша доля благородного напитка в единственной бутылке существенно уменьшилась.

Я вспомнил, что уже второй раз вляпался в такую ситуацию. Первый раз это случилось в Москве, откуда мы уезжали с Людмилой Александровной. Тогда меня вздумал провожать брат. Тоже вошел в купе и, тоже пришлось открыть единственную бутылку коньяка (после её покупки в Елисеевском денег у нас осталось три рубля). Приняв на грудь коньячку, брат расчувствовался и заявил: “Ребята, а возьмите меня с собой! Так осточертела Москва! И так хочется проехаться с Вами в Эиск.” Под эти причитания наша бутылка тоже уменьшилась ровно наполовину. И точно также денег на восполнение утраченного напитка у нас не было. Ирония судьбы – едешь с приятным попутчиком коньяку всегда в обрез. А когда с неприятным – хоть залейся.

19. БОЛТАНКА, ОПЯТЬ ПОТЕРЯ ВЫСОТЫ

То, что мы вернулись из Киева, с подписанным проектом сильно озадачило наше начальство. Похоже, они уже поставили на нас крест. Теперь же из нас двоих, докторов наук, создали уникальную лабораторию «комплексных исследований прибрежной зоны моря». А поскольку были деньги, срочно дополнили ее еще одним мощным специалистом - буровиком Женей Марценюком. Этот хороший мужик и добряк, к сожалению, имел с экологией такое же близкое знакомства как я с Папой Римским. Должность заведующего лабораторией с таким обширным штатным составом меня не сильно обременяла. К тому же я предоставил сотрудникам полную свободу творческого поиска.

Казалось бы все хорошо. Есть тема на три года. Зарплата обеспечена. Но, увы, на нее невозможно было прожить. Бешеная инфляция заставляла тратить все эти купоны немедленно. В одночасье все мы стали и миллионерами и нищими. Никого это не радовало. Все искали любую возможность как-то и где-то подработать. Начиная с 1991 года работы на стороне стали нормой. Например, осенью 91 года меня пригласили в Севастопольский Горисполком на совещание по проблемам водоснабжения города и т.д.

Маленькое отступление 19. Препрежние попытки решить проблемы водоснабжения города Севастополя питьевой водой с участием гидрогеологов Крымгеологии кончились плачевно. Бравые ребята решили перевести часть подземного стока с массива Ай-Петри в поверхностный. Для этого у истока реки Черной (а это по существу источник – воклюз Скульский) пробурили 5 скважин каждую глубиной в один километр. Статический уровень в скважинах установился на глубине свыше 140 м от устья. Два года искали насосы, чтобы качать воду с такой глубины. Когда же их с невероятным трудом достали, потребовалось провести к скважинам энергообеспечение. Когда все это чудо сотворили и качнули, то немедленно посадили Скульский источник. То есть, ту водичку, которую Скульский источ-

ник отправлял самотеком в Чернореченское водохранилище, теперь надо было качать насосами. Безобразие это немедленно прекратили, но во что обошлось бурение скважин и кому, так и осталось тайной. Естественно, еще раз иметь дело с Объединением Крымгеология Севастопольский горсовет не хотел.

А положение с водой в Севастополе было катастрофическим. Горожанам она подавалась по два часа в сутки. В условиях засушливого года Чернореченское водохранилище было выработано до мертвого объема. Вдобавок, часть воды сбрасываемой из водохранилища не доходило до городских водозаборных сооружений – скважин в аллювиальных отложениях у устья реки Черной. Она где-то терялась по дороге. Решить эту задачу – определить потери руслового стока в области развития карстующихся пород можно было только гидрометрическими методами.

Тут я вспомнил, что по первому образованию я, все-таки, гидролог и могу эту работу запросто выполнить. Через одну хитрую организацию заключил с горисполкомом договор. Получил аванс и взялся за дело. Никаких гидрометрических приборов в нашем НИИ не было. И быть не могло. Тогда я отправился в Управление гидромелиорации Крыма и среди гидрологов быстро отыскал бывшего выпускника Ленинградского Гидромета. Вспомнили с ним Alma Mater, изложил свою просьбу и он без всякой оплаты выдал под расписку две новенькие гидрометрические вертушки и к ним штанги. Затем забрел в спасательную службу и уже за деньги (правда, смешные) взял во временное пользование две малогабаритные радиостанции «Карат». Мужики предупредили, что в горах они плохо работают, но при определенных условиях связь до 5 – 6 км можно обеспечить. Полевой отряд сформировал быстро: я, как начальник, Гена, как водитель, Юра Шутов как гидрогеолог и еще двое помощников. Погрузились все в ГАЗ-66 и отбыли. Еще в Севастополе нам выдали разрешение на производство работ и записку на охотничью базу в Байдарской долине.

Охотничье хозяйство занимало вполне приличную дачу под названием «Приют Скитальца». Говорили, что это действительно бывшая дача известного писателя – прозаика издававшегося под псевдонимом Скиталец. Внутрь дачи мы не попали, но ох-

рана отвела нам два вполне комфортабельных вагончика. Это было даже удобнее – полная автономия и бесплатное жилье. До входа в Чернореченский каньон было всего километров пять. На первом входном створе я решил остаться сам, а всю остальную группу направить вниз по течению р. Черной. Тут неожиданно взбунтовался Юра Шутов: без тебя в каньон не пойду! Пришлось взваливать рюкзак и пробираться в глубь каньона. Как позже выяснилось, Юра был абсолютно прав, причем сразу в двух позициях. Во-первых, найти относительно прямолинейные участки русла в прихотливых извилах каньона было далеко не просто. Тут нужен был опыт профессионала гидролога. Не так то просто было разбить створ сделать грамотные промеры и выбрать рабочие вертикали. Слушая, как я называю глубины погружения вертушки, Юра только удивлялся. Откуда ты все это знаешь? Да знания, вбитые в голову в Ленинградском Гидромете и опыт работы в Якутии, никуда не пропали. Во-вторых, не влезь я в каньон, никогда бы не увидел всей его дикой красоты. Вот за это благодарен Юре по гроб жизни.

Рации работали исправно, и связь с первой группой была устойчивой. Мы одновременно начинали измерения расхода, что было весьма важно. Работали с огоньком. Но с каждым днем уставали все больше, так как приходилось преодолевать обратный путь по непростым тропинкам вдоль реки, а путь становился все длиннее. Связь с каждым днем становилась все хуже. Вся длина каньона составляет около 17 км. Чтобы сократить время холостых обратных проходов, решили оставшиеся 5 км сделать со стороны Севастополя. Рация на расстояниях более 10 км вообще была бесполезной. Тогда мы сверили часы и проводили замеры в оговоренные заранее периоды. На всю эту работу ушло около недели. Провели измерения на 17-20 створах, то есть примерно через каждый километр.

Когда я просчитал все расходы и нанес результаты на карту, получилась занятная картина. На некоторых участках терялось до 50% !!! поверхностного стока. На других прибавлялось 15-20% за счет подрусловых источников. С уверенностью можно было говорить, что до водозабора не доходит 25-30 % воды, сброшенной из Чернореченского водохранилища. Я написал подробный отчет и поехал с ним в Севастопольский горисполком.

Объяснил, что измерения проводили при минимальных сбросах. Они составляли всего 1.0-1,5 м³/с. При больших сбросах могут соответственно увеличиваться и потери.

Чиновники долго судили и рядили: такие потери стока их явно не устраивали. В городе экономили каждый литр. Тогда мной было предложено другое решение: в местах наибольших потерь соорудить бетонные лотки. Их потребуется всего три – четыре. Но вот длину лотков и их точное расположение надо было установить дополнительными исследованиями, в частности электроразведочными работами. Чиновникам такая идея локального бетонирования русла понравилась, и они пообещали подумать, как и где найти на это деньги. В изготовлении установлении бетонных лотков была кровно заинтересована какая-то Севастопольская строительная военная организация. Видимо, она продавала в исполкоме решение о проведении работ на реке Черной.

Через некоторое время нас опять пригласили в Севастополь. Со мной поехали Виктор Юдин и Сережа Пивоваров. Для начала хозяева закатали шикарный пикник на лоне природы. Потом отвезли в роскошную квартиру на ночлег. Это была не обычная гостиница, а прекрасно обставленная трехкомнатная квартира, которую исполком держал для элитных гостей. Оставив в прихожей кучу бутылок (коньяк, водка виски), хозяева пожелали нам спокойной ночи и удалились. Меня особенно поразило ковер в гостиной с очень длинным пушистым ворсом. Ноги в нем просто утопали. Подобные ковры доводилось видеть только мальчишкой в Ленинградском доме офицеров на Литейном проспекте. Мне всегда казалось, что топтать такие ковры ногами – кощунство. А самое приятное – это просто поваляться на них вволю, полежать. Об этом я немедленно сообщил коллегам и растянулся поперек гостиной. Из гостиной была прекрасно видна батарея бутылок в прихожей. И само собой напрашивалось «требование продолжения банкета». Продолжение банкета сопровождалось хорovým исполнением геологических песен. В три часа ночи к нам в номер зашла горничная. Она застала в номере такую картину: три мужика в трусах, лежа на великолепном ковре, исполняли очередной геологический шедевр. Видимо горничная за свою жизнь насмотрелась всякого. Она нас не ругала,

не стыдила, а только попросила петь потише. И тут Сережа сделал гениальный ход. Он тоже отменно вежливо предложил ей составить нам компанию. Горничную как ветром сдуло.

Утром за нами должна была прийти машина и отвести в Чернореченский каньон. Кое-как умывшись, мы с удивлением обнаружили, что в номере была первоклассно оборудованная всем необходимым кухня с посудой и прочим кухонным атрибутом. То есть вечером мы до кухни так и не дошли. В машине ехали молча. Когда все пошли по тропинке в Каньон, я решил не насиловать организм. С полдороги отстал, а потом и вовсе вернулся в машину. На этот каньон я уже насмотрелся.

Договор с Севастопольским горисполкомом мы все-таки подписали. Но полевые работы провели без меня. В них участвовали геофизики, Виктор и Сережа. Электроразведка показала, что на выделенном мной участке под руслом имеется несколько карстовых полостей. Возможно, вода в них и уходила. Другой возможной причиной исчезновения воды было ее поглощение в нижнемеловых песчаниках и конгломератах, слагающих главный водоносный горизонт Предгорного Крыма. Ребята написали и сдали отчет с нашими предложениями. Но дальше дело заглохло. Видимо на строительство бетонных лотков денег не нашлось. Но это уже нас не касалось.

Другая смешная подработка заключалась в оценке экологического состояния бассейна реки Бельбек. Почему вдруг Севастопольские власти заинтересовались Бельбеком, не знаю. Я предложил им сделать такую оценку самым современным способом – определить степень токсичности русловых вод. Как уже упоминалось, НИИ монопольно владело прибором Биотестер-2. Однако договор я оформил не на институт, где у исполнителя отбирали 80% ассигнований, а через Фирму при горисполкоме, которая оставляла исполнителю 40%. Причем, благодаря этой фирме почти всю сумму я перевел в командировочные расходы, которые налогами не облагались. И вовремя успел, так как через полгода эту практику запретили.

Дальше все было просто. Я подошел к Гене и сказал, что надо прокатиться вдоль всей реки Бельбек. А, что это будет стоить? – поинтересовался Гена. Миллион наличными, сказал я. Считаю до трех: раз... Я согласен мгновенно отреагировал Гена.

Только я поеду на своей машине, она меньше бензина жрет. Так и сделали. Потом притащили ящик с пробами Свете Петренко. По какой теме оформлять расходы? - поинтересовалась она. Ни по какой, плачу наличными. Раз... я согласна.

На оставшийся миллион я купил Людмиле Александровне новую пушистую кофту. Как и всякой женщине, ей хотелось обновку. О своей халтуре ничего ей не говорил. Просто под благовидным предлогом затащил в универмаг «Крым». Она долго стояла у стенда с кофтами. Все они стоили одинаково. Пока она раздумывала, какую взять, я подошел к кассе и заплатил деньги. Когда уже вроде выбрала, вдруг спохватилась. Нет! Братъ не буду – дорого. Девушка, позвал я продавщицу – заверните даме кофту – вот чек. Более счастливой ее практически не видел. Как немного надо, что бы порадовать женщину. Всего то миллион бумажек, которые заработаны за три дня.

В эти трудные времена мне во многом помог Виктор. Он пристроился сам и протащил меня в Киевскую фирму УкрНАФ-ТИнвест. Сам-то он в нефтяной геологии дока. Но я здесь вроде не причем. Тем ни менее пару отчетов написали. И через сберкассу нам капали хоть и не большие, но все-таки реальные деньги. Вот так и крутились в разных фирмах и конторах, расположенных не только в Энске, но и весьма далеко от него. Иначе было просто не выжить.

После окончания темы и защиты нашего с Виктором отчета в конце 1996 года, сразу грянул скандал с островом Змеиный. Румыния вдруг заявила, что Змеиный вовсе не остров, а так просто скала, торчащая из моря. И она, кстати, в незапамятные времена принадлежала Румынии. Остров был необитаемый. И ни одного румына там никогда не было, по причине отсутствия на острове пресной воды. Как там и зачем древние греки ухитрились в античные времена построить храм Ахиллеса – непонятно. От храма давно ничего не осталось – его камни пошли на постройку маяка. Остров действительно плюгавенький – площадью в один квадратный километр. Никакой хозяйственной деятельности на нем не велось и не ведется. А раз так, то объявленное собственностью вокруг него Украиной морское дно ей не принадлежит. И подали Румыны в международный суд, претендуя на значи-

тельный кусок шельфа, между прочим, потенциально нефтегазозоносного.

Украина немедленно развила бурную деятельность: на остров высадили десант пограничников, и отстроила метеостанцию. (Точное повторение с косой Тузла в Керченском проливе: стандартный набор – погранзаства и метеостанция). Больше там ничего не поместилось. Ну а в наше НИИ пришла бумага, что надо немедленно «Разработать методическое обоснование эколого-геологических исследований на основе материалов полигона о. Змеиный.» То есть вокруг острова изобразить бурную хозяйственную деятельность. Даже приличные госбюджетные деньги на это отсыпали. А поскольку в НИИ существовала всего одна лаборатория, хоть как то занимающаяся морскими исследованиями выполнять этот проект поручили мне.

Поручить то поручили. Вот как его выполнять было непонятно. В лаборатории числилось по штату три человека. Плавсредств никаких нет. Как и кто будет работать на полигоне? Мне удалось уговорить директора НИИ заключить субподряд с хитрой организацией - Научным центром проблем моделирования в экологии и рекреационной географии (НЦ ПМЭРГ). Возглавлял его академик НАНУ В.И. Беляев. По существу эта фирма являлась придатком Морского гидрофизического института расположенного в Севастополе. Шустрая фирма, получив денежное вливание, привлекла к работе несколько академических и отраслевых институтов; МГИ. ИнБЮМ, ИГН, ЮгНИРО. Кроме того, в работе по проекту принимали участие специалисты Одесского университета, Украинского научного центра экологии моря (УкрНЦЭМ) и целого ряда других организаций.

Заправляла всем этим помощница В. И. Беляева, Елена Евгеньевна Совга. За одну организаторскую деятельность этой даме при жизни надо было бы поставить памятник. Благодаря ее усилиям уже 1997 году были изданы типографским способом временные методические рекомендации (по существу монография объемом 112 страниц формата А-4 12-м шрифтом) – т. е. обоснование для работы на полигоне. Причем авторами рекомендаций стали два доктора геолого-минералогических наук, один доктор физико-математических наук и девять кандидатов наук (географических, геолого-минералогических, физико-

математических, биологических и химических наук) и все под редакцией академика Национальной АН Украины В.И.Беляева. Это был совершенно убойный научный коллектив, как по составу участников, так и по научному авторитету. Посему рекомендации получили блестящие рецензии и были мгновенно согласованы в министерстве в Киеве.

Но на этом все мои удачи в 1997 году и кончились. В начале года со мной случился инфаркт. Пришлось три месяца проваляться в разных кардиологических заведениях. Увезли прямо с работы, можно сказать с Ученого совета. И не удивительно, поскольку на совете директор объявил об отсутствии финансирования, что НИИ бодро идет ко дну, здание забирают и продают, а зарплату скоро платить перестанут.

Маленькое отступление 20. *Самым паршивым в реанимации, не считая неграмотного лечения, было то, что больных не кормили. Приносили только кипяток с прошлогодней заваркой и кусочек черного хлеба. И это все. Элементарно можно было подохнуть не от инфаркта, а от голода. Кое-что приносила Людмила Александровна – сигареты, печенье, бутерброды. Но более всего меня тронуло посещение жены Жени Марценюка – Танечки, которая в это голодное время ухитрилась принести мне несколько котлет и картофельное пюре. Она явно оторвала это от семьи и этот дар невозможно не оценить. Слава богу, меня через десять дней перевели в кардиологический центр. Там хоть плохо, но все-таки как-то кормили. Из двух моих реанимационных однопалатников один самый молодой умер через два дня. Мы двое еще как-то держались.*

Через две недели нам предложили поехать в реабилитационный центр в Ливадию. Я долго сомневался, а потом сказал Людмиле Александровне так. Везут туда бесплатно, на скорой, в сопровождении врача. Путевка на три недели. Если и там жрать нечего – я сбегу сразу. У меня заначена десятка – на троллейбус хватит и пяти гривен.

К нашему удивлению в Ливадии нас ожидал настоящий рай. Двухместные палаты с прекрасной мебелью. Трехразовое питание в ресторане с приличным выбором блюд. Отличная физиотерапия, массажи, любые лекарства. И все бесплатно! Это

был какой-то крошечный островок благополучия в погибающей от голода Украине. И в первый же день мой сосед по палате, огромный шоферюга, притащил к ужину бутылку коньяка Ай-Петри. Я составил ему компанию в виде пары рюмок. Несмотря на уговоры оставить хоть треть бутылки на завтра, сосед ее прикончил. Больше нарушать режим я не решился. А этот тип употреблял через день и хоть бы что. Сильный был мужик.

В Ливадии я закончил какую-то недописанную статью. Побродил по царской тропе. Прочел пару книг из местной библиотеки. А дальше стало совсем скучно. В местном клубе показывали кино. Устраивали неплохие концерты, танцы. Сосед по палате, употребив коньячку, рвался на танцы. Туда в поисках приключений приходили дамы их соседнего санатория. Но я поделился с соседом информацией: всех этих дам категорически предупреждают, чтобы не связывались с нашим братом – инфарктниками. Уже были смертные случаи, и администрация обеих санаториев стоит на ушах. Сосед не поверил. Пошел, но скоро вернулся. И правда, бабы там от нас шарахаются как от прокаженных.

К концу 17-го дня появились подозрительные перистые облака. Стрелка барометра висящего в вестибюле поползла вниз. Я зашел в ординаторскую и попросил подготовить мне выписку. Да у Вас же еще несколько дней, куда Вы торопитесь? Как бывший синоптик я Вам говорю ответственно. Идет фронт. Сейчас конец марта. В Ливадии может и дождем обойдется, а на перевале пойдет снег. Его закроют и неизвестно насколько. Утром все небо затянуло фронтальной облачностью. Забрав выписку и наскоро позавтракав, я на автобусе добрался до Ялты. Пока ждал троллейбус, покатил жигуленок. Тебе в Энск? Ну, да, в Энск. Только я с тобой не поеду – денег нет. Слушай, сейчас не сезон. Мне обратно придется вообще порожняком ехать. Пятерку дашь и я тебя мигом доставлю. На том мы и сговорились. А метеорологическое чутье меня не подвело. Уже на перевале повалил снег. Мы проскочили наверно последними. Перевал же закрылся на двое суток.

На следующий день, не смотря на незакрытый бюллетень, я поплелся на работу. Там был полный завал с документами. Кро-

ме того из Киева прислали кандидатскую работу, где мне предстояло на защите быть официальным оппонентом. Я закрутился как белка в колесе. Потом позвонила из Питера Алиса. Знаешь, маме очень плохо. Я протянул еще неделю, надеясь, что все обойдется. Опять звонок – маме совсем плохо. Бросил все дела, попросил Виктора написать отзыв на диссертацию, позвонить в Киев и предупредить, что на защиту не смогу приехать. Утром собрался в аэропорт, но меня опередил звонок. Мама умерла. В аэропорту оказалось, что рейсов в Питер вообще нет. Не сезон. Пришлось лететь через Москву с пересадкой. Это был мой последний полет.

20. ПЕРЕХОД В ПИКИРОВАНИЕ

После инфаркта и смерти мамы все остальное казалось мне каким-то незначительным и никому не нужным. На похоронах мамы поведал родственникам об инфаркте. На что муж моей уже покойной двоюродной сестры Валентин Дрозд небрежно заметил: Подумаешь! У меня уже их три было. Бодрячком я держусь потому, что Штатах мне сделали операцию по шунтированию. Валентин зря хорохорился. Через два года он умер прямо за рабочим столом.

После возвращения в Энск, инфаркт сразу дал о себе знать. Вещей у меня было довольно много. Встретившая меня на вокзале Людмила Александровна категорически отказалась брать такси – она его просто не признавала. Кроме того, денег у нас практически не было. А до дома идти то было всего полтора квартала. Она нагрузилась самыми тяжелыми вещами. Но мне даже две оставшиеся сумки тащить было тяжело. Остановился, проглотил таблетку нитроглицерина. Не помогло. Не доходя до мостика через Салгир, все завертелось у меня перед глазами. Очнулся лежа на асфальте. Людмила запускала сердце по всем правилам – не зря на десять лет проработала в скорой помощи. Вообще то, это была клиническая смерть. Дальше, она по частям перетаскивала вещи сама.

Уже дома ее спросил: “Почему скорую не вызвала?” На что получил вполне квалифицированный ответ. А я то, зачем при тебе? Пойми, тут все решают секунды. Пока бы бегала в поисках телефона, пока бы скорая приехала – тебя бы уже не было. А сейчас, что чувствуешь? Правильно, слабость и ребра побаливают. Но я тебя еще пожалела. При правильном запуске сердца обязательно пара ребер должны быть сломаны. Если нет – с врача потом спросят по полной. Счастлив твой Бог – еще легко отделался. А остановка сердца могла произойти и в такси и при подъеме по лестнице. Да, с профессионалами лучше не спорить. У них своя логика. Доведенная до автоматизма программа действий и быстрая реакция.

Отлежавшись пару дней, я пошел на работу. Коллеги все понимали. Виктор советовал прибегнуть к испытанному средст-

ву – врубиться в работу, этот парашют спасает от всего. Главное от ненужных мыслей и переживаний, твердил он. И был, конечно, прав, потому как ничего другого не оставалось. До конца года у меня благодаря мудрому совету Виктора набралось семь публикаций и закончен раздел в отчете севастопольцев по разработке нормативных документов и критериев оценки экологического состояния морских вод и донных осадков. Мое собственное экологическое состояние никак не улучшалось.

В следующем году предстояло принять участие в полевых работах на полигоне острова Змеиный. Полгода утрясали программу работ и всякие детали. Наконец определились с пароходом, который выделяло объединение Причерноморгеология, расположенное в славном городе герою Одесса. Я даже смотался туда на пару дней и оформил все бумаги. Не забыл заскочить в лабораторию Одесского университета к доценту Владиславу Павловичу Резнику.

Дело в том, что Одесский Университет был головным предприятием при защите моей докторской. Я отправил тогда, как и положено, экземпляр диссертации в Одессу. Отправил поездом с проводником. Думал, так будет быстрее. А получилось так, что этот поезд где-то между Херсоном и Каховкой прочно застрял. Точно, как в той песне про матроса Железняка: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону – в засаду попался отряд...». Поезд тоже попался в техническую засаду – бардак в первые годы незалежности Украины был чудовищный. Получив мою телеграмму, Резник пошел на вокзал встречать поезд. Но попавший в засаду поезд проторчал в ней два дня. И все эти двое суток Резник героически ждал на вокзале мой 500 страничный фолиант. Ибо никто не знал, когда поезд придет. А он понимал, что потерять отпечатанный и полностью оформленный экземпляр диссертации для меня смерти подобно. Просто защита не состоится. И он таки дождался этот треклятый поезд. Без моего участия (это правилами допускалось), провел его через Ученый совет и написал прекрасный положительный отзыв. А ведь он бал старше меня по возрасту и дома его ждала больная жена.

Самого Владислава Резника я практически не знал – лишь редкие мимолетные встречи на каких-то совещаниях, конференциях, читал его некоторые статьи. Надо было как-то отблагода-

рить коллегу. Зашел в лабораторию, а он меня обнял как родного. Говорю ему: «Дорогой мой Слава, да я тебе должен как минимум ящик водки и за прекрасный отзыв и за героическое ожидание на вокзале!». И услышал в ответ: «Это я тебе должен! И за удивительную твою работу и за знакомство!». Но выпить нам так и не удалось. Он торопился на лекцию в университет, а я первое время после инфаркта практически не пил. Так мы и расстались, не обмыв мой докторский диплом. Позже от коллег я слышал о нем самые восторженные отзывы и как о человеке необыкновенной доброты и как о прекрасном специалисте. Увы, еще раз пообщаться нам не удалось. Резник скоропостижно скончался. Хорошие люди часто уходят рано. И до сих пор меня мучит мысль, что надо было тогда наплевать на все. Хотя бы зайти в кафешку и опрокинуть по сотне грамм коньяка.

Может по этой причине или по каким-то другим, но с командировками в Одессу у меня не заладилось, как будто кто-то колдовал. Когда настало время и надо было ехать на полигон острова Змеиный, опять же через Одессу, я послал Женю Марценюка на вокзал за билетами. Пока он ходил за билетами, я, будучи абсолютно трезвым, споткнулся дома об ковер и подвернул ногу. Случай, нелепей не придумаешь. Но нога распухла, и наступить на нее, увы, не могу. Толи трещина, толи сильное растяжение связок – не знаю. Одно понятно, что командировка накрылась медным тазом.

Далее звонит Женя и радостным голосом сообщает, что билеты он взял, и завтра встречаемся на вокзале у вагона такого-то. Отвечаю ему: Ты рано радуешься. Зайди ко мне сейчас же, поскольку живу рядом с вокзалом. Хватаясь за мебель, с трудом доковылял до прихожей, что бы открыть дверь. Видишь, какая чертовщина со мной приключилась. Придется сдавать билет. Практичный Женя тут же предложил другой вариант. До работы ты все равно не дойдешь. Билет твой сдавать не буду, командировку тебе отмечу, так что сиди дома, а я один там справлюсь. Так и сделали, еще не зная, что если что-то не заладилось, так это надолго. Женя около месяца просидел в Одессе, но судно в море так и не вышло. Вернулся он Энск не солоно хлебавши. С научными рейсами такие задержки случаются часто. Задержки скорее правило, чем исключение.

Точно также Алексей Митропольский просидел месяц в Севастополе. А началось все тоже с пустяка. Пришел я на вокзал с ним повидаться и вдруг по трансляции объявляют – поезд дальше не пойдет. Всем, кто едет до Севастополя, надо пересесть на электричку. Легко сказать – пересесть. У Алексея все купе под завязку забито приборами. Десятки ящиков и сундуков не повернуться. Хорошо с ним в экспедицию ехали трое крепких ребят. С полчаса они вытаскивали это имущество на перрон. Чтобы не терять время даром, мы с Алексеем соорудили из приборных ящиков стол и подобие сидений. Посреди перрона забитого пассажирами раскупорили бутылочку коньяка, разложили закуску и спокойно просидели до прихода электрички. Толпа вокруг, особенно мужики нам по-черному завидовала. По взглядам было видно. Крепкие ребята, так же молча, затащили оборудование в электричку. Как водится, пожелал Алексею семь футов воды под килем и удачного рейса. Пожелал от всей души, только все впустую.

Кажется в этом же году, осенью, Черноморское пароходство решило призвать ученых на помощь в решении своих проблем. А проблем у них накопилось предостаточно. Особенно их волновало одна из протоков в дельте Дуная с символическим названием «Прорва». Совещание проходило в городе Измаил, который прославил великого русского полководца Александра Васильевича Суворова удачным штурмом одноименной турецкой крепости. От самой крепости с тех времен ничего не сохранилось, кроме глубоких заросших травой и кустарником рвов ее опоясывающих. У одного из рвов прилепился маленький провинциальный музей с копией картины «Штурм Измаила», парой старинных мушкетов, сабель и ятаганов.

Маленький, зеленый и уютный Измаил, тем ни менее имел пару прекрасных гостиниц, в холлах которых и проходили секционные дискуссии. Пленарные доклады организовали в помпезном, но изрядно обветшалом здании Дунайского пароходства. При вселении в гостиницу произошел забавный случай. Мне и одному из замов нашего НИИ достался одноместный номер с одной двуспальной кроватью. С этим замом мы были далеко не в лучших отношениях, и провести с ним ночь в одной кровати представлялось мне специально подстроенной подлянкой. После

короткого, но бурного объяснения на «ресепшен» нам выделили по отдельному номеру и мы успокоились.

Маленькое отступление 21. Проблема «Прорвы» заключалась в узости фарватера и быстрого заполнения его наносами. К сожалению, в нашей секции собрались одни геологи и суть вопроса они понимали слабо. Во мне же выиграл гидролог, и я попытался донести до собравшихся простую идею. Коллеги! Вы из окна можете посмотреть на Дунай. Он отнюдь не голубого цвета, как поется в знаменитом вальсе композитора Штрауса. Он желтый от массы взвешенных наносов, скорее всего лессовидных суглинков. Эти же породы слагают всю гигантскую Дунайскую дельту. Что происходит в спокойной воде? Наносы осаждаются на дно согласно закону Стокса. В движущемся потоке они тоже могут осаждаться, но согласно закону Эри, в котором говорится, что осаждение пропорционально шестой степени скорости течения. Вот мудрецы из Дунайского пароходства предлагали на пленарном докладе варианты расширения «Прорвы». А к чему это приведет? При увеличении живого сечения руслового потока неизбежно уменьшится скорость течения. И согласно закону господина Эри все или, по крайней мере, большая часть взвешенных наносов осядет на судовом фарватере. Углублять его придется непрерывно. Поэтому, предлагаю не расширять берега «Прорвы», а наоборот сузить. Дунай сам будет выносить взвеси в море. А уж организация движения по зауженному каналу – дело самих моряков. В общем, занесли мое мнение в протокол, на том все и кончилось.

После окончания конференции нам устроили роскошную экскурсию по Дунаю с остановками в Рении, Кили и Вилково. Но вот странное совпадение. В Одессе, садясь на Энский поезд мы опять оказались в одном купе с этим замом (в то время он работал директором ЮгГеоцентра). Перед посадкой гостеприимные одесские геологи нас основательно напоили. Да еще в дорожку пару бутылок сунули. Вагон был СВ, весьма древний. Полки располагались друг над другом. Поскольку подвернутая нога у меня еще болела, я решительно занял нижнюю. В начале, мы мирно попивали одесскую водку – так сказать продолжение бан-

кета. Но выпив, поссорились, даже не помню по какому поводу. Ругаясь, зам. полез на верхнюю полку, что естественно наши дальнейшие отношения никак не улучшило. Видно от судьбы не уйдешь.

Что касается полигона у острова Змеиный, то полевые работы в конце концов выполнили два Евгения: Марценюк и Севастьянов. В конце 1999 года мы благополучно защитили отчет. Только Украине это не помогло. Румыния все равно оттяпала лакомый кусок Черноморского шельфа. Раньше надо было шевелиться. Денег в НИИ опять не стало. Часть сотрудников уволилась. Мою лабораторию расформировали, а ее заведующего опять перевели в ведущие научные сотрудники. Женя Марценюк перешел в другое подразделение – наблюдателем на пункт у «Красной пещеры» наблюдающий якобы за предвестниками землетрясений. К концу года было принято решение, что НИИ прекращает самостоятельный полет. Теперь оно становится Крымским филиалом Украинского Государственного Геолого-разведочного института (КФ УкрГГРИ).

Ну и в октябре 1999 года я отметил свое шестидесятилетие. Отмечать пришлось три раза. Для коллег НИИ снял небольшое кафе, где мне без лишней помпы вручили знак «Почетный разведчик недр Украины». Помпы не было по той причине, что этот знак уже давно вручили всем, кто терся поближе к начальству (даже борт инженеру – начальнику АХЧ, главбуху и т.д.) и были они намного моложе меня. Само почетное звание никого не волновало – но оно давало прибавку к зарплате. Ну а мне ее давать не хотели аж до самой пенсии.

Второе торжество произошло на кафедре Инженерной геологии оснований и фундаментов НАПКСа, где я много лет читал лекции, будучи в должности профессора. Попадание на кафедру ВУЗа было совершенно случайным. Просто как-то на улице я встретил ее заведующего и моего бывшего коллегу по НИИ, В. Н. Саломатина. Столкнулись, как говорится, нос к носу. И он мне сходу заявил: «Вот ты, Юровский, доктор наук болтаешься по улицам просто так. А у меня на кафедре, между прочим, курс инженерной геологии читать некому. Из НИИ ты не хочешь уходить, тогда иди преподавать хотя бы на полставки». Пришлось согласиться, но с условием, что сразу полставки я не по-

тяну – надо готовить новый курс лекций. Вот и сошлись на цифре 0,25. Но все равно через год перевели на 0,5. Подготовка к лекциям на первых порах занимала много времени. Но зато остальные условия были идеальны. Отчитал свои часы и свободен. И, наконец, третий юбилей пришлось организовать дома для самых близких друзей и родичей.

В начале 2000 года меня вызвал к себе в кабинет директор Ю.Б. И завел он речь о пляжах побережья Азовского моря, на которых местами скапливались так называемые «черные пески». Эти скопления тяжелых минералов на 80-90% состояли из ильменита (окиси титана), в принципе дорогого сырья, которое можно было продать. Но эти пески, к сожалению, были радиоактивны из-за примеси другого тяжелого минерала монацита (соединения тория). Ю.Б. полагал, что отделив монацит (а в НИИ работали грамотные обогатители) можно убить двух зайцев: во-первых, заработать на продаже ильменита, во-вторых, улучшить экологию Азовских пляжей.

Идея в принципе была заманчивой, и директор уже выбил в Киеве деньги на пятилетние исследования (случай беспрецедентный – обычно проекты выполнялись в течение двух, но не более трех лет). Предвкушая прибыль, ответственным исполнителем проекта он назначил себя. Мне же, как специалисту по береговым процессам и человеку одно время плотно занимавшемуся литодинамикой, выделялась чисто научная часть работы. А именно – установить, как эти тяжелые минералы оказались в пляжевой зоне, как они там накапливаются и перемещаются волнами и течениями.

Работа была мне близка по тематике, и согласился на участие в проекте в проекте. Как говорил мой приятель Валентин Павкин – пушка не стреляла по сорока причинам. Причина первая – не было пороха. Так вот основная причина моего согласия заключалась в том, что других предложений не было. Творческий коллектив, подобранный директором, отличался тем, что кроме меня в него вошли только люди «приближенные к императору». На эти пустяки, можно не обращать внимания, так как у меня была отдельная задача, в которой ни геологи-съемщики, ни минералоги, ни тем более обогатители ничего не понимали.

Первые рекогносцировочные результаты полевых работ оказались весьма интересными. Но сначала о быте. Мы проехали на комфортабельно оборудованном уазике всю украинскую часть побережья: от Бердянска до Мариуполя. Вернее ее проехал я, а более молодые ребята топали по пляжу с радиометром. Базу мы устроили в большем селе Новомихайловка, за гроши арендовав вагончик с кроватями, бельем и кухонькой. Все-таки, цены на Азове были в разы ниже курортных Крымских.

Шустрая молодежь тут же связалась с местными браконьерами и по дешевке купила у них целого осетра килограмм на пять весом. Вот уж все отъелись осетрины вволю. Покупка была делом случая. Ибо всю деликатесную рыбу отправляли на продажу в Москву. Других способов заработать на жизнь в этих краях просто не было. Отправка осуществлялась оригинально. Свежезамороженную в холодильниках рыбу перекладывали пластиковыми бутылками со льдом (просто в мощном морозильнике воду в них замораживали). Переложенная льдом рыба прекрасно доезжала до Москвы. А уж как они договаривались с таможней - особый секрет.

Скопления темноцветных минералов на пляжах («черные пески») обнаружались практически везде, кроме азовских кос, далеко выдающихся в море. На карте это выглядело в виде довольно хаотических пятен. Среди кварцевых песков они располагались и в виде отдельных линзообразных тел и в виде прослоев разной толщины и в виде пленок в волноприбойной зоне. Интенсивность гамма излучения зависела от многих факторов. Например, толщины слоя тяжелых минералов, перекрытия их кварцевым песком и других. На участках с чистым кварцевым песком фиксировался довольно низкий фон: 7-15 микрорентген в час (мкР). А пределах мощных скоплений излучение достигало 700 и более мкР. В среднем на толстых слоях на поверхности пляжа составляло 300 - 400 мкР. Такая высокая радиация уже может серьезно угрожать здоровью человека.

Интересно, что в конце сороковых годов местные жители за небольшую плату собирали эти черные пески в мешки и сдавали в ведомство Лаврентия Павловича Берии. Он тогда курировал проект создания атомной бомбы. По окончании работ сезона,

меня как начальника полевого отряда, срочно заставили написать информационный отчет и отправить его в министерство.

Из отобранных нами проб в НИИ выделили тяжелую фракцию монацита и ужаснулись. В пол-литровой банке радиоактивность достигала полмиллиона беккерелей. Сразу возникла масса проблем. Например, кто из обогатителей согласится работать со столь радиоактивным материалом. Где его складировать – ибо все радиоактивные могильники на Украине и так переполнены. В чем и как его перевозить. И наконец, при даже небольших сроках работы все обогатительное оборудование тоже станет радиоактивным, и его надо будет как-то утилизировать. Директор сразу же потерял всякий интерес к этой теме и назначил ответственным исполнителем своего заместителя по науке.

В мае 2000 года мне удалось побывать в Питере. Поводом послужила международная конференция, проводимая Университетом. Командировки нам оплатил НАПКС. Ехали в Питер мы вместе с Валерием Николаевичем (у него тоже был заявлен доклад) в одном поезде, только в разных вагонах. Основной целью у обоих, конечно была не сама конференция, а повод повидаться с коллегами и родственниками. Когда я устроился в своем купе ко мне зашел сын Валерия Николаевича – вежливый юноша по имени Максим. Папа зовет Вас к себе, объявил он. И повел меня через пару вагонов к отцу. У того уже был накрыт стол и стояла бутылка коньяка. В общем, мы славно посидели. За коньяком выяснилось, что обоих нас будут встречать на машинах – его родной брат, живущий в Питере, а меня Алиса. На перроне оказалось, что встречает нас одна Алиса и ее муж Саша. Брат нигде не просматривался. Ладно, Валерий Николаевич, сказал я. Придется доставить Вас к брату на моем желтом москвиче. Но ехать пришлось на белых жигулях-комби. Алиса уже сменила машину. Благо, дорога оказалось короткой - недалеко от Московского вокзала в конце Лиговки.

После долгого отсутствия в Питере я жадно вглядывался в родные места. Город уже сильно изменился. Появилось много новых магазинов, кафе, офисов. Практически все первые этажи были ими заняты. В центре всем улицам вернули старые названия (молодец Собчак!). Кстати, тоже самое сделали в Одессе и никто не возражал. А вот Энске все осталось по-старому. Про-

винция всегда консервативна. Дома был накрыт королевский стол. Я не удержался, заглянул к соседу. Рэм, хоть и постарел, но держался молодцом.

Регистрация участников конференции в здании 12 коллегий начиналось в 9 утра. Заседания - с 10 часов. Ну что, можно выехать полдевятого? Спросил я Алису. Нет, папа, надо выехать не позже 8 утра – пробки. Она было права. Расстояние до университетской набережной я раньше покрывал за 20 минут. Теперь же мы ехали больше часа. Не столько ехали, сколько стояли. Я впервые увидел, как дочь ведет машину. В этой каше, несмотря на ручное управление, она держалась уверенно. Ехала грамотно и спокойно. Я восхитился – отличный стиль езды, в меру осторожный, без всякого лихачества.

Наша секция, рассматривающая теоретические вопросы, помещалась в Петровском зале, небольшой отлично отреставрированной комнате. Вел заседания Иван Пенкович – профессор горного института. Я с ним был знаком шапочно. Но, интересных докладов было мало. Выйдя во двор покурить, я нос к носу столкнулся с сыном Виктора Юдина – Сережей. Это прямо какое-то невероятное везение – встретить Энского знакомого парня в пятимиллионном городе. Это было более чем, кстати, ибо привез Сереже какую-то передачку от отца и тут же ее вручил. А так бы пришлось искать его ехать куда-то специально. После перерыва, я сделал доклад, отметил командировку и решил сматываться из этого «толковища». Однако удалось сделать это далеко не сразу. Какая-то неудачно поставленная машина не давала возможности нам с Алисой выехать.

Пять дней пролетели как один. стыдно сказать – не помню, заезжали ли мы с Алисой к Алексею Ивановичу Короткову (или это было в предыдущий приезд, когда он играл нам Моцарта и Бартнянского?). Запомнилось только посещение пригласившей меня Галочки Корчевской. Да, мои одноклассницы (собственно их всего было трое – Таня, Галя и Люда) основательно поседели и постарели. Никто из них не сделал серьезной карьеры, но это не помешало им оставаться добрыми друзьями и порядочными людьми. Да и какая разница, сделали карьеру или нет. Все мы уже пенсионного возраста и скоро уйдем туда, где не важны любые дипломы и должности. Туда где все равны уже окончательно-

но. Вот я и попрощался с друзьями и городом моей юности. Попрощался с Рэмом, не думая, что уже навсегда. Последний раз проехал по Литейному проспекту, последний раз прошел по площади Восстания. Все когда-то кончается.

Следующая полуторамесячная экспедиция на Азовское побережье летом 2001 года выявила еще несколько неприятных моментов. В начале лета черные пески нагреваются солнцем быстрее и сильнее, чем белые кварцевые. На них и любят загорать отдыхающие. Но самое печальное, что это, же делают дети в местных лагерях и пансионатах. В том числе и те, кто уже получил изрядные дозы в Чернобыле. И всем на это было наплевать. Только на одном из пляжей города Мариуполя я увидел плакат, где курортникам не рекомендовалось загорать на черных песках. Без всякого объяснения. Более того, в мэриях Курортного Бердянска и Мариуполя меня предупредили, что бы я ни в коем случае не вздумал опубликовать свои данные в открытой печати. Это, мол, может резко сократить поток курортников и привести к серьезным убыткам. Некоторые детские лагеря вообще придется закрыть. А мы обязательно разошлем специальные рекомендации ее персоналу и директорам всех санаторно-курортных учреждений. Вот мудрецы! А что же делать с городскими пляжами? А как быть с массой диких отдыхающих, коих абсолютное большинство во всех приморских поселках? Они же почти все приезжают с детьми. Такие вот милые люди работают в местных органах власти.

В нашем полевом отряде все сотрудники имели солидный полевой стаж. У ребят за спиной была работа во многих районах. И на Дальнем Востоке, и в Сибири, и в Карпатах, на Курильских островах и даже в пустыне Сахара. Выезжая в маршрут, в лагере оставляли одного дневального. В его обязанности входил присмотр за вещами и главное - приготовление обеда. С маршрутов, прошагав с десятков километров по пляжу (с замерами, шурфами и прочее) и надышавшись свежего морского воздуха, все возвращались зверски голодными. Приготовить борщ или суп, сварганить второе умели все. И делали это не хуже любой поварахи. Все знали, что сердце у меня иногда барахлит и большей частью я или сидел в машине или оставался в лагере. Когда в лагере дежурить оставался зам. директора (кстати, отлично готовил) он

каждый раз толи в шутку, толи в серьез наставлял команду: вы там, в маршруте, не очень увлекайтесь. Главное привезите живым профессора (то есть меня).

Все это обернулось забавной историей. Однажды нам понадобилась лодка для отбора морских проб. Подъехали к стоянке рыбаков. Кто-то из наших вошел в их халабуду с заранее купленным флаконом и через минуту вернулся. Можно брать любую, весла сейчас принесут. А сколько надо платить поинтересовался кто-то. А нисколько. На нашу бутылку они даже не посмотрели. Они хотят видеть живого профессора. В этой глуши их отродясь не бывало. Водки у них самих хоть залейся – браконьерят. Так что придется тебе Георгич с ними пообщаться. Пришлось пообщаться. Меня тут же угостили свежевяленной таранькой с которой жир так и капал. Никогда раньше не ел такой вкусной вяленой рыбы. Ну, а что я им тогда наплел про науку и о том есть ли жизнь на Марсе, пересказывать не стану. Главное, что пробы отобрали и даже про сломанное весло никто слова упрека не сказал.

Из этой экспедиции мне пришлось уехать на неделю раньше окончания полевых работ. Попросили быть официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации. Ехал из Бердянска до Севастополя на автобусе, который бесконечно ломался и стоял в поле часами. Запоздывал так, что боялся опоздать на защиту. Сама защита представляла для меня особый интерес. Происходила она в севастопольском Институте биологии южных морей. Соискательница (одесситка) претендовала на ученую степень кандидата биологических наук. Причем защищалась она во второй раз. Первая защита прошла вполне успешно, но бдительный Украинский ВАК ее не утвердил. Претензии ВАКа на мой взгляд были чистой придижкой. Одна из ее статей, напечатанная в академическом журнале «Биология» оказалась не «фаховой». То есть вышла в том номере, когда журнал проходил аттестацию, поэтому и не была ей засчитана. Чинодралы не посчитались с репутацией старейшего научного издания. Подошли к вопросу чисто формально. Узнал всю эту историю от ученого секретаря спецсовета ИНБЮМа, вместе с официальным предложением быть официальным оппонентом. Время было дорогое, и пришлось тут же позвонить в Севастополь. Дорогой коллега! Я

ведь доктор геолого-минералогических наук, отнюдь не биологических. Зачем же мучить соискателя, ставя под угрозу и вторую защиту? На что мне ответили, что соискательница сама попросила назначить Вас официальным оппонентом. Мы подстраховались и также официально запросили ВАК. Эти чиновники пересмотрели список всех Ваших публикаций и прислали добро на ваше участие в защите в качестве оппонента. Так, что все в порядке.

Поездка в этом старом трясущемся автобусе была сплошным мучением. Ни читать, ни спать во время езды было невозможно. Зато можно было думать. И я задумался над превратностями своей научной карьеры. Чем только не приходилось заниматься! И в процессе работы на собственном опыте я понял, что почти все естественные науки так или иначе связаны между собой. Имеют порой совершенно неожиданные «стыковочные» области. Какой-то случай заставил меня заинтересоваться проблемой оценки качества природных вод. Покопавшись в литературе, быстро выяснил, что самым совершенным и прогрессивным методом в решении этого вопроса является биотестирование. Вот почему я настоял в свое время (лет двадцать назад) о покупке прибора «Биотестер-2». Пользуясь этим прибором, получил обширный материал. На основании этого материала, опубликовал не менее дюжины научных работ, которые были замечены чистыми биологами. Одесская эта дамочка как раз защищалась на тему биотестирования. ВАК посмотрел мои работы и ничего не смог возразить. Вот и придется теперь выступать перед маститыми биологами. Конечно, постараюсь не ударить лицом в грязь.

Совет выслушал меня весьма благосклонно. Предложили чаще у них выступать. После защиты (которая прошла благополучно, хотя седовласые мэтры долго и нудно спорили о каких-то классификациях) ученый секретарь предложил посетить их аквариум. С сожалением отказался, сказал, что ни на банкет ни на аквариум просто нет времени. Но аквариум у Вас действительно замечательный и я побывал в нем несколько раз. Услышав похвалу предмету своей гордости, секретарь пообещал мне, что отныне, как их коллега могу посещать это чудо когда угодно и бесплатно, стоит только к ней обратиться. А благодарный суп-

руг новоиспеченной кандидатши вручи мне в дорогу бутылку марочного коньяка одесского разлива.

Попрощавшись с благодетелем, сел в автобус. Через полтора часа в Энске с гордостью предъявил эту бутылку Людмиле Александровне. Вот чистый навар от моих биологических увлечений. Вообще-то я одесский коньяк не сильно уважаю. Но это подарочный вариант и выбирал коренной одессит. Должно быть напиток стоящий. Открыли. Попробовали. Увы, оказалась обычная одесская дрянь. Видимо, с тех царских времен, когда в России пили только Шустовский коньяк, прошло слишком много времени. Ни господин Шустов, ни господин Елисеев больше на качество продукции, носящего их имя не влияют. Где Вы, господин Шустов? Ау? Пришли к выводу, что наш крымский коньяк все-таки много лучше.

Заканчивался 2001 год. Первый год нового тысячелетия. Все казалось бы складывалось не так плохо. В НИИ у меня была стабильная госбюджетная тема, финансировавшаяся вполне исправно. Лекционный курс в Академии (НАПКС) был отлажен как часы: на каждую лекцию для себя сделал конспект и теперь подготовка к занятиям много времени не отнимала. Я был членом двух спецсоветов по защите кандидатских и докторских диссертаций – Севастопольского и Киевского. Членом редколлегии двух солидных научных журналов. Список научных публикаций перевалил за сто работ. То есть, наработан определенный научный авторитет. Последствия инфаркта не сильно беспокоили. В кармане всегда лежали таблетки нитросорбита. Бегать, конечно, не мог, да и на горки не мог взбираться. Сразу начинал задыхаться. Но ведь курить не бросил. И при случае мог употребить (правда, в меру) коньячку. Но, никто не знает своего будущего. И, согласно притче, сделал это Бог специально. Якобы спустился он однажды на землю, чтобы лично проверить, как там идут дела. И наблюдает такую картину: здоровенный мужик крушит добротный дом, рушит стены, ломает мебель. ‘Зачем ты это делаешь?’- Спросил Бог.’ А затем, чтоб соседу не досталось. Я еще и скотину порежу. Мне все равно назначено завтра помирать’. И повелел Бог, чтоб отныне никто не знал свое будущее, а уж время смерти тем более. Вот и я не знал, что мне уготовлено в будущем.

21. ГОД ИСПЫТАНИЙ-2002. МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В этом небольшом разделе придется рассказать не о нашем НИИ, а своих личных делах. Отношения к работе они вроде бы не имеют, но все в науке и в жизни взаимосвязано. Все мы люди и у каждого есть свой дом и заботы. Год испытаний случился только для меня.

Как правило, работа идет нормально. Кода у тебя за спиной крепкий тыл. Это значит, что дома полный порядок. Все чисто, прибрано. Утром тебя ждет приготовленный завтрак. По возвращению с работы обед готов и стоит на столе. Все вовремя куплено, за квартиру заплачено. Вся одежда выстирана, выглажена, рубашки накрахмалены. В этом отношении (в смысле ведения домашнего хозяйства) Людмила Александровна если и не была идеалом, то близко приближалась к нему. Были у нее кой-какие причуды. Так стиральных машин она не признавала. Все белье, в том числе постельное стирала вручную, открахмаливала, подсинивала и выглаживала так, чтоб ни одной складочки не было. Так как это делали еще наши прабабушки. На базар она ходила раз в неделю, но зато волокла оттуда в руках 25-30 кг. Плюс к каждому празднику - генеральная уборка. И все вручную. От пылесоса она тоже отказывалась. А сердце у неё уже основательно пошаливало. Даже с моей неспешной ходьбой она иногда начинала задыхаться. Умудренный инфарктным опытом часто говорил ей: да постой ты пару минут, и все пройдет. Еще она почему-то не хотела пользоваться феном, хотя я неоднократно предлагал купить его. За пару месяцев до Нового года возил ее на консультацию в Областную больницу. Тут уж не обошлось без такси. Все врачи настойчиво предлагали ей немедленную госпитализацию. Может она бы и спасла. Но у нее был тот еще характер. Категорический отказ. Мол, я как врач, и так всю жизнь провела в больницах.

Мы нормально встретили Новый год. Потом отметили 5 января, день рождения. Ей стукнуло 66. Но видимо, все-таки сказалось переутомление и праздничные хлопоты. Через пару дней у нее случился инсульт. Случился он поздно вечером и я,

олух, не догадался сразу вызвать скорую. А она мне не подсказала. В реанимацию ее увезли только утром. Молодые, но очень толковые врачи в реанимации сказали мне. По снимкам у нее огромная гематома в правом полушарии мозга и, надеяться в общем не на что. Не буду утомлять читателя малоприятными подробностями. После реанимации три с лишним месяца она пролежала в 4-х отделениях разных больниц. И каждый день я с работы убежал, чтобы ее навестить. Когда ее выписали домой, мне пришлось уволиться (это была середина апреля). Далее оформить пенсию. Ну и понятно, что все домашние хлопоты плюс лежащая больная полностью легли на меня. Я был в отчаянии. Собрал всех ее родственников и друзей, но они озабоченные собственными проблемами отказались помогать мне. Пришлось пригласить сиделку. С первой сиделкой, сравнительно молодой женщиной пришлось расстаться. Она была занята своими делами, а домашние заботы все равно были на мне.

В конце мая или начале июня (точно не помню) мне удалось уговорить другую сиделку Любовь Сысоевну – и это был подарок судьбы. Хоть и в возрасте, но очень деятельная, и энергичная она почти все домашние хлопоты взяла на себя. Это дало мне возможность доделать всякие мелкие дела и немного прийти в себя. Более того на два дня съездить в Трудлюбовку на базу СПб университета. Там проводилась уникальная международная конференция по учебным геологическим практикам.

В Трудлюбовку съехались преподаватели из более чем 20-и ВУЗов России от Владивостока до Воронежа. Плюс. Украина и Польша. Известное дело, самое интересное во всех конференциях – это общение в кулуарах после докладов. На ночлег нам с Виктором Юдиным выделили просторную 10-местную палатку, в которой и собирались продолжить дискуссию. Вскоре пришли еще четыре профессора из Питера и сын Юдина Сережа. Смеркалось. В палатке стало совсем темно, но спор был ярким. Поставили на стол карманный фонарик и увлеченно продолжали в полутьме. И в один из тостов обнаружили, что у высокого потолка палатки висит одинокая электролампочка. Но где выключатель? На брезентовой стене его не приспособишь. Творческий коллективный разум шести профессоров и преподавателя, ранее проводившего крымскую практику, перед этой проблемой ока-

зался бессилён. Может, повлиял банкет. Тогда Виктор по геологически обшарил все углы палатки и на полу за кроватью обнаружил выключатель. Появился свет и мы продолжили банкет и расслабились по полной.

Для меня самым интересным собеседником оказался доктор исторических наук, археолог, непонятно как затесавшийся в нашу геологическую компанию. Уже в три часа ночи, когда все завалились спать, мы с ним на свежем воздухе, сидя на скамеечке встретили рассвет. Помнится, разговор шел об экспансии древних греков на берега Черного моря. Меня давно интересовал один вопрос: почему все древнегреческие полисы располагались на открытых берегах в степной зоне. Ну, та же Ольвия, Калос Лимен, Киркенитида, многочисленные города на Керченском полуострове, Танаис в устье Дона, 4 полиса на Таманском полуострове, наконец, на кавказском побережье Диоскурия (Сухуми) и даже в районе Пицунды что-то было. А вот на Южном берегу Крыма, где природа вроде бы практически аналогична греческой, их нет. С одной стороны, может, правы историки, что в самой Греции и на ее островах крайне мало плодородной земли и греки просто вынуждены были искать их в Причерноморье. Но и на южном берегу были же участки пригодные для земледелия. Ответ археолога меня удивил. С различными кочевыми племенами, в том числе скифами, удавалось наладить деловые отношения и торговать. Но горную часть Крыма занимали Тавры, жившие, в основном, разбоем, пиратством, отчасти охотой и рыбной ловлей. С этими бандитами наладить контакт так и не удалось. Вот и все объяснение. Что в античные времена, что в нашем XXI веке с террористами договориться невозможно. Вся эта беседа о столь отдаленных временах, так отвлекла от повседневных забот, пролилась как бальзам. Это был праздник души.

С первого сентября начались занятия в ВУЗе и я опять был при деле. До начала февраля – окончания сессии. А во втором семестре учебной нагрузки уже не было. Проболтавшись месяц без дела, понял, что надо возвращаться в НИИ. На приеме у Ю.Б. мы договорились, что я поработаю пока на половину ставки, а там видно будет. Тему-то по радиоактивным пескам все равно надо было заканчивать. Причем заменить меня на выполнении ряда разделов было нечем. Так я проработал года полтора, а к завершению тема Ю.Б. перевел меня на полную ставку.

22. НЕУПРАВЛЯЕМЫЙ ПОЛЕТ. 2005 г.

Завершение отчета по радиоактивным пескам было не простым. Штатный состав НИИ уменьшился до 173 человек. Слава Богу, я не был ответственным исполнителем темы. Часть работавших на теме людей уже уволилась. Да и собрать у всех оставшихся исполнителей материалы было не просто. Спасло то, что пришлось работать только с компьютерными материалами. Позаботиться об апробации темы пришлось в голову только мне. Написал три статьи по радиоактивному загрязнению. К авторству тут же примазались несколько человек и в первую очередь сам зам. директора. Причем сделали они это в лучших традициях НИИ – о том, что у меня есть соавторы, узнал, только взяв в руки уже вышедшие из печати работы. Тогда я, никого не спрашивая, опубликовал уже собственную статью объемом в печатный лист. Издали её в сборнике научных трудов Морского гидрофизического института в Севастополе.

Кроме того мне пришлось основательно разобраться в таком документе, как «Нормы радиационной безопасности Украины». Это сборная солянка из нормативов МАГАТЭ. Российских и Западно-Европейских нормативов. А, разобравшись, пересчитать все наши замеры интенсивности гамма-излучения в Зиверты, используя также разрешенные в системе СИ такие единицы, как Беккерель Грэй, Электронвольт. Дозы радиации в Бэрах уже нельзя было употреблять. Много хлопот доставили расчеты уран-ториевого эквивалента для обогащенных рутиловых и ильменитовых руд. Возможность появления на пляжах участков покрытых черными песками с излучением 700 и выше мкР я рассчитал по формуле Пуассона.

К моменту защиты отчета на Ученом совете, решением Киевского руководства освободили от должности директора Крымского отделения УкрГГРИ Ю.Б. Что побудило их на этот шаг – не знаю. Может быть, предчувствие близкого краха всей геологической отрасли Украины, Сведения об этом Ю.Б. имел весьма точные от своих друзей и покровителей из Киева. Может быть по здоровью. Может быть и по обоим этим причинам, так что ушли... В деньгах он практически ничего не терял (имея

ввиду его директорскую пенсию). Но из своего большого директорского кабинета перебрался в небольшую комнату, получив при этом должность главного научного сотрудника. Уйдя с поста директора он, возможно, многое пересмотрел в своих взглядах. Так, Виктору Юдину он, извинившись, сказал, что зря его недооценивал. Правда, прожил Ю.Б. после этого недолго, что-то около года. Умер он в своем кабинете, прямо за рабочим столом.

Некоторое время в НИИ царило безвластие. К тому же его объединили с «ЮгГеоцентром». И это было не случайно. Возможно, директор этого центра видел себя на месте Ю.Б. Но в Киеве решили иначе, и должность директора получил ученый секретарь НИИ некто И.П. Однако в институте фактически всем стал заправлять директор «ЮгГеоцентра», ставший замом по науке. Можно сказать это был наш «серый кардинал». Мне он, не взирая на нашу ругань, однажды в поезде, сказал, что в Киеве согласился с его кураторством. А И.П. оказался в роли свадебного генерала. Чуть позже обоих назвали ликвидаторами. НИИ вошло в крутое пике.

Маленькое отступление 23. Надо сказать, что «серый кардинал» всегда рвался к власти. В годы разгула Горбачевской демократии состоялись первые более или менее свободные выборы в Верховный совет СССР. Наш «серый кардинал» тут же выставил свою кандидатуру. Ко мне в кабинет зашел сотрудник моей группы Саша Е. и сказал, что кардинал хочет, что бы я был его доверенным лицом. Соображать пришлось быстро: отказаться значит сразу нажать себе врага, причем страшно злопамятного. Вдобавок ждать неприятностей не только от него, но и от его еще более злопамятной супруги. С виду, такой тихой и пушистой. Она ведь тоже работала в нашем НИИ и по-моему, вертела своим мужем как хотела. Пошли к шефу. Он повторил свою просьбу, и я согласие участвовать.

Мне быстро выдали соответствующее удостоверение. Началась предвыборная кампания. Подошел я к этой работе ответственно, как и ко всякой другой. Пришлось здорово помогать по предприятиям с агитационными выступлениями. Собственно почти месяц мы в НИИ не работали, а только выступали. У кардинала были сильные конкуренты и главный Н. Б,

второй секретарь Обкома партии. И вот в день выборов мы рассадили всех доверенных лиц на участки. Я пришел на свой перед открытием и просидел от начала до конца никуда не отлучаясь. Все боялись подброшенных бюллетеней. Перед концом председатель избирательной комиссии участка подошла ко мне и сказала: Теперь все! Возможности вброса нет. Уж я то знаю. Это мои двадцатые выборы в этой должности. Тем ни менее, вместе сопровождающими и бюллетенями все-таки поехал в центральную комиссию. Она размещалась в здании сегодняшней мэрии Энска.

До четырех часов утра мы с Сашей ждали результатов подсчета голосов. В общем, сутки не евши и не пивши. В начале пятого выяснилось, что кардинал победил. Мы вышли на улицу и закурили. Пойдем домой к кардиналу. Наверняка он тоже не спит. Наверняка есть что выпить и закусить. Пошли пешком, транспорт же не ходил. Позвонили. Кардинал не спал. Открыл дверь тут же. Мы первыми сообщили радостную новость. В ответ - ни за что не догадаетесь. В ответ и за все наши мучения нам предложили по чашке чая. Заметьте, не шампанское, не коньяк и даже не водку. Предложила супруга, а кардинал скромно промолчал. И это при том, что выборы были не в сельсовет и даже не в областной или республиканский. Это были выборы в Верховный Совет СССР. Чай мы выпили, пить хотелось страшно. Но выйдя из квартиры поматерились всласть.

Примерно через год кардинал изволил навестить родное НИИ. Немного рассказал о мировой политике и всеобщей победе демократии. Я поймал его у дверей сортира и сказал, что надо бы подумать о благополучии НИИ. А еще лучше создать свою маленькую контору, где он был бы уже не серым кардиналом, а директором (ведь в депутатское кресло он спланировал с должности второго пилота). Ну а команда уже есть готовая. На что получил в ответ – мы в Верховном Совете такими мелочами как НИИ не занимаемся. Мы решаем общегосударственные задачи. Да! Не зря один мой приятель говорил, что если человек рвется к власти, то эту власть давать ему ни в коем случае нельзя. У него сразу происходит сдвиг по фазе.

Вот с таким начальством теперь приходилось работать. С присоединением «ЮгГеоцентра» в НИИ перешла и вся его тематика. В том числе и тема по подземным водам шельфа. Зачем кардинал выбил себе в Киеве эту госбюджетную тему, было совершенно не понятно. Вел ее простой инженер, даже не кандидат наук. Назначать ответственными исполнителями темы инженеров, было не принято. Даже случаев таких не припомню. Но дело не в степенях, а в том, что в этом вопросе этот человек был абсолютно некомпетентный. Работа у него не двигалась. Кардинал, чуя неладное, на Ученом совете предложил быть научным руководителем этой темы мне. Поскольку других предложений не было пришлось согласиться. Тем более что тематика была явно моя, и никто больше ей в НИИ не занимался.

Узнав об этом, инженер примчался ко мне в кабинет с бутылкой коньяка. По квалификации, возможно, инженер он был не плохой. Но и только как инженер, а не научный работник. Вдобавок, как оказалось чуть позже изрядный пьяница. Я сгоряча попросил его поработать в фондах. Получив свободу, этот кадр начал пить. Где-то ему набили физиономию, разбили очки и повредили глаз. Несколько месяцев он лечился, а потом уволился. Все материалы, которые он успел собрать, совсем не лезли в тему. Их просто пришлось выбросить.

Тогда мне в помощь дали аспирантку нашего зав. отделом. Девушку очень милую и исполнительную, но, к сожалению, также знающую морскую гидрогеологию, как я китайский язык. Правда на компьютере она работать умела и техническую помощь оказывала реальную. И я решил воспользоваться этой помощью и сделать из этого отчета в будущем монографию. Одна монография у меня в 2005 году уже вышла. Причем в соавторстве только из-за того, что не владел нормально компьютером и все оформление сделал соавтор. Если Вы думаете, что издание книги оплатило наше НИИ, то крепко ошибаетесь. Нашему начальству не были нужны монографии, а умников, которые их пишут и издают - тихо ненавидели. Весь тираж книги оплатила Академия, потому как ректор понимал, что это престиж заведения. И в этом же 2005 году, я, наконец, получил из ВАК аттестат профессора.

Маленькое отступление 24. К этому времени в НИИ сложилась интересная обстановка. Все ведущие научные сотрудники сидели в своих отдельных кабинетах как тараканы в щелях. Приблизённым к императорской фамилии провели интернет. Никто из моих друзей-коллег в их число не входил. Мы предпочитали общаться напрямую. Сложился даже определенный ритуал. Так утром, проходя мимо двери нашего компьютерщика Николая Г., стучал ему и приглашал выпить кофе. Он немедленно являлся и каждое утро рабочий день начинался с чашки кофе. Попутно обсуждались все институтские новости и разные рабочие вопросы. Частенько по дороге к себе на четвертый этаж заглядывал Виктор Юдин. Если не заходил, то я отправлялся к нему на этаж выше по принципу «Если гора не идет к Магомету...». За этими посиделками часто решались важные научные проблемы. Появлялись новые идеи. В целом посиделки с кофе были чрезвычайно полезны. Если ученый варится в собственном соку, не общается с коллегами, рано или поздно он заходит в тупик.

Отдельными вмеруприятиями надо считать дни рождения и всякие праздники. Перед этим мы с Виктором посещали ближайший рынок, закупая выпивку и закуску. На праздник приглашались близкие по духу и работе коллеги. Как говорится, все проходило в теплой и дружественной обстановке. Совершенно святое мероприятие – празднование Дня Геолога. На доске объявлений появлялись самодельные плакаты со стихами и рисунками. А в нашу комнату набивалось тьма народу. Вспоминали минувший геологический год, строили планы на следующий...

Объединение НИИ с «ЮгГеоцентром» мало что изменило в финансовом положении. Новые темы не открывались. Старые кончались. Госбюджетных денег катастрофически не хватало. На ученом совете начальство предлагало срочно заключать договорные контракты. Но условия их выполнения были не реальны. Из общей суммы договора исполнителю оставляли не более 20%, остальное съедали налоги, и содержание ОУП. Да и эти деньги получить было проблематично. Как в этих условиях можно было выполнить тему? Разве что продать уже имеющиеся материалы или в 5 раз завысить сумму контракта. Но второе невозможно. Дураков платить лишние деньги не находилось. А

нормальной ситуации заказчику было наплевать, как выкручивается исполнитель. Ему нужен был результат. Естественно хоздоговора на таких условиях и не заключали. Никто не хотел работать даром, кормя при этом дирекцию, бухгалтерию, плановый отдел и прочую публику. Проще без бумажной волокиты было оформить работу через фирму посредников, или вообще по трудовому соглашению.

Случались единичные, но уж вовсе фантастические вещи. Так, позвони мне некий частный предприниматель из Севастополя. Кто ему меня порекомендовал и дал рабочий телефон, так и не выяснил. Он занимался обустройством участков земли под продажу. То есть планированием участка, подведением всех коммуникаций и прочее. Его интересовало мое мнение на развитие береговых процессов в определенных участках берега и ряд других вещей. Для этого он приехал из Севастополя на шикарном джипе, повозил меня для ознакомления от Балаклавы до Учкучевки и доставил обратно в Энск. Этот крутой бизнесмен нуждался в свежих нестандартных идеях. Примерно за неделю я подготовил ему Аналитическую записку по теме: Подготовка участков земли к продаже (геологические, инженерно геологические, литодинамические и эстетические аспекты) объемом 15 страниц. За это он немедленно заплатил мне 700 гривен. Без всякого оформления и лишних бумажек. Наверное, мог запросить бы и больше, но не хотелось выглядеть рвачом.

Такая позиция оказалась правильной. Осенью 2006 года в Гурзуфе проходила крупная международная конференция, на которой рассматривались вопросы абразии берегов. Я позвонил этому деятелю и предложил ему послушать доклады тоже, там ему будет интересно. Он приехал, опять на своем громадном джипе. Пока я оформлял документы и регистрировался, он оплатил шикарный двухкомнатный люкс. Но послушав полдня доклады, решил не оставаться в Гурзуфе и укатил домой. Чтобы не скучать одному в огромных апартаментах с большой лоджией и видом на море я подселил туда еще пару коллег. В первый же день сделав свой доклад я прекрасно отдохнул остальное время конференции по существу на халяву. Было еще тепло. Большую часть времени мы проводили на лоджии. Там стоял стол и несколько стульев. Любовались прекрасным видом, смотрели на

море и деревья парка внизу. В гости к нам прилетала чайка. Садилась на ограждение лоджии. Брала из рук хлеб. А уж сколько мы там выпили коньяку – страшно вспомнить. Один раз удалось затащить в гости Алексея Митропольского. Он жил этажом ниже, в скромном одноместном номере. Ну, а что касается бизнеса, он не ограничился изучением отечественного опыта. Съездил в Израиль, Голландию и еще куда-то. Привез великолепные слайды с разными вариантами берегозащиты и показал их на совещании МГИ. Толковый мужик и правильно берется за дело.

В 2006 году я познакомился с Александром Васильевичем Прусовым. Этот кандидат физ.-мат. наук, окончивший Питерский университет, вел тему в Морском гидрофизическом институте по субмариной разгрузки подземных вод. Он приехал ко мне из Севастополя на консультацию, так как о такой разгрузке почти ничего не знал. Но где-то раздобыл мои работы и понял, что надо пообщаться. Вскоре мы стали если не друзьями, то хорошими приятелями. Для разработки программы и методики исследований он даже на месяц зачислил меня по контакту в свою группу МГИ. Позже у нас вышло в печати с полдюжины совместных работ, в то числе в Докладах Академии наук. Правда, к некоторым из них примазался директор МГИ, академик В.А. Иванов, но работы были очень интересными. На одну из них наткнулся другой академик, но Российский И. С. Зекцер. С Игорем Семеновичем мы были знакомы еще до защиты моей кандидатской. Он прислал мне письмо и предложил поучаствовать в его монографии. Я согласился, и затем в Москве вышла роскошно оформленная монография с моим скромным участием.

В 2007 г исполнилось 50 лет со времени создания УкрГГРИ. Естественно отпраздновали Юбилей и все его отделения: Львовское, Черниговское, Полтавское, Днепропетровское и конечно недавно-приобретенное Крымское. По этому поводу издали юбилейный сборник научных трудов и Справочник, где мне уделили всего пару строк. И понятно почему – писал то текст и редактировал кардинал. Ну и пес с вами. Зато в этом же году вышла книга С.Г. Половко «Сто морских геологов Украины», где меня поместили в компанию академиков и классиков. Он раскопал где-то мои биографические данные, о которых я сам не помнил. Для чего это нужно было Сергею Половко сооб-

разил, когда он защищал докторскую по истории науки. Оказывается, есть и такая специальность в перечне ВАК. А еще до этого коллеги из Энского Университета включили данные обо мне в справочник Киевского Университета и ГосКом Гидромета уже как гидролога. Да, нет пророков в своем отечестве, а тем более в нашем НИИ. Впрочем, я не пророк, и никогда не претендовал на то, что бы меня поминали в истории науки.

Между тем падение НИИ продолжалось с возрастающим ускорением. Если театр начинается с вешалки, то одной из визитных карточек любого учреждения являются туалеты. Мужской туалет на третьем этаже у нас сломался (или засорился). Его даже не стали чинить, а просто заколотили дверь. Теперь все бегали на первый этаж и четвертого и с третьего. Хотя бегало уже не так много народу. Институтские коридоры и кабинеты пустели с пугающей быстротой.

Весьма показательная ситуация. В 2009 году Виктор Юдин за свой счет издал Геологическую карту Горного Крыма. Случай, вообще говоря, беспрецедентный. Один человек сделал то, на что обычно тратят годы большие геологические организации. Карта тоже создавалась не один год, но автор-то был один и работа никем не финансировалась. За это полагалось бы давать ордена. Или, учитывая огромный вклад в науку, количество публикаций и главное многочисленных монографий, по крайней мере, выдвинуть автора в член-корреспонденты НАН Украины. Но в нынешней ситуации научная активность наоборот, грозила крупными неприятностями. Во-первых, карта показывала совершенно иной, современный, взгляд на геологическое строение полуострова. Сама она кардинально отличалась от официальных, ранее изданных. Это естественно привело оголтелых фиксистов в ярость. Во-вторых, многие не хотели верить, что это смог сделать один человек. Естественно возникла зависть к чужим достижениям. Чуть позже Виктору это аукнется. Карта вызвала большой интерес у большинства геологов не только Крыма, но и за рубежом. В результате, по причине как бы отсутствия финансирования, летом 2009 г. его уволили из института. Но «смиловивились», позволив заниматься наукой в своем кабинете НИИ бесплатно, что он и делал в течение трех лет...

С моей точки зрения увольнение Виктора – самого молодого и перспективного доктора в НИИ было не только заказным, но и просто сведением счетов. У меня на теме были деньги. Я час беседовал с директором ИП, дабы перевести его ко мне на тему. Тот крутился как уж, рассказывал всякие байки о положении в отрасли и т. д. В конце концов, признался, что решить этот вопрос он, директор(!), не может без «серого кардинала»! Пошел к кардиналу и нарвался на категорическое нет. Все это выглядело, скажем, прямо неприлично. С хорошими профессионалами, тем более докторами наук так поступать нельзя.

В 2010 году НИИ вместе с головным институтом организовали международное совещание в Судак. Судак – место дорогое. Поэтому гостиницей обеспечили только оргкомитет и особ приближенных ко двору. У меня и Виктора были заявлены доклады. Чтобы сэкономить на двух докторах нам выделили «Ниву» и на один день привезли на совещание. Только сделать доклад и тут же отправить обратно в Энск. При въезде в Судак нас накрыл настоящий тропический ливень. Такой интенсивности осадки доводилось видеть только в Сухуми. Улицы моментально превратились в бурлящие потоки. Они несли бревна, урны, штакетник и всякий мусор. В ворота санатория, где проводилось совещание, втекала настоящая горная река. Решили проехать к другим воротам. Но, там оказалось понижение в рельефе, где образовалось озерцо. В центре озерца живописно плавал жигуль. Даже высоко сидящая нива не рискнула там проехать. Пришлось ждать, пока ливень поутихнет. Отчитали мы свои доклады и сразу поехали назад. Правда, меня еще осчастливили талончиком на обед в местном ресторане. Дрянной, кстати, обед, но на халяву. Это было последнее совещание, на котором я был (вне Энска).

23. КОНЕЦ ПОЛЕТА

Ну, а в июне 2011 года я и сам был уволен с мотивировкой – по окончанию контракта. Уволили тогда практически всех. Штопор закончился тем, что самолет врезался в землю... НИИ, даже как филиал перестало существовать. Оно превратилось в отдел, в котором осталось не более 10-12 человек во главе с зам-директора по АХЧ. (По терминологии Стругацких в «Улитке на склоне» произошло Одержание, т.е уничтожение НИИ) Не знаю как других, но меня уволили по-хамски. Просто однажды утром я на столе в кабинете обнаружил обходной лист. Все-таки тридцать лет проработал в этой организации и далеко не дворником. Но что сделано, то сделано.

Надо сказать, что ликвидация коснулось не только нашего НИИ, но и других геологических и геофизических организаций. Причем не только в Энске, а и по всей Украине. Разгром отрасли бал тщательно подготовлен и умело проведен. Не зря премьер-министр Украины Азаров был доктором геолого-минералогических наук. Сначала постепенно урезали финансирование и многие, особенно молодые специалисты ушли сами. Предусмотрели и то, чтобы способные сопротивляться развалу были заранее нейтрализованы. На них, под разными предлогами, завели уголовные дела и затаскали по судам. Обвинения, как правило, были надуманны и смехотворны. Но это был заказ (вопрос чей?) и с выбором формулировок особенно не напрягались.

Например, в мае 2011 года «наехали» на Виктора Юдина. Ему предъявили обвинения в нарушении авторских прав, в злоупотребление служебным положением (которого у него не было) и даже (как бы по ошибке) - в ограблении неизвестно кого с применением насилия... Правда все эти обвинения самым следствием были быстро сняты. Одновременно обвинили в том, что при составлении геологической карты Горного Крыма он использовал материалы, принадлежащие государству. Во-первых, свидетельствую, этого не было. Во вторых если даже и использовал то только свои результаты (выходит, плагиат на самого себя?). И вообще это глупость. Однако акция была хорошо подготовлена. Поводом для возбуждения уголовного дела послужил

квалифицированно состряпанный донос. Его могли изготовить только в недрах НИИ и скорей всего по заказу верхних «товарищей». Исполнители нашлись сразу. Их не нужно было даже уговаривать. Ведь самый молодой доктор геолого-минералогических наук и авторитетный профессионал мог помешать разгрому НИИ. А что он сможет сделать, когда будет находиться под следствием и под подпиской о невыезде 8 месяцев? Все успокоилось сразу после полного развала института.

ИТОГИ

В свете сегодняшних событий после Киевского майдана появляются мысли иного плана. Украина сырьевая страна, причем главным образом сырье добывается из ее недр. Следовательно, геологию зарубежным «друзьям» Украины надо было угробить на корню, чтобы украинцы даже не представляли что это такое. Потом, сменить существующую власть (она и так многих не устраивает) и привязать соглашением об ассоциации к Евросоюзу. И вот вам готовая колония типа любой африканской. В той же Африке абсолютно все геологические работы проводят иностранцы. В том числе Российские и Украинские геологи. Где вы видели геологов негров? Колонию удобно грабить так, чтобы аборигены даже не подозревали об этом. Тогда и Украине не нужна собственная геология, тем более всякие там НИИ. Будем считать, что на геологическую отрасль наехал асфальтовый каток.

Ну, а «ликвидаторы» свой заказ выполнили. Они пешки в этой игре. Получили в виде подачи научные и директорские пенсии, причем в разы большие, чем сами ученые. А дальше - одни вопросы...

Для некоторых сотрудников погибшего Лайнера выход еще остался. Как и раньше, не благодаря, а вопреки, делать не «национальную» под диктовку дяди, а мировую Науку бесплатно. Благо, библиотеки и многие коллеги теперь легко доступны в интернете. Можно вести исследования, писать научные статьи и издавать книги, но за счет собственных пенсий. Пока это получается не хуже, чем в Лайнере на форсаже. Ученых нельзя заставить не думать, легче убить. Они трудились и во времена инквизиции и под угрозой костра, и в шарашках сталинских лагерей. Но что будет, когда не останется энтузиастов? Наверное, тоже, что и в любой полуколониальной африканской стране.

И в заключение - немного оптимизма. Некоторые старые «лайнеры-НИИ» еще можно реанимировать и возродить. Главное - не позволить уже почти завершенное в Энске уничтожение оборудования, библиотек, фондов и самих зданий НИИ. Примером тому – крупнейший Всесоюзный, ныне Всероссийский гео-

логический институт ВСЕГЕИ в Санкт-Петербурге. Несколько лет назад он попал в очень сложное положение, но ныне - снова на форсаже. Успешного полета, коллеги!

Р.С. Повесть была закончена автором в феврале 2014 года. А уже в марте стремительные политические события привели к тому, что Крым вначале стал независимой республикой, а уже через неделю - частью Российской Федерации. Для всех специалистов в области любых геологических дисциплин это означает только одно. Придется засучивать рукава и браться за работу. В первую очередь придется заново пересмотреть весь геологический материал по геологическому картированию. Издать новые геологические карты согласно стратиграфическому кодексу РФ с русскоязычными названиями, перевести на русский легенды и пояснительные записки. Провести инвентаризацию всех фондовых материалов, ибо большую часть их успели вывезти в Киев. Выполнить детальное изучение шельфа полуострова, используя современные геофизические методы. И так далее.

В области экологии также намечается пропасть работы. Надо осваивать новые нормативные документы, действующие в РФ. Может быть, дополнять их своими, региональными, как это делалось в Санкт-Петербурге.

Таким образом, с помощью Российских ученых, в том числе Российской академии наук, возможно, удастся вновь поставить наш лайнер «на крыло» и поднять его в новый научный полет. Очень хочется верить в светлое будущее геологии Крыма.

Ю.Г. Юровский

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО НИИ

(воспоминания научного сотрудника)

Формат 60x84/16. Усл. печат. л. 11,0. Тираж 300 экз. Зак. № 10/03.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ФЛП Бражникова Н.А.
95034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Декабристов, 21, оф. 216,
тел. (0652) 70-63-31, 050-648-89-34.
E-mail: it.arial@yandex.ru

В 1963 году окончил Ленинградский гидрометеорологический институт ЛГМИ (с 1993 г. – Российский Гидрометеорологический университет), гидрологический факультет. По распределению направлен в Якутское управление гидрометеослужбы.

С 1963 по 1966 – начальник Гидрометеостанций Усть Миль (бассейн р. Алдан) и Чернышевский, (бассейн р. Вилюй). Участвовал в строительстве Вилюйской ГЭС – первой в Мире гидроэлектростанции на вечной мерзлоте.

С 1970 – 1973 г. обучался в очной целевой аспирантуре ЛГМИ. И одновременно – в Ленинградском горном институте (ныне Санкт-Петербургский горный институт). В 1973 году защитил в г. Ленинграде диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук. Руководил экспедиционными работами на шельфах Охотского, Японского, Баренцева и Черного морей. В 1981 г. вернулся в Крым. Заведовал Лабораторией комплексных исследований прибрежной зоны моря, Института минеральных ресурсов Министерства Геологии УССР. Работал в Государственной комиссии по Крымской АЭС, в комиссии Академии наук Украины по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В 1993 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук в Институте геологических наук Национальной академии наук Украины, г. Киев по специальности – геология океанов и морей. С 1999 г. – профессор Национальной Академии природоохранного и курортного строительства.

Автор более 200 научных работ, в том числе автор и соавтор 14 монографий. Первые литературные произведения вышли в печати в 1963 г. – «стихи в газетах Якутии». Там же в 1966 г. получена первая литературная премия. Регулярную литературную деятельность начал с 1996 г.